

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ — OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Октябрьская революция как глобальный проект

6

В.Павленко

В статье, посвященной 90-летию Октябрьской революции 1917 г., события той эпохи анализируются в контексте разрабатываемой в настоящее время рядом ученых концепции глобальных проектов, отличительной чертой которой выступает видение всемирно-исторического процесса через призму их конкуренции.

Рассматривая глобальные проекты, формируемые одной и той же цивилизацией (в частности, Россией) как меняющие друг друга уклады, а их борьбу как инструмент за-воевания глобального лидерства, автор формулирует понятие "магистральных" проектных преемственостей, принадлежность которых объясняет стремление тех или иных цивилизаций к доминированию.

Успех СССР, в короткие сроки превратившегося в одну из мировых сверхдержав, данной концепцией объясняется с позиций традиционализации коммунистического режима, особенно ярко проявившейся в годы правления И.В.Сталина. Историческим за-воеванием Октябрьской революции, актуальным для современности, называется отвержение формально-демократических основ "февральского" режима и его попыток направить Россию по пути западной цивилизации.

Национальные проекты в государственной стратегии России

19

В.Казанцев

Проведя анализ сущности и содержания приоритетных национальных проектов ("Образование", "Здоровье", "Доступное и комфортное жилье", "Развитие АПК"), автор делает вывод о том, что они по своей сути и содержанию являются не только важной составной частью новой стратегии российского государства, но и стали важным

явлением в общественно-политической и экономической жизни страны, ибо в их реализацию наряду с институтами государственной власти включилась значительная часть общества.

Антиинфляционная стратегия – основа экономической политики

27

Ю.Чернов

Указав, что при формировании антиинфляционной стратегии принципиально важно учитывать, что инфляция по своему происхождению и результатам является феноменом социальным и политическим, а не только экономическим, автор считает, что намерение правительства подавить инфляцию средствами исключительно монетаристской политики ошибочно и извращает всю перспективу успешной борьбы с инфляционными процессами.

Криминализация России: побочный или “генетически” программируемый продукт рыночных реформ?

33

О.Муштук

Приведя в начале статьи характеристику всеобъемлющей криминализации России в 90-е годы, автор указывает, что она вполне применима и к 2000-м годам, так как за это время в стране мало что изменилось к лучшему. В этой связи рассматривается состояние организованной преступности, противоправная деятельность правоохранительных органов и развитие коррупции, принявшей характер национального бедствия, и меры по борьбе с этим злом.

Современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе

43

А.Санглибаев

Характеризуя современную этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, автор рассматривает истоки, динамику и перспективы ее развития. Указав, что сейчас Северный Кавказ является одним из наиболее конфликтных регионов РФ, он обуславливает это критическим уровнем противоречий в национально-государственном устройстве и межэтнических отношениях, в основе которых лежит конкурентная борьба этнических и политических сил за перераспределение власти и ресурсов.

Составляющие кризиса на Северном Кавказе

55

Ю.Григорьева

Указав, что возникновение кризиса именно в Чеченской республике в 90-е годы было обусловлено сочетанием ошибок политиков, особенностей исторического прошлого и социально-демографических “факторов риска”, достигших “апогея” в Чечено-Ингушетии, автор полагает, что, несмотря на очевидные признаки стабилизации, они все еще весьма обратимы, особенно в случае недооценки значения социально-экономических “составляющих” для развертывания кризиса. При этом дается сравнительная картина разных регионов Северного Кавказа по базовым социально-демографическим и экономическим показателям в докризисный период.

Этнополитическая напряженность в Латвии

64

Д.Сазонова

Сделав краткий экскурс в историю Латвии, автор основное внимание уделяет рассмотрению причин напряженных отношений между главными национальными общинами этой страны – латышами и русскоязычными и показывает пути ослабления этнополитической напряженности в стране.

Трагедия Ливана

72

А.Вавилов

В статье рассматриваются истоки и основные вехи ливано-израильской конфронтации, причины, ход и результаты израильской агрессии против Ливана летом 2006 г., а также вероятные перспективы развития ситуации на Ближнем Востоке.

Формирование и реализация национальных интересов

86

Ю.Бойко

Рассматривая системные взаимосвязи категорий “национальные интересы”, “национальная система ценностей” и “национальная идеология”, автор показывает их место при выстраивании основных стратегических целей государств в условиях модернизационных изменений, протекающих в мире.

**Обеспечение национальной безопасности России
в военной сфере**

93

В.Бекетов

В статье рассматривается деятельность органов государственной власти по укреплению правовых основ военной безопасности в форме принятия нормативных актов, закрепляющих единую государственную вертикаль власти и принцип единоначалия в военной сфере.

Глобальные вызовы, угрозы и риски безопасности

103

К.Кокунов

Рассматривая основные понятийные инструменты международной (глобальной) безопасности, автор отмечает ее основные отличия от состояний безопасности в предшествующие исторические эпохи и периоды, а также дает краткую характеристику основных глобальных угроз и вызовов.

**Глобальные проблемы в контексте современных
тенденций мировой политики**

109

Г.Рудов, А.Задохин

Рассматривая вопрос о “глобальных проблемах человечества”, авторы пытаются определиться с типологизацией и иерархией этих проблем и утверждают, что вопрос решения этих проблем становится частью мировой политики и международных отношений. В этой связи они останавливаются на проблеме места России в процессе глобализации и решения глобальных проблем, а также ее статусе в мировой политике и его соответствии национальным интересам.

Почему Иран и КНДР никогда не будут располагать МБР

117

В.Васильев

В связи с началом США практических мероприятий по развертыванию европейского сегмента ПРО, считая при этом главной угрозой для себя МБР Ирана и КНДР, автор проводит технический анализ этой проблемы и приходит к выводу, что эти страны никогда не будут обладать МБР.

Образ России в СМИ

122

О.Малеева

Говоря о важности и необходимости формирования позитивного образа России преимущественно в СМИ и, в частности, Интернете, автор рассматривает основные факторы, из которых складывается имидж страны, а так же указывает основные причины формирования негативного образа у граждан. В силу того, что позитивный имидж страны во многом зависит от репутации власти, необходимо направить усилия и на повышение репутации современной власти.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежаля», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокомпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Октябрьская революция как глобальный проект

Владимир Павленко,
кандидат политических наук

90 лет Октябрьской революции – слишком серьезная дата, чтобы обходить ее молчанием или сводить обсуждение связанных с ней проблем к заученным штампам, будь то пресловутый “Краткий курс истории ВКП(б)”, бесплодные теоретические потуги “прорабов” застоя и перестройки или последующие изыскания адептов “прав человека”, “политической демократии” и “общечеловеческих ценностей”.

Времени, прошедшего с распада СССР, на наш взгляд, вполне достаточно для того, чтобы поискать волнующие нас ответы, абстрагируясь от захлестывающих эмоций. Многое утекло и за десятилетие, истекшее с предыдущего юбилея.

Сквозь призму эпохи В.В.Путина, давшей нам пусть не вполне четкие, но все же различимые очертания будущего миропорядка и возможного места в нем России, проявляется смысл Октября как “момента истины”, не только поставившего, но и решившего – в жестком столкновении исторических интересов и сил – вопрос ее самоопределения.

Идеологический лимитроф

Рассмотрение всемирно-исторического процесса через призму концепции глобальных проектов, введенной в современную политическую науку российскими учеными М.Л.Хазиным, С.И.Гавриленковым, а также основным рецензентом их работ проф. М.В.Коллонтаем, позволяет выявить ряд важных закономерностей, прежде всего, их цивилизационную принадлежность.

Каждый из глобальных проектов формулируется и выдвигается определенной цивилизацией, исходя из присущей ей и только ей системы ценностей (проектной идеи), которая, преобразу-

ясь в систему смыслов, составляет менталитет, а также мировоззренческую и поведенческую норму. В соответствии с идеей и нормой как идеальной базой глобального проекта формируется материальная база – система разделения труда с входящими в нее валютной, финансовой и торговой системами. Распространение глобального проекта осуществляется за счет внутренней и внешней экспансии, первая из которых связана с консолидацией общества вокруг проектной идеи, а вторая – с распространением идеальной и материальной базы проекта на соседние цивилизации и в глобальном масштабе¹.

При этом авторы концепции глобальных проектов, на мой взгляд, ошибаются в оценке идеи как чего-то неизменного (меняется, по их мнению, только норма).

Опыт секуляризации, затронувшей оба христианских проекта – западный и восточный, показывает, что видоизменяться под воздействием чрезмерных нормативных модификаций может и идея. В результате этого корректируется не только сам проект, но и его цивилизационный генезис, доминирование в котором от духовно-культурных факторов переходит к технологическим, а в самой духовной культуре религия замещается идеологией.

Нетрудно заметить, что именно этими характеристиками отличается современное западное лидерство, а также попытки увековечить его в проекте “Новый мировой порядок”.

Проектный подход представляет всемирно-исторический процесс много вековой конкуренции различных глобальных проектов, завершение которой означает пресловутый “конец истории”. Ф.Фукуяма верно это уловил, но явно поторопился объявить Запад победителем, признав, пусть и с опозданием, свое заблуждение отказом в доверии Дж.Бушу-младшему, которого, по сути, обвинил в предательстве глобальной проектной задачи в пользу местечкового национализма “одноэтажной” Америки².

Каждый новый мировой лидер, каждая историческая эпоха и форма государственности является продуктом проектной трансформации, связанной с преобразованием отжившего глобального проекта. Если таковая не носит преемственного характера, мы вправе говорить о переходе глобального проекта в латентную форму или об его завершении (проект гитлеровской Германии или наполеоновской Франции). Когда же новый проект как бы выра-

стает из прежнего, а, тем более, если это происходит хотя бы два, а, тем более, несколько раз подряд на протяжении длительного исторического времени, необходимо говорить о проектных трансформациях, сумма которых составляет “магистральную” проектную преемственность. Не вдаваясь в детали, составляющие основное содержание готовящейся к выходу авторской монографии, отметим, что наиболее продолжительные “магистральные” преемственности, включающие, на наш взгляд, по четыре проектных трансформации, сформированы Западом и Россией.

“Магистральной” является преемственность и коммунистического проекта, отличающегося рядом специфических черт, главная из которых – привязка не к конкретной, а к любой цивилизации и совмещение с ней. Дело в том, что условием развития глобального проекта является формирование “опорной” государственности. Так, на Западе “магистральная” преемственность, в целом, формируется ее переходом от католицизма к протестантизму и тесно связанному с ним масонству, от континентальной Европы к островным и, в целом, “морским” державам – Великобритании, а затем США.

Российская преемственность имеет, условно говоря, два с половиной источника: наряду с совмещением византийской цивилизационной (православной) проектной задачи с татаро-монгольской geopolитической задачей консолидации евразийского пространства, Московская Русь и Российская империя наследуют Киевской Руси как первому центру русского восточного христианства.

“Половинка” Киеву как источнику отводится по той причине, что византийская наследственность Москвы проявляет себя не только через Киевскую Русь, но и напрямую – через концеп-

цию “Третьего Рима”, подкрепленную династическим браком “собирателя” русских земель Ивана III с Софьей Палеолог – племянницей последнего византийского императора Константина X. (Сакральный аспект властной преемственности – и это единственное, в чем можно согласиться с Дэном Брауном, как минимум, не менее важен, чем формальный легитимизм современного конституционализма).

Иначе говоря, западная преемственность обусловлена “опорностью” англосаксонского мира, по признанию А.Дж.Тойнби, – двуединого. Российс-

кая преемственность имеет более конкретную цивилизационную и геополитическую привязку к евразийскому “Хартленду”. Граница между ними – подвижные межцивилизационные пространства – “лимитрофы”: географические “санитарные кордоны” и идеологические транснациональные и трансцивилизационные теории. Коммунизм есть именно такой идеологический “лимитроф”, сформированный Западом для подрыва Востока, прежде всего, России, но обернутый, и не без успеха, как признает тот же Тойнби, против самого Запада³.

Марксистская теория государства

Западный коммунизм, происхождение которого, по признанию Ф.Энгельса, тесно связано с масонством (“общинами и ложами, распространившимися от Лондона до Швейцарии”⁴), а еще точнее – с включенной в масонство в 1782 г. во время конгресса в Вильгельмсбадене леворадикальной, революционной доктриной тайного ордена иллюминатов, на деле не столь однозначен. Поддерживаясь еще при Р.Пальмерстоне британскими спецслужбами в качестве инструмента деинтеграции европейских империй, он быстро обнаруживает самостоятельность, решая выйти из западного проекта, сформировав для этого собственную “опорную” государственность.

Пока этот процесс контролировался Лондоном К.Марксу никто не мешал. Но как только последним ставятся крайне неудобные для англичан вопросы – о колониальной политике как средстве классового примирения и формирования “рабочей аристократии”, а также о поддержке ирландского “сепаратизма” против Великобритании, о чем свидетельствует упоминаемый Ф.Мерингом секретный циркуляр Генерального совета I Интернационала

(от 1 января 1870 г.), терпение Вестминастера лопается. Против Маркса бросается сначала “раскольник” М.А.Бакунин с идеей “тайной организации, растворенной в глубинах народа”, а затем, “втемную”, – Парижская коммуна, большинство членов которой, по заключению французского историка П.Шевалье, являлись “масонами социалистической направленности”⁵.

Не поддержать Коммуну Маркс не мог, а ее поражение стоило ему завершения истории I Интернационала. В результате коммунизм начинает отпочковываться от своих прародителей из британской разведки, превращаясь в самостоятельный глобальный проект, продолжающий, после неудач с Ирландией и Францией, настойчивые поиски собственной “опорной” государственности. Именно таким путем, по-видимому, происходит трансформация идей, высказанных в “Манифесте коммунистической партии”, в самостоятельную марксистскую теорию государства.

Во-первых, отмечается, что, отмирание государства, которое первонациально рассматривается Марксом через призму теории “непрерывной рево-

люции”, исходящей из равномерности развития капитализма, – постепенный процесс, первой фазой которого выступает его превращение из “органа, стоящего над обществом”, в орган, “всесильно ему подчиненный”.

Во-вторых, подчеркивается, что решение этой задачи в ходе социалистической революции достигается с помощью диктатуры пролетариата. С формированием империализма, эти выводы корректируются В.И.Лениным уже в контексте неравномерности развития ведущих стран и победы социалистической революции первоначально в нескольких или в одной из них⁶.

Формирование марксизмом собственной теории государства, означающее подведение теоретической основы под план создания “опорной” государственности, вызывает его раскол, связанный с выделением из коммунистического проекта социалистического (социал-демократического), который теоретиками и практиками революционного марксизма характеризуется как оппортунистический. Коммунизм сохраняет проектность, но при этом начинает поиск “опорной” государственности за пределами “оппортунистической” Западной Европы.

С точки зрения проектного подхода, именно с этим связано размежевание В.И.Ленина с Л.Д.Троцким. В отличие от большевизма, который с 1915–1916 гг., несмотря на сохранение приверженности идее “мировой революции”, все активнее ставит задачи,

обусловленные нормативной адаптацией коммунизма к России (победа революции в одной стране), “центризм” Троцкого и Л.Мартова, наряду с меньшевиками и эсерами, стремится к ее включению через революцию в западную “магистральную” преемственность. Данный вывод подтверждается обновлением теории “непрерывной революции” Маркса сразу с двух сторон – как ленинской теорией империализма, так и троцкистской – “перманентной революции”*.

В противовес коммунизму К.Каутский, Э.Бернштейн, Г.Кунов и другие социалистические и социал-демократические лидеры с разных позиций подвергают самостоятельную марксистскую теорию государства критике как ошибочную, не учитывающую происходящей, по их мнению, трансформации капитализма из классово антагонистического в классово солидарное общество (то есть, проектную трансформацию капитализма в империализм).

“Опорная” государственность, с этой точки зрения, коммунистическому проекту не нужна из-за возможности реализации его идеи в рамках уже существующих “опорных” государств Запада. Таким образом, эволюция социалистического (социал-демократического) проекта осуществляется за счет его возвращения в капитализм (империализм)⁷.

Тем самым в рамках империалистического глобального проекта происхо-

* Некоторые источники, правда, утверждают, что “перманентная революция” на самом деле – изобретение отнюдь не российских революционных умов, а британских спецслужб, разработанное для взаимного сталкивания мусульман и христиан на Ближнем и Среднем Востоке, переданная Троцкому через его “куратора” по линии международных банковских кругов А.Л.Парвуса. (*Ленин В.И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // Полн. Собр. Соч., Т. 19. С. 358–376; Троцкий Л.Д. Резолюция общего собрания Венского партийного социал-демократического клуба (26 ноября 1910 г.) // Цит. по: Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 20. С. 55–56, 59; Непролетарские партии России. Урок истории / Под. ред. Минц И.И. М.: Мысль, 1984. С. 191, 204.*)

дит формирование левого крыла “широкого” либерального спектра, заложенного в основу двухпартийных систем.

Либерализм в нем трактуется как “доминирующий тип политической культуры Запада, воплощенный в структурных характеристиках и принципах функционирования политических институтов, а также в основных идеино-политических течениях – от консерватизма до социал-демократизма”.

А.Гизе, великий мастер Великой ложи Австрии (1985–1996 гг.), говорит о “широком” спектре как о масонской методологии, обеспечивающей партнерство в условиях политической конкуренции через членство в одних и тех ложах. (Получается, что двухпартийные системы Запада это нечто вроде борьбы нанайских мальчиков, исход которой решается “под ковром”, на котором они борются).

Официальное оформление базирующегося на нем общественного консенсуса, составляющего основу упоминаемой Г.Киссинджером концепции “ loyalityной оппозиции”, осуществляется “на ковре” – II Интернационалом, а “под ним” – Фабианским обществом, а также европейскими Международным социалистическим бюро и Международным бюро масонских связей⁸.

Таким образом имеется четкое отделение коммунизма как самостоятельного глобального проекта, альтернативного западной “магистральной” проектной преемственности, сформировавшего собственную теорию государства и занятого поиском “опорной” страны, от социализма (социал-демократизма), обменивающего проектность на возвращение в либеральный (империалистический) проект и занятие в нем определенных позиций.

Перегруппировка марксистских партий, секций и групп, обусловленная

Первой мировой войной, приводит к их перекрестному объединению, в том числе к формированию Циммервальдской конференцией (1915 г.) объединения революционных партий, оппозиционного европейским социалистам, и его исполнительного органа – Интернациональной (Бернской) социалистической комиссии.

Однако после перехода Бернской комиссии под контроль шведских социалистов В.И.Ленин, отказывающийся от участия в III (Стокгольмской) конференции Циммервальдской левой группы, окончательно порывает со структурами распадающегося II Интернационала.

Рассматривая Россию “слабым звеном” империализма, он определяет ее “опорной” страной коммунистического глобального проекта и переводит данный вывод из теоретической плоскости в практическую, формируя соответствующую политическую стратегию, известную под названием “ленинского плана социалистической революции”.

После Октябрьской революции берется курс на формирование уже под руководством российских большевиков самостоятельного коммунистического интернационала, ставящего вопрос о решительном отказе от названий “социал-демократических” и “социалистических” партий и о наименовании их “коммунистическими”.

Провозглашаются три основных условия членства в таком интернационале:

- размежевание с социалистами – сторонниками “буржуазных правительств” в Первой мировой войне;
- поддержка социалистической революции и диктатуры пролетариата;
- отказ от ограничений советской власти “буржуазным парламентаризмом”⁹.

Сталин, “ленинская гвардия” и “мировая революция”

После победы Октябрьской революции Ленин, не отказываясь от курса на “мировую революцию”, начиная с X съезда РКП(б), все активнее продвигает идею экономической реформы, означающий отказ от провалившегося “военного коммунизма”. Советы и НЭП, как указывается многими исследователями, – не что иное, как первые шаги по пути практической реализации курса на “строительство социализма в отдельно взятой стране”. В рамках разрешения, связанного с этим противоречием, Ленин, с одной стороны, требует подчинения классовой борьбы пролетариата внутри страны его международным задачам и видит в Советской России, а затем в СССР модель будущей “Всемирной Республики Советов”, а другой – им признается существование де-факто диктатуры пролетариата в одной стране¹⁰.

В отличие от Ленина, Троцкий и другие сторонники “мировой революции” в руководстве РКП(б) – Г.Е.Зиновьев, Н.И.Бухарин, М.Н.Покровский, М.Н.Тухачевский, Н.Н.Крестинский, А.В.Луначарский и др. – не только считают социалистическое строительство в стране невозможным без победы “мировой революции”, но и не рассматривают Россию самостоятельным субъектом мировой политики. Любые отклонения от курса на “мировую революцию” ими характеризуются как оппортунизм и предательство интересов мирового пролетариата¹¹.

После Ленина дискуссионность сроков “мировой революции” трансформируется в формирование альтернативной концепции “строительства социализма в отдельно взятой стране”, впервые упомянутой А.И.Рыковым еще в 1918 г. и сформулированной в 1924–1925 гг. в качестве “генеральной линии” уже И.В.Сталиным. В соответ-

ствии с этой концепцией, социалистическое строительство в СССР отделяется от “мировой революции”; последней отводится роль фактического обслуживания национальных интересов СССР. Уже на XII съезде (апрель 1923 г.) Сталин ясно подчеркивает тщетность надежд на “мировую революцию” на примере того, что Германия или даже Польша никогда не войдут в советскую федерацию наравне, например, с Украиной¹².

Начавшись в сфере идеологии, замещающей религию в духовно-культурном генезисе российской цивилизации, преобразование коммунистического проекта, *во-первых*, не могло не превратиться в объект ожесточенной идеино-политической борьбы; *во-вторых*, оно не могло не распространиться на РКП(б) и Советское правительство, а также на Коминтерн.

“Политическое завещание” Ленина, его последние работы (кооперативный план, реорганизация рабоче-крестьянской инспекции) ориентируются на укрепление и слияние партийных органов с контрольными в противовес государству, то есть на действия в рамках социально-классовой парадигмы. И.В.Сталин, поставивший в центр концепции “строительства социализма в отдельной стране” план индустриализации, напротив, берет курс на усиление не партии, а государства, то есть, действует в русле цивилизационной парадигмы, что следует из целого ряда соответствующих партийно-государственных решений.

Так, в течение 1934–1940 гг. вводится преподавание истории (с отказом от “классовой” школы Покровского), столица УССР переносится из Харькова в Киев, а президиум АН СССР – в Москву; одновременно ликвидируется конкурирующая Коммунистическая академия, упраздняется

Реввоенсовет, Наркомат по военным и морским делам переименовывается в Наркомат обороны, а Штаб РККА – в Генеральный штаб, упраздняется институт военных комиссаров, вводятся высшее почетное звание “Герой Советского Союза” и персональные воинские звания и т.д.¹³.

Аналогичные процессы, начиная с обновления в 1934 г. руководства и принятием в 1935 г. VII Конгрессом новой программы, протекают и в Коминтерне, завершаясь в 1943 г. его роспуском.

В целом, борьба между космополитической (иллюминатской) и глобально-проектной (традиционистской) тенденциями в советском руководстве продолжается все 20-е и начало 30-х годов, завершаясь в 1934–1936 гг. XVII съездом ВКП(б) и конституционной реформой.

Решения съезда ставят в перечне партийных задач отстаивание национальной безопасности выше принципов пролетарской солидарности и связанных с ними идеей “мировой революции”.

Коммунистическая форма – традиционалистское содержание

Дискуссия вокруг содержания советского глобального проекта, продолжавшаяся на протяжении “перестройки” и в постсоветское время, как правило, сводится к соотношению курсов В.И.Ленина и И.В.Сталина.

Одна из представленных точек зрения, агелирующая к решениям XX съезда КПСС (1956 г.), их противопоставляет, считая сталинизм искажением ленинизма. В качестве аргументов обычно приводятся замена НЭПа индустриализацией и коллективизацией, ликвидация “ленинской гвардии”, упразднение Коминтерна и т.д.

Другая точка зрения, более глубокая, во многом преемственная взглядам Н.А.Бердяева, И.А.Ильина, Г.П.Федотова, евразийцев, к которой, вместе с А.С.Панариным, Н.А.Нарочницкой и

Новая Конституция де-юре ликвидирует советскую власть в ее первоначальном смысле, заменяя многоступенчатую выборность представительных органов от предприятий их избранием по территориальному признаку.

Соответственно, автор рассматривает борьбу с левым и правым “уклонами”, а также репрессивные кампании 30-х годов, направленные на кардинальное обновление партийно-государственной элиты, отражением внутриполитической борьбы.

Массовые репрессии 1937–1938 гг., как убедительно, на наш взгляд, доказывается Ю.Н.Жуковым и рядом других видных историков, имеют несколько иную природу и, как бы ни хотелось противоположного некоторым современным “интеллектуалам” западного пошиба, объективно направляются, скорее, на подрыв власти Сталина, чем на ее укрепление¹⁴.

другими мыслителями и учеными, склоняется и автор, рассматривает обоих советских вождей в контексте исторической преемственности.

Советский проект видится как продукт глубокой, в том числе концептуальной, традиционалистской трансформации коммунизма, нашедшей отражение в теории и практике государственного строительства в СССР (а впоследствии и в КНР). При этом отмечается, что Stalin пошел по этому пути намного дальше Ленина, а сам советский проект без традиционалистского преобразования не имел шансов быть реализованным ни как глобальный, ни как альтернативный Западу.

Получается, что первая из упомянутых позиций требует либо ортодоксально-идеологического единства формы и

содержания – государства диктатуры пролетариата как “площадки” “мировой революции”, формирующей единую мировую коммунистическую общность, либо реставрации разрушительного “февральского” режима Временного правительства, облекаемой во внешне благопристойную, но абстрактно-схематическую и потому не реализуемую форму социалистического блока и “единого социалистического правительства”.

Вторая, в отличие от первой, признает лишь коммунистическую форму, не только выхолащивая содержание (идею “мировой революции”), но и, по сути, заменяя его национально-государственным.

Таким образом, генезис советского глобального проекта выглядит как поочередное доминирование различных фаз, представляющих собой соответствующие этапы: от Октябрьского переворота к “военному коммунизму”; от него – к ленинскому НЭП, а от НЭП – к сталинской модернизации: коммунистической по форме, традиционалистской по содержанию.

Общий вектор коммунизма в сторону традиционализации побуждает обратить внимание на ряд особенностей внутрипартийной борьбы в преддверие, в момент и после взятия большевиками власти.

Во-первых, решение взять власть с опорой на II Всероссийский съезд Советов, без проблем легитимировав, таким образом, первые декреты советской власти, принадлежит не Ленину, требовавшему восстания уже с конца сентября 1917 г. (называвшему его отсрочку до съезда “идиотизмом”), а Троцкому. Причем, в начале октября Ленин, протестуя против отсутствия реакции на его письма по поводу безотлагательного проведения восстания, пишет о готовности подать в отставку из ЦК, оставляя за собой право “свободной аги-

тации в низах и на съезде партии”. Преодолеть замалчивание ЦК своих обращений Ленину, как указывает историк А.Рабинович (со ссылкой на М.И.Лаписа), удается благодаря Петроградскому комитету партии: с одной стороны, добившись решения о восстании, которое, как показывает Е.Г.Плимак, впоследствии затягивается Троцким до 24–26 октября, Ленин будто бы исчерпывает конфликт в ЦК, а с другой – появляется новый конфликт: Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев, не соглашаясь с этим решением, обнародуют план восстания, но, несмотря на требования Ленина об их исключении из партии, остаются в составе ЦК¹⁵.

Во-вторых, в преддверие и непосредственно во время Октябрьского переворота между Лениным и Троцким наблюдается скрытая борьба за власть, которая в ряде случаев балансирует на грани перехода в явную форму. Так, сразу же после решения политбюро ЦК РСДРП(б) о восстании (10 октября) руководством военного отдела Петроградского совета, а также его солдатской секции (11–13 октября) принимается решение о создании при возглавляемом Троцким Петросовете Военно-революционного комитета (ВРК), которое 16 октября утверждается пленумом Петросовета.

Как подчеркивается Рабиновичем, партия большевиков не принимает участия в деятельности ВРК вплоть до 15–16 октября, когда данный вопрос рассматривается сначала поддерживающим Ленина Петроградским комитетом РСДРП(б), требующим “уточнения статуса ВРК”, а затем ЦК, формирующим для участия в ВРК большевистский Военно-революционный центр (ВРЦ) в составе Свердлова, Сталина, Бубнова, Урицкого и Дзержинского. (Троцкий и его сторонники, как видим, в этом списке отсутствуют).

После этого ВРК, несмотря на крайнюю остроту момента, оттягивает организационное заседание до 20 октября, на котором формирует бюро из 5 членов, включая близкого к Троцкому Антонова-Овсеенко; причем, ни он, ни два других избранных в его состав большевиков (Подвойский и Садовский), в свою очередь, не входят в большевистский ВРЦ. Первый официальный документ, подтверждающий совершение революции, датируемый 25 октября, появляется за подписью ВРК, что выглядит претензией на власть Троцкого, признающего впоследствии, что он “явно забегает вперед”, но оправдывающегося историческим значением данного момента. Заметим, что при этом действует запрет ЦК на появление в Смольном Ленина, который он в сложившейся ситуации по вполне понятным причинам игнорирует.

В ночь с 25 на 26 октября появляется написанное Лениным Воззвание II съезда Советов, в соответствии с которым власть из рук ВРК передается Советам. Съездом избираются Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов и Советское правительство – Совет народных комиссаров, главой которого утверждается Ленин, а Народным комиссаром иностранных дел – Троцкий.

Таким образом, под угрозой утраты завоеванной власти между двумя вождями Октябрьской революции заключается своеобразное “перемирие”, условия которого, по-видимому, все-таки диктуются Лениным. В резолюциях и обращении ЦК РСДРП(б) к членам партии и трудящимся классам подчеркивается, что большинство большевиков на съезде Советов дает им безоговорочное право не только на формирование Советского правительства, но и на непризнание любого иного правительства¹⁶.

В-третьих, “перемирие” между двумя лидерами продолжается вплоть до

нарушившего его противостояния по вопросу о Брестском мире (февраль – март 1918 г.), борьба вокруг которого уходит корнями в ряд важных событий, связанных с Февральской революцией.

Так, Ленин, возвращаясь весной 1917 г. в Россию из Швейцарии через Германию и Швецию, в специальном коммюнике подвергает весьма показательной, на наш взгляд, критике английские власти: “Англия, официально с “радостью в сердце” приветствовавшая русскую революцию, сделала все, чтобы тотчас свести на нет один из результатов революции – политическую амнистию. Английское правительство не пропускает в Россию живущих за границей русских революционеров, которые выступают против войны”¹⁷.

Таким образом, с одной стороны, сам факт проезда Ленина через территорию воюющей с Россией Германии, ставящий его в определенную зависимость от германского правительства, вызван противодействием Антанты. Достоверная информация о том, чем оно вызвано, отсутствует, но, как представляется автору, причинами вполне могут служить упомянутый ленинский план социалистической революции, заявляющий о коммунизме как глобальном проекте, альтернативном либеральному (империалистическому), а также поддержка Антанты Троцкого. С другой стороны, Германия, заинтересованная в дестабилизации России как военного противника, поддерживает не только Ленина, а все силы, оппозиционные самодержавию, и, в первую очередь, сепаратистские настроения в национальных окраинах. Ряд немецких банкиров целенаправленно финансируют разложение русской армии любыми возможными средствами. И стоит большевикам прийти к власти, как на переговорах в Брест-Литовске Германия переходит на позиции нацио-

нальных интересов, отвергая любые попытки советской делегации апеллировать к принципам.

В то же время, Троцкий, с 1913 г. входящий в группу меньшевиков-межрайонцев, приезжает в Россию из США (где находится с 1916 г.); арест его по пути в Европу англичанами, как и освобождение, осуществленное по лично му ходатайству президента США В.Вильсона, а также присоединение в августе 1917 г. к большевикам, по мнению О.Ф.Соловьева, вполне походят на операцию внедрения в руководство РСДРП(б) “некоей тайной группировкой мирового капитала”, представителем которой можно считать Парвуса.

Введение Троцкого в Петроградский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов осуществляется при содействии видного меньшевика Чхеидзе. В Совете Троцкий сближается с дрейфующими в сторону большевиков Антоновым-Овсеенко, Луначарским, Урицким, Володарским и др. По сведениям этих источников, сближение с Лениным Троцкий осуществляет через своего родственника Каменева. Ряд историков, отмечая “глубокое впечатление, произведенное на Троцкого достижениями и социальными порядками в Америке”, фактически подтверждают сведения о поддержке его возвышения финансовыми группами Я.Шиффа и П.Варбурга, тесно связанными с банком “Кун, Лееб и Ко” – одним из входивших в Федеральную резервную систему США. Через этот банк Троцким устанавливаются связи с европейскими банкирами Гуггенгеймом, Хенауэром, Брайтунгом, Ашбергом, принимающими участие в финансировании Октябрьской революции с расчетом на то, что новым лидером России станет именно Троцкий¹⁸.

Известный советский историк Л.М.Спирин, ставя вопрос о причинах присоединения Троцкого к большеви-

кам, признает, что советская историческая наука его обходит; но при этом сам ограничивается лишь поверхностной попыткой объяснить это остротой классовых и партийных противоречий, создававшей ему простор для деятельности, не раскрывая сути внутренней борьбы в большевистском ЦК.

Между тем, У.Черчилль, британский генерал Пуль, историки Э.Керр и З.А.Б.Земан, Р.Баландин, С.Миронов и другие авторы указывают, что Троцкий в этот период практически открыто действует в интересах западных союзников: поддерживает высадку англичан в Архангельске, а в ходе брест-литовских переговоров требует от немецкой делегации не перебрасывать войска с восточного на западный фронт. Кроме того, в конце марта 1918 г., то есть, уже после заключения Брестского мира, Троцкий неофициально заявляет британскому посланнику Б.Локкарту о согласии пропустить для борьбы с Германией через территорию России японские войска. Отдельно следует упомянуть об использовании Брестского мира Антантою для содействия подъему и консолидации белого движения¹⁹.

Из всего этого, по мнению автора, может следовать, что и Ленин, и Троцкий сохраняли определенный круг обязательств по отношению к Германии и Антанте, которые конкурировали за лидерство в западной проектной преемственности. Не исключено, что Брестский мир Ленину требуется не только для спасения революции, но и для облегчения положения немцев на западном фронте. Троцкий же провоцирует продолжение войны с Германией для встраивания Советской России в западный проект Лиги Наций. (По мнению У.Черчилля, борьба с большевизмом могла быть эффективной либо с привлечением побежденной Германии, либо, наоборот, в общих рамках Пер-

вой мировой войны, через восстановление антигерманского фронта²⁰).

Таким образом, борьба Ленина и Троцкого вокруг Брестского мира, по-видимому, – следствие их внешней зависимости. Однако поражение Германии в Первой мировой войне, как представляется, резко меняет ситуацию. Оно не только снимает обязательства Ленина перед немцами, что является главной причиной безотлагательной денонсации Брест-Литовского мирного договора, но и позволяет ему рассматривать Германию уже в контексте “мировой революции” – объектом революционной экспансии. (Победа социалистической рево-

люции в Германии приравнивается им к 30–40% “мировой революции”).

Обязательства же Троцкого перед англосаксонским Западом, наоборот, не только сохраняются, но и ввиду его победы над Германией, усиливаются. Освобождение Ленина от внешней зависимости резко ограничивает британо-американское влияние на Россию.

Окончательная несостоятельность планов Антанты демонстрируется крахом Учредительного Собрания, обусловленного комплексом факторов, включая конкуренцию кадетов, меньшевиков, эсеров за использование этого органа в собственных интересах.

Подведем краткие итоги.

1. Идеологический генезис коммунизма, отличающий его от других глобальных проектов, имеющих неизменную цивилизационную привязку, позволяет ему адаптироваться к идее (системе ценностей) практически любой цивилизации. Однако замещение собственной проектной идеи “опорной” страны коммунистической происходит лишь частично, в пределах, не вступающих в длительное противостояние с базовой цивилизационной системой ценностей.

Эволюция коммунизма в СССР, обусловившая формирование советского проекта, актуальность которого также подтверждена опытом ряда других стран, указывает на наличие определенных закономерностей интеграции коммунизма с цивилизационными проектными идеями:

Во-первых, обретение им “опорной” страны возможно либо в условиях ее пребывания либо в жестком кризисе, как произошло в России, либо, как в случае с Китаем, при нахождении собственного глобального проекта в латентной форме.

Во-вторых, если удержание коммунизмом власти в ближайшей постреволюционной перспективе обусловлено подавлением цивилизационной проектной идеи, то в среднесрочной перспективе оно уже связывается с традиционализацией – частичной реставрацией его нормы (системы смыслов). Обеспечивая переоформление собственно коммунистического проекта в национально-коммунистический (советский, китайский и т.д.), она, с другой стороны, адаптирует идею к созданию технологического общества. Отсутствие или задержка традиционализации угрожает полным разрушением цивилизационной идентичности.

2. В России традиционализация коммунистического проекта сочетает программно-идеологический космополитизм с формированием представлений об осуществлении модернизации (социалистической революции, строительства социализма) в отдельно взятой стране. Благодаря этому, Октябрьская революция 1917 г. не только вытесняет и замещает влияние Запада и прозападных, коллаборационистских сил, тесно связанных с масонством, но и обеспечивает воссоздание единой государственности. Тем самым решается проектная задача, оказавшаяся не по силам ни одному из существовавших в стране органов власти, политических институтов, партий, а также вооруженных формирований.

Как справедливо указывали П.Н.Савицкий, Н.В.Устрялов и другие евразийцы, русская революция покончила с Россией как частью Европы, ниспровергнув устои формально-демократической государственности, стержнем которой, добавим, выступает скроенный по масонским технологиям “широкий” либерально-социалистический спектр, представленный вторым, третьим и четвертым Временными правительствами и лично их главой А.Ф.Керенским²¹.

Истинное всемирно-историческое значение Октября, следовательно, проявляется в способности разорвать с первоначальным масонским замыслом, направив выделенную революцией разрушительную энергию в русло решения созидательных задач и, прежде всего, в сфере государственного строительства.

3. Наличие или отсутствие у коммунизма стратегической перспективы остается не доказанным ни теоретически, ни практически.

Современные рациональные (западные) общества, не адаптированные к социально-классовому подходу в условиях глобализации, но воспринимающие мировое развитие через призму свойственного марксизму экономического и формационного детерминизма, соединяясь с глобализацией, оставляют коммунизму только одну возможность, предусмотренную рядом неомарксистских концепций: революционное изменение всей парадигмы глобального развития. Следует предположить, что формирование проектного центра в этом случае произошло бы не в западной цивилизации (и, тем более, не в ангlosаксонском глобальном центре), а на периферии, то есть, вне рамок современного Запада.

4. Проектный подход не только указывает на бессмысленность идеологических нападок на Октябрь, но и четко разводит его с Февральской революцией, справедливо возлагая на нее основную ответственность за пережитую страной катастрофу. Из этого, на наш взгляд, автоматически следует невозможность восстановления “магистральной” проектной преемственности, как и любых попыток формирования нового глобального проекта на отрицании как Октября и советского периода, так и их генетической связи с имперским и евразийским наследством России.

Примечания

¹ Хазин М.Л., Гавриленков С.И. О глобальных проектах. Доклад на конференции ВСЭИ // http://worldcrisis.ru/crisis/132450?PARENT_RUBR=wc_glp; Коллонтай М.В. Глобальные проекты и национальные интересы // http://worldcrisis.ru/crisis/215410?PARENT_RUBR=wc_glp.

² Янов А.Л. Франсис Фукуяма против Джорджа Буша // http://worldcrisis.ru/crisis/198491?PARENT_RUBR=wc_glp.

³ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Сб. М. – СПб., 1996. С. 56, 105–114.

⁴ Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1952. Т. II. С. 323–324.

⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 28. С. 635–638; Chevallier P. Histoire de la franc-maconnerie française. Paris, 1975. Р. 339; Декларация Коммуны к французскому народу // Антология мировой политической мысли / Под ред. Семигина Г.Ю. В 5-ти т. // М.: Мысль, 1997. Т. V. С. 147–149; К масонам всех ритуалов и всех степеней. Возвзвание // Journal officiel de Republique francaise. 1871. 24, 27 mai.

⁶ Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому, 12 февраля 1882 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 35. С. 297; Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 33. С. 36–56, 378–379.

- ⁷ Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому от 7 сентября 1882 г. Соч. Т. 35. С. 219; Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., 1991; Плеханов Г.В. Легальные рабочие организации и РСДРП // Дневник социал-демократа. 1911. № 11.
- ⁸ Политология. Энциклопедический словарь / Под ред. Аверьянова Ю.И. М.: МГУ, 1993. С. 154; Гизе А. Вольные каменщики // М.: изд. А. Жигульского, 2006. С. 49; Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 739.
- ⁹ Ленин В.И. Письмо Г.В.Чечерину (27 или 28 декабря 1918 г.). Собр. соч. Т. 50. С. 227–230.
- ¹⁰ Ленин В.И. Польский фронт и наши задачи. Тезисы ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 71–92, 290–293.
- ¹¹ Троцкий Л.Д. Программа мира. Пг. Т. III. Ч. I. С. 90; Зинновьев Г.Е. Выступление на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Стенограф. отчет // М.-Л., 1925. Ч. I. С. 9; Луначарский А.В. Пропаганда и революция // Сб. статей. М., 1926. С. 94–96.
- ¹² Сталин И.В. Об основах ленинизма. 2-е изд. Собр. соч. М.: Госполитиздат, 1949–1952. Т. 6. С. 107.
- ¹³ Конституция СССР. М.: Политиздат, 1975; Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Собр. соч. Т. 13. С. 282–306; Постановление ЦК ВКП(б) о создании Комитета обороны СССР // КПСС в резолюциях... Т. 6. С. 387.
- ¹⁴ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 годах. М.: Вагриус, 2005. С. 99–102, 176, 179–183, 269.
- ¹⁵ Ленин В.И. Большевики должны взять власть. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239–241; Он же. Кризис назрел. Там же. С. 272–283; Он же. Письмо в ЦК РСДРП(б) // Там же. С. 423–427; Каменев Л.Б. О выступлении // Новая жизнь. 1917. № 156. 18 октября; Плинак Е.Г. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. М.: Весь мир, 2004. С. 151; Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде. М.: Весь мир, 2003. С. 247.
- ¹⁶ К гражданам России. Обращение // КПСС в резолюциях... Т. 1. С. 519; Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России. Воззвание ЦК РСДРП(б). // Там же. Т. 2. С. 12–15; Постановление II Всероссийского съезда Советов об образовании рабочего и крестьянского правительства. Цит. по: Ленин В.И. Полн. Собр. соч., Т. 35. С. 28–29; Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 203.
- ¹⁷ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 31. С. 487.
- ¹⁸ Соловьев О.Ф. Российские масоны от Романовых до Березовского. М.: ЭКСМО, 2004. С. 9, 253–254, 264–265; Латыпов Р. Троцкий, Кейнс и новый курс Рузвельта // <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200004003>.
- ¹⁹ Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. С. 195–196; Черчилль У. Мировой кризис. М.: ЭКСМО, 2004. С. 88, 140–143, 148; Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М.: Вече, 2003. С. 27–28; Локкарт Б. История изнутри. М., 1991. С. 235.
- ²⁰ Черчилль У. Мировой кризис. М.: ЭКСМО, 2004. С. 327–328.
- ²¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. Сб. статей. М.: Аграф, 1997. С. 101; Устрялов Н.В. Национал-большевизм. М.: Алгоритм, 2003. 398.

Национальные проекты в государственной стратегии России

Вадим Казанцев

На правительственном часе в Государственной думе, где обсуждались расходы на национальные проекты в трехлетнем (2007–2009 гг.) бюджете страны Первый заместитель председателя Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев отметил, что масштаб и многогранность национальных проектов выходит далеко за рамки отдельных, пусть даже очень крупных социально-экономических программ.

Приоритетные национальные проекты по своей сути и содержанию являются элементом новой государственной стратегии развития России. “Речь идет об изменениях, которые отражают и будут отражаться на социально-экономической, психологической, общественной и, в конечном счете, политической сферах развития страны. Эти результаты, по мнению руководства страны, являются никак не менее важными, чем достижение плановых показателей в ходе реализации программ приоритетных проектов”¹.

Ключевые аспекты приоритетных национальных проектов отражают новую социально-экономическую политику российской власти, что свидетельствует о процессе генезиса новой государственной стратегии развития России.

За два года приоритетные национальные проекты стали важным явлением в общественно-политической и экономической жизни страны, так как в их реализацию включились не только институты федеральной, региональной, местной власти, но и значительная часть общества.

Необходимо отметить, что еще в апреле-мае 2006 г. исследование относительно осведомленности россиян о приоритетных национальных проектах (ПНП), проведенное социологической службой Фонд “Общественное мнение” (ФОМ) свидетельствовало о слабой информированности населения.

К примеру, более половины российских граждан (57%) не имели представления о том, что в стране реализуется национальный проект “Образование”, 14% “знают” о проекте, а “что-то слышали” – 24% респондентов.

О содержании национального проекта “Здоровье” 20% опрошенных ответили,

что "знают", доля тех, кто "что-то слышал" составляет 31%, а "впервые услышали" о программе в ходе опроса составляет 45% респондентов. Об изменениях в здравоохранении на местах, происходящих в связи с реализацией данного проекта, свидетельствовали 22% респондентов.

Осведомленность населения о национальном проекте по развитию сельского хозяйства в целом была также невысока.

Впервые услышали о проекте в ходе опроса 48% респондентов.

Судя по результатам исследования, наиболее популярным нацпроектом среди россиян является "**Доступное и комфортное жилье**".

Почти две трети опрошенных (65%) знают о нем или слышали о проекте, но треть (34%) пребывала в неведении. Однако, как отмечали социологи, отрицательные суждения о программе превалировали над положительными на 11%.

Необходимо отметить, что негативный фон в обсуждении проекта "Доступное и комфортное жилье" преобладал в Москве, где количество отрицательных отзывов достигало 27%, а в других населенных пунктах, в том числе в сельской местности с недоверием к новой программе относились только 7% респондентов².

По мнению автора, результат проведенного исследования отражает принципиальную особенность процесса формирования приоритетных направлений социально-экономического развития страны как элемента государственной стратегии.

На первом этапе (2000–2003 гг.) разработка программ социально-экономического развития по поручению Президента РФ проводилась администрацией и узким кругом ученых, а также ведомственных специалистов отдельных отраслей экономики.

На втором этапе (2004–2005 гг.) приоритетные направления были трансформированы в политические цели и программу правительственный партии "Единая Россия" и были заявлены как

отражающие интересы российского народа.

На третьем этапе (2005–2007 гг.) приоритетные цели были выделены в конкретные задачи, которые были поставлены Президентом Путиным Правительству и Федеральному Собранию Российской Федерации в ежегодных посланиях.

Правительство России на основании распоряжений Президента В.Путина определило четыре Приоритетных национальных проекта (ПНП):

"Здоровье",

"Качественное образование",

"Доступное и комфортное жилье",

"Развитие АПК" в качестве долгосрочных программ, которые являются ключевыми элементами социально-экономического развития страны и выполняются федеральными и региональными органами исполнительной власти, опираясь на законодательную поддержку Государственной Думы РФ³.

Для реализации поставленных задач указом Президента России был создан "Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов"⁴.

В Положении о "Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике", утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2005 г. № 1226, были сформулированы ключевые элементы механизма его функционирования.

1. Совет при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике (далее – Совет) является совещательным органом при Президенте Российской Федерации, созданном в целях обеспечения взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, обществен-

ными объединениями, научными и другими организациями при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией приоритетных национальных проектов и демографической политики.

2. Совет в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением.

3. Положение о Совете и его состав утверждаются Президентом Российской Федерации.

4. Основными задачами Совета являются:

– подготовка предложений Президенту Российской Федерации по разработке приоритетных национальных проектов, выработке основных направлений демографической политики, включая государственную поддержку семьи, материнства и детства, а также по определению мер, направленных на их реализацию;

– рассмотрение концептуальных основ, целей и задач приоритетных национальных проектов, вопросов, касающихся демографической политики, включая государственную поддержку семьи, материнства и детства, а также определение способов, форм и этапов их реализации;

– анализ практики реализации приоритетных национальных проектов, оценка эффективности мер, направленных на решение задач в области демографической политики, а также подготовка предложений по совершенствованию деятельности в этих областях.

При определении критериев эффективности деятельности федеральных органов власти России по реализации ПНП была выбрана тактика конкретных шагов по решению наиболее острых проблем образования, здравоохранения, жилищной сферы, сельского хозяйства.

Однако новые инициативы в сфере государственной социальной политики, провозглашенные в ПНП, опирались на механизм реализации государ-

ственной стратегии, отраженный в “Концепции национальной безопасности Российской Федерации”. В ней впервые подчеркивалось, что “приоритет экономических факторов в социальной сфере принципиально важен для укрепления государства, для реального государственного обеспечения социальных гарантий, для развития механизмов коллективной ответственности и демократического принятия решений, социального партнерства”⁵.

Социально-экономическая стратегия государственной политики, по замыслу администрации Президента РФ, заключается в том, чтобы, используя ПНП, государство значительно расширило социальную базу творческих личностей, вывело ее за рамки узкого слоя лиц, способных в современных условиях к реализации своего креативного потенциала. В послании Президента РФ 2006 г. говорилось о том, чтобы максимально ускорить создание условий для того, чтобы все большая часть творческого слоя нации могла адаптироваться и реализоваться.

Необходимо подчеркнуть принципиальные отличия новой государственной стратегии развития России от прежней, проводимой, по мнению автора, с 1991 до 2003 г. Прежняя государственная стратегия была направлена на реформу политической системы, федеративных отношений, экономической и финансовой системы страны и практически не захватывала область социальных отношений, которая фактически осталась неизменной с советского периода.

Опыт западноевропейских государств, которые “наставляли” Россию на путь демократизации общества, подчеркивал, что именно социальная область стала локомотивом развития в последние десятилетия для передовых государств, превратилась из фактора “стабильного общества” в фактор эко-

номического развития. По мнению автора, есть три социально-экономические составляющие являющиеся основой индустриально развитых стран, которые сложились в последней четверти XX в., а именно:

– **во-первых**, качество человеческого потенциала, которое превратилось в ведущий фактор экономического развития, определяется, прежде всего, социальной политикой государства.

Вот почему, например, ведущие страны мира нередко идут на шаги, угрожающие их макроэкономической и финансовой стабильности (например, превышение дефицита бюджета в 3%), если они угрожают основам социального развития;

– **во-вторых**, социальная политика является основой для развития институтов гражданского общества и повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления, стимулирует создание новых, более эффективных механизмов взаимоотношений государства и общества. Известно, что чем более развито государство, тем больше социальных функций переходит от государства к обществу. Прежде всего, к институтам гражданского общества и местного самоуправления;

– **в-третьих**, главной целью развития государства, общества выступает человек, его возможности и способности. Другими словами, если прежде в качестве цели действия власти называлось укрепление государства или нации (иногда религиозные или идеологические цели), то сегодня это может быть только человек, его личность, который является основой для суверенитета государства и нации.

Объективных предпосылок и социально-экономических условий для создания основ индустриального общества в Российской Федерации не существовало и не нашло отражения в дея-

тельности российской власти в условиях острой политической борьбы либералов и консерваторов за доминирование в государственных структурах.

Существовавшая в России де-факто в 90-х годах XX в. по сути советская система социальной политики являлась разменной монетой политических лозунгов предвыборных кампаний.

Периодически предпринимались несогласованные между исполнительной и законодательной ветвями власти попытки искусственно интегрировать отдельные социальные гарантии гражданам России в рамках новой политико-экономической системы. Они изначально были не выполнимы из-за огромного бюджетного дефицита и отсутствия реальных экономических механизмов обеспечения дотаций для малообеспеченных слоев населения страны в условиях экономического кризиса.

Вот почему на политическую повестку дня в России в начале XXI в. на смену государственной стратегии – “стабилизации” пришел поиск элементов новой стратегии – стратегии “развития”.

На формирование общего подхода к ПНП оказали влияние следующие факторы:

– появление значительных относительно свободных ресурсов, сконцентрированных государством (Стабилизационный фонд, золотовалютные резервы и т.д.);

– сокращение государственной внешней задолженности;

– превращение экономического роста в стране в устойчивую тенденцию (с 2003 г. темпы роста ВВП превышали 6%, а промышленного производства – 3–4%)¹.

Первый вице-премьер Д.Медведев (15 мая 2006 г.) заявил, что судя по первым итогам работы в национальные проекты необходимо вносить корректировки.

В проекте “Здравоохранение” – это вложения в первичную медицинскую помощь.

Именно участковая служба должна обеспечивать профилактику, своевременную диагностику и лечение заболеваний на ранних стадиях. Но кадровое обеспечение участковых служб совсем недавно было одной из самых проблемных зон нашего здравоохранения.

Однако ситуацию удалось переломить: число участковых врачей выросло примерно на 3,5 тыс. чел. Работать на участки пошла молодежь – выпускники медвузов и медучилищ.

Вместе с проблемой набора кадров решалась и задача повышения квалификации. В 2006 году ее прошли более 13,5 тыс. врачей участковой службы, что вдвое выше запланированного. Дополнительно к первоначальным планам была повышена оплата труда 160 тыс. медицинских работников фельдшерско-акушерских пунктов и скорой помощи⁶.

В рамках проекта за год новое диагностическое оборудование и санитарный автотранспорт получили более 5,5 тыс. учреждений здравоохранения.

Закуплено более 6,7 тыс. машин, оснащенных всем необходимым медицинским оборудованием, в том числе для оказания помощи детям.

Ничего подобного не было на протяжении десятилетий. И уже виден результат – срок ожидания диагностических исследований сократился в среднем с 10 до 7 дней, а прибытия скорой приходится ждать в среднем на 10 мин. меньше, чем год назад. Для многих людей эти десять минут – вопрос жизни и смерти.

Первичное звено образования – школы и учителя.

Учебно-наглядными пособиями и оборудованием по физике, химии, биологии оснащены 8 тыс. школ, приобретено 3,5 тыс. школьных автобусов. И это кроме грантов, которые получили 3 тыс. инновационных школ и 10 тыс. лучших учителей.

Безусловно, для повышения престижа учительского труда предстоит сделать еще очень многое. Дополнительное ежемесячное вознаграждение за классное руководство, которое получали в 2006 г. почти 900 тыс. учителей, только первый шаг⁸.

Проект в области АПК дал толчок развитию малых форм хозяйствования.

По итогам года общий объем займствований – 36,5 млрд. руб. (за весь 2005 г. – 3,4 млрд. руб.). Выдано более 100 тыс. кредитов (за весь 2005 г. – 2,5 тыс.)⁹. Особенно заметно вырос спрос со стороны личных подсобных хозяйств.

Традиционно фермерские хозяйства и личные подворья играют значительную роль в отрасли. Только по овощной продукции на их долю приходится более 87% от общего производства.

В рамках приоритетного проекта предусмотрена поддержка потребительских кооперативов, которые смогут расширить возможности реализации произведенной продукции. В 2006 г. было создано около 970 кооперативов – вдвое больше запланированного.

И конечно, здесь нельзя не учитывать социальный аспект. Залог благополучия села – возможность каждому достойно зарабатывать: и работнику крупного сельхозпредприятия, и фермеру, и человеку, ведущему личное хозяйство. Нет сомнения в том, что малые формы хозяйствования должны быть предметом большой заботы государства.

Одной из острых проблем, стоящих сегодня перед Россией, остается преодоление диспропорций в развитии отдельных регионов.

По оценкам экспертов, разрыв по душевому региональному доходу между регионами составляет десятки раз, по уровню потребления – 20–30 раз, а по инвестициям – сотни!

Такие диспропорции уже не только экономическая и социальная проблема. Это – проблема национальной безопас-

ности. При сохранении подобных перепадов экономического ландшафта рвется ткань страны. Найдите еще развитое государство с такими перепадами в экономической географии! Именно поэтому приоритетные проекты рассматривались и в качестве инструмента регионального развития, нивелирования социально-экономических проблем.

Чтобы добиться подобного результата, приходится одновременно решать две задачи: с одной стороны, усиливать внимание Федерального центра к ситуации на местах (без перераспределения властных полномочий), а с другой – принципиально важно стимулировать активность региональных властей, дать им возможность проявить инициативу. То есть необходимо было усилить все элементы госуправления. Что в целом удалось.

Одной из важнейших задач развития должно стать **создание экономики знаний**, когда не отдельные отрасли развиваются за счет технологического креатива, а когда вся экономическая жизнь структурирована на интеллектуальной основе. В основе создания новой экономики и нового общества лежит развитие потенциала личности. Этот потенциал, в свою очередь, является производным от уровня доступности и качества образования, здравоохранения, информации и коммуникаций, достижений науки и культуры.

От успеха отдельного человека, от его возможности реализовать свой талант зависит и успех страны. Но чтобы человек смог раскрыть и развить свой творческий потенциал, государство должно обеспечить условия для такой самореализации. А это не только вопрос денежных вливаний или моментальных поворотов неких политических рукожаток. Это длительный и

сложный процесс, в нашем случае отягощенный очень неоднозначным национальным опытом. Нельзя в один момент поменять психологию народа, который отучали от личной активности, самостоятельности, предприимчивости. Надежда на госпатернализм вовсе не умерла вместе с крахом коммунистической идеологии.

В развитых государствах вложения в образование, науку, культуру, здравоохранение примерно в разы превышают вложения в машины, оборудование, здания, сооружения. Соответственно и основной прирост национального богатства определяется сегодня, прежде всего, качеством жизни и условиями, созданными для раскрытия человеческого потенциала.

Эта логика прослеживается в федеральном бюджете на 2007 г., который предусматривает значительный рост расходов на реализацию ПНП. В принципе вся структура расходов имеет значительно большую, чем прежде, социальную направленность.

Но создание экономики знаний не ограничивается решением проблемы инвестиций. Здесь требуются институциональные преобразования – и в экономике, и в обществе в целом. Необходимо развернуть весь огромный экономический и социальный организм России в сторону инновационного пути.

Важнейшая задача проекта *“Образование”* – стимулировать наиболее способных учеников и учителей, ускорить внедрение инновационных методов обучения.

10 тыс. лучших учителей России, отобранных по конкурсу, стали обладателями президентских премий по 100 тыс. руб. Коллективы 3 тыс. школ, активно работающих по инновационным образовательным программам, получили по 1 млн. руб. Присуждено 5350 премий победителям и призерам международных и российских олимпиад. А 17 лучшим инновационным

университетам России были предоставлены гранты в сумме 5 млрд. руб.⁷.

Важно, что эти 17 вузов были выбраны из более чем 200 учебных заведений. Еще важнее то, что в 2007 г. в конкурсе планируют участвовать уже порядка 400 высших учебных заведений⁹. В процесс соревнования включается все большее число субъектов.

В Южном и Сибирском федеральных округах в результате объединения нескольких вузов созданы два национальных университета. Цель этого – не сложить, а умножить потенциал учебных заведений. Создать фундаментальный вуз XXI в., который обеспечит регион современными специалистами.

Завоеванные в соревнованиях деньги помогут лидерам сделать еще несколько шагов вперед. В то же время они должны стать стимулом для других: уравниловки больше не будет. Господдержку получит только лучший.

В проекте “Доступное и комфортное жилье – гражданам России” поддержку получают прежде всего те муниципалитеты и субъекты Российской Федерации, кто готов инвестировать в решение задач и свои ресурсы. Именно отсюда – акцент на ипотечное кредитование.

При плановом значении в 108 млрд. по итогам года ожидается привлечение кредитов на сумму около 200 млрд. руб. Снижается и ставка по таким кредитам, тре-

бования к первоначальному взносу. Сегодня, например, можно получить кредит под 11% годовых, что в среднем на 2–4% ниже, чем год назад.

Другие направления: софинансирование приобретения жилья молодыми семьями; субсидии на подготовку инженерной инфраструктуры для новых участков под жилищное строительство, в особенности под масштабную малоэтажную застройку.

В проекте “Развитие АПК” льготное кредитование строительства крупных животноводческих комплексов – это поддержка, в первую очередь тех, кто готов к долгосрочным инвестициям.

По итогам 2006 г. выдано около 50 млрд. руб. восьмилетних кредитов (на 20% больше, чем было запланировано). За счет кредитных ресурсов идет строительство и реконструкция более 1240 животноводческих комплексов.

По лизингу поставлено более 50 тыс. голов высокопродуктивного племенного скота и оборудование для содержания 185 тыс. голов скота¹⁰.

Надо отметить, что изменения, которые происходят в АПК в результате реконструкции хозяйств обнадеживают, так как внедряются принципиально новые технологии, которые не только повышают производительность, но и формируют новую культуру труда на селе.

Таким образом, проведенный анализ сущности и содержания приоритетных национальных проектов позволяет сделать вывод о том, что они являются важной составной частью формирования новой стратегии развития российского государства и отражают значительно более широкое явление в общественно-политической жизни общества, чем принято считать сегодня в рамках простого восприятия экономических программ.

Выбор основных элементов государственной стратегии развития России формально состоялся и в условиях предвыборной компании был назван “План Путина”, который по замыслу политтехнологов, получит всенародную поддержку по итогам голосования в Государственную Думу (декабрь 2007 г.), обеспечив, таким образом, преемственность курса проводимого государственными органами России с 2000 г.

Примечания

- ¹ Медведев Д. Национальные проекты: от стабилизации – к развитию // Коммерсант. 2007. 25 января.
- ² Мухамедьярова Л. Гражданам все равно // Газета. 2006. 29 мая. С. 2.
- ³ Путин В.В. Выступление на встрече с членами Правительства, Федерального Собрания и членами президиума Государственного совета. Москва. Кремль. 5 сентября 2005 г. // www.gov.ru
- ⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2005 г. № 1226 “О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации приоритетных национальных проектов” // www.gov.ru
- ⁵ Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 “О Концепции национальной безопасности Российской Федерации” // www.gov.ru
- ⁶ Что относится к высокотехнологичной медицинской помощи? // http://www.rost.ru
- ⁷ Оценка стоит денег. Новые модели зарплат позволят учителям удвоить свои доходы// Известия. 2007. 31 августа.
- ⁸ В рамках Госпрограммы развития сельского хозяйства субсидироваться будут все сельхозкредиты // http://www.rost.ru
- ⁹ Опыт pilotных регионов по модернизации системы образования станет базой для развития эксперимента на территории всей страны // http://www.rost.ru
- ¹⁰ В рамках Госпрограммы развития сельского хозяйства субсидироваться будут все сельхозкредиты // http://www.rost.ru

Подписка на 2008 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Антиинфляционная стратегия – основа экономической политики

Юрий Чернов,
кандидат экономических наук

Экономическая доктрина и ценовая политика правительственные экономистов до сих пор мало в чем изменилась, несмотря на вполне очевидные “результаты” их многолетней борьбы с инфляцией. И опасность состоит в том, что чиновники от экономики, интеллектуально напуганные неизбытным воздействием инфляции на экономику, да и на политическую атмосферу в стране вообще, обходят трудную тему антиинфляционной стратегии, не пытаются сформулировать ее содержание в точных научных терминах, хотя всем понятно, что практическая ценность и успешность любой экономической политики, в конечном счете, зависит от того, как ставится проблема и насколько плодотворны принятые исходные предпосылки, не говоря уже о квалификации и интеллектуальной честности проводников этой политики.

Основная трудность формирования антиинфляционной стратегии связана с горизонтом макроэкономического видения. Вот что важно. У наших либерал-реформаторов его нет.

Как раздвинуть горизонт видения, какие новые измерения для этого нужны?

Эти вопросы наиболее актуальны и требуют глубоких экономических исследований, увязывающих проблему инфляции с социальными процессами, и в особенности с демографической ситуацией.

Социальная катастрофа в России конца XX в. необратимо подорвала де-

мографический потенциал страны, когда возникла чрезвычайно опасная тенденция абсолютного сокращения трудоспособной части населения страны.

Резкое нарушение режима воспроизводства населения (так называемый демографический переход) воздвигло “демографический барьер” на пути роста ВВП. И основная, глубинная причина этого заключается в содержании проводимой радикал-реформаторами экономической политики. Мы не ценим человеческую жизнь, как это нужно было бы в гуманистическом обществе. Цена человеческой жизни у нас слишком низка, чтобы можно было ею до-

рождить. И в этом обесценивании человеческой жизни и проявляется самое опасное влияние инфляции не только в сфере материальной, но на духовно-нравственное состояние общества.

Вне всякого сомнения к этому состоянию привели ложные идеи либерал-демократов монетаристского толка, которые основываются на абстрактном предположении, что экономические процессы имеют только финансово, денежное измерение и никакого социального, а тем более нравственного. Это – фундаментальное заблуждение в результате фетишизации товарно-денежных отношений, что и привело к дегуманизации российской экономики, кризисное развитие которой было вызвано, прежде всего, катастрофическим переходом исключительно к монетарным средствам управления и громадным по своим масштабам и последствиям ошибкам и нарушениям, допущенным при приватизации.

Не подлежит сомнению утверждение, что именно фетишизация рыночных отношений и запустила в действие процесс дегуманизации всего общества в целом, когда самоценность человеческой жизни в настоящем отрицается и, что самое главное – теряется “смысль серьезного труда, который лежит за пределами социальной обыденности” (Н.А.Бердяев).

Глубинной причиной этому является вызванная экономической реформой социальная трансформация общества, которая происходит в условиях идеологической дезориентации, размыкания системы положительных ценностей, подрыва трудовых мотиваций.

К этому следует добавить появление особого “духа времени” (*Zeitgeist*), который порожден проинфляционными настроениями в обществе. Антигуманный характер реформ, вражда к человеку, к человеческому “Я” явственно

просматривается во всех реальных действиях либеральных экономистов, которых по аналогии с известным направлением в изобразительном искусстве можно назвать “экономическими футуристами”. Они хотят развить ускоренное экономическое движение, повысить темпы экономического роста и отрицают основной источник творческого движения – человека.

Инфляция как дестабилизирующий процесс не позволяет сформироваться устойчивому среднему классу, снижает уровень рабочей этики и подвергает эрозии общественное поведение личности, поскольку разрушает человеческие ожидания, создает неопределенность во взаимоотношениях людей, вызывает отчуждение людей от общественной жизни, предопределяя тем самым глубокие отрицательные сдвиги в иерархии жизненных ценностей, что самым непосредственным образом оказывается на экономическом росте и в итоге на демографической ситуации в стране.

В этом отношении показательно тонкое наблюдение о последствиях кризиса 1928–1932 гг. в США, сделанное Н.Винером: “Возникновение химерических ценностей в финансовом мире вызвало к жизни множество столь же сомнительных моральных ценностей”.

Главным, результирующим итогом либеральных реформ явилась беспрецедентная для мирного времени убыль населения России, по своим масштабам эквивалентная людским потерям в Гражданской войне. Социальная катастрофа России конца XIX в. необратимо подорвала демографический потенциал страны, когда на фоне абсолютного сокращения населения на 11 млн. чел. возникла чрезвычайно опасная тенденция резкого сокращения его трудоспособной части, что с неизбежностью воздвигло демографический барьер на пути роста ВВП.

Основная причина этому – пренебрежение к человеческой жизни, к исторически сложившемуся в стране общественному укладу. Мы не ценим человеческую жизнь, как того она заслуживает. Именно в условиях перманентно устойчивой инфляции цена человеческой жизни в современной России стала за последние 15 лет слишком низка, чтобы ею можно было бы дорожить.

В этом обесценивании, жизни прежде всего, и проявляется антигуманное действие российской инфляции, ее смертельный итог, за который несет прямую ответственность правительство реформаторов.

Стараниями либералов монетаристского толка наше общество при новых порядка поддалось “иллюзии овеществления людей” (К.Маркс) и в нем глубоко укоренилась потребительская психология как формула непроизводительного посреднического сознания. При этом четко прослеживается стремление представить различные формы ростовщичества как неотъемлемую составную часть экономической деятельности и доказать их незаменимость для экономики в целом. Антигуманная сущность деятельности неолибералов проявляется особенно четко в навязывании всем и вся произвольной воли класса хозяев. Во всех действиях правящей элиты явно просматривается примат денежно-финансовых интересов над духовной культурой и социальными проблемами.

С учетом всеохватывающего значения инфляционных процессов можно понять высказывание лауреата Нобелевской премии П.Самуэльсона: “Экономическая история – это история инфляций”.

Этот экономический афоризм подчеркивает всю сложность такого явления как инфляция, которая охватывает не только чисто финансовую сторону экономики, но и предопределяет такие социальные явления как безработица и обнищание населения.

И здесь следует отметить, что определяющей чертой подхода правительственные экономистов к самой острой проблеме (наряду с демографической) – проблеме нищеты и неравенства в распределении доходов является отсутствие макроэкономических их увязки с безработицей и инфляцией*. В их программах отсутствует макроэкономическое видение последствий влияния инфляции на воспроизводственный процесс в целом, и в частности на динамику занятости населения. Видимо для них “неочевидно”, что основная причина массовой нищеты в России – не только неравенство в распределении доходов (особенно природной ренты), но и безработица и отсутствие высокодоходных рабочих мест.

Следует особо отметить, что в **официальных правительстенных программах прогнозные оценки безработицы носят пассивный характер** и никак не рассматриваются в качестве регулирующего параметра антинфляционной политики. Фундаментальная связь между инфляцией и безработицей остается “незамеченной” правительственными экономистами, по всей видимости, из-за их “монетарной зашоренности”. И здесь принципиально важно понять, что безработица – неизбежное следствие инфляции.

Перед лицами, ответственными за формирование экономической политики, до сих пор не был поставлен

* По официальным данным, в РФ 17% населения живет в нищете, так как по общемировым стандартам для присвоения статуса “нищей страны” этот процент не должен превышать 7%.

принципиальный вопрос: какова реальная “цена” многолетней борьбы с инфляцией? И объяснить подобную индифферентность правительственные экономистов довольно просто: антиинфляционная доктрина отечественных радикал-реформаторов основывается на упрощенном подходе, будто инфляцию можно “обуздить” посредством кредитно-денежной политики безотносительно экономических издержек и социальных тягот, связанных с дезинфляцией, под которой обычно понимается либо резкое сокращение темпов инфляции, либо вообще ее прекращение, что в итоге может вызвать спад производства и увеличить безработицу.

При этом монетаристы полагают, что не существует экономических барьера для сокращения инфляции, хотя общеизвестно, что именно резкая дезинфляция начала 80-х годов нанесла существенный урон благосостоянию западноевропейских стран, вызвав в итоге значительный рост безработицы.

По оценкам известного американского экономиста А.Оукэна, такое направление антиинфляционной политики в 70-х годах для США оборачивалось потерями в среднем от 6% до 18% валового национального продукта.

Это, быть может, наименее правильно понимаемая сторона инфляционного процесса. И причиной тому служит рассмотрение инфляции вне контекста социальных перемен, в отрыве от изменений, вызываемых антиинфляционной политикой на рынке труда.

Наиболее разрушительный эффект инфляции как раз и состоит в том, что ее резкое торможение уже в ближайшей перспективе порождает широкомасштабную безработицу.

Правительственные экономисты, зацелившись на финансовой стабилизации, как-то упустили из виду этот фундаментальный факт – **резкое снижение**

темпов инфляции неизбежно связано с высокой безработицей и вследствие этого с потерями потенциально возможного роста ВВП.

Tакой постановке проблемы и заключается критически важная идея количественной оценки влияния инфляции на темпы экономического роста. Она исходит из наблюдаемого факта экономической действительности: чем резче снижаются темпы инфляции, тем значительнее рост безработицы.

За всем этим стоит следующий экономический механизм: инфляция, сдавая временный и фиктивный рост платежного спроса, позволяет тем самым занять на время дополнительную массу трудящихся, а при резком торможении ее скорости создает условия для возникновения значительной безработицы, которая, как правило, и является неизбежным следствием ошибочной экономической политики, вызвавшей инфляционный перегрев экономики.

Объяснения этому можно найти в том, что внутренней структурной причиной массовой безработицы является несовпадение распределения трудовых ресурсов по отраслям с распределением спроса на продукцию этих отраслей.

Подобные структурные рассогласования трудовых и материальных ресурсов с потоками продукции вызваны инфляционным искажением системы цен и заработков. Они могут быть устранены лишь посредством ее изменения за счет установления в каждом секторе экономики цен и заработков, обеспечивающих равенство спроса и предложения.

Поэтому понятно, что рост безработицы в своей определенной части можно объяснить именно отклонениями цен и заработков от их равновесных уровней, которые сложились бы в условиях стабильных цен.

Практическим результатом такой балансировки является так называемый “нормальный” уровень безработицы, который жестко определен условиями рынка рабочей силы и который устанавливается в перспективе в результате перевода экономики в равновесный, сбалансированный режим функционирования, нейтральный по отношению к инфляционному давлению. При этом равновесный (“нормальный”) уровень безработицы формируется при выполнении инфляционных ожиданий в условиях стабильной неускоряющейся инфляции. И если финансовая политика гарантирует стабильную инфляцию, то фактическая безработица должна стремиться к своему равновесному уровню, который может выступать в роли макроэкономического норматива, являясь принципиально новым критерием оценки результатов финансовой стабилизации.

Пороговая форма выражения нормы безработицы, неускоряющей инфляцию, имеет принципиальное значение для прогнозирования темпов инфляции, так как наличие инфляционного барьера в виде этой нормы является предпосылкой, позволяющей придать точный смысл взаимосвязи инфляции с безработицей и прогнозировать их изменения. Основное практическое назначение этого норматива – оценка эффективности проведения правительством антиинфляционной политики.

Уинфляции есть множество отрицательных последствий, намного более тяжелых и болезненных, чем полагает большинство людей. Среди прочего, инфляция подрывает использование денег в качестве счетных единиц:

она делает финансовые сделки рискованнее и неопределенней, резко сокращает объем информации, заключенный в соотношениях цен и нарушает рациональное размещение ресурсов. Но наиболее разрушительный эффект инфляции, в наименьшей степени осознаваемый правительственными экономистами, заключается в том, что в долгосрочной перспективе инфляция порождает широкомасштабную безработицу, о чем весьма недвусмысленно выразился бывший премьер-министр Великобритании Г. Вильсон: *“Inflation is the mother and father of unemployment”* (Инфляция – мать и отец безработицы).

Нередко в дискуссиях по проблеме взаимосвязи инфляции и безработицы приводят довод, согласно которому инфляция влечет за собой простое перераспределение общественного продукта, в то время как безработица, ее рост уменьшает последний, являясь, таким образом, худшим злом.

Этот довод неверен, поскольку инфляция сама становится причиной увеличивающейся безработицы.

Правительственные экономисты вряд ли задумываются над этой проблемой, если два года назад ими была озвучена установка на снижение инфляции к 2007 г. до 4% (в реальности к концу этого года ее ожидают в пределах 9–10%) без всякой оглядки на весьма вероятный при этом резкий скачок безработицы и вследствие этого снижение потенциально возможного ВВП*.

В экономической литературе известны лишь несколько примеров оценки макроэкономических издержек, связанных с преднамеренным сокраще-

* В отдельных случаях расхождение между фактом и прогнозом инфляции в правительственные программах достигали 2-3 раза. Со стороны правительственных экономистов не было дано никаких объяснений причин таких громадных расхождений.

нием инфляции за счет роста безработицы. Эти цифры представляют собой затраты по устранению инфляции, выгоды от дезинфляции не столь очевидны и их практически трудно идентифицировать.

Проводимые нами исследования, базирующиеся на представленном выше методологическом подходе, позволили получить оценки потерь ВВП, связанные с дезинфляцией 1997–1998 гг. порядка 5 и 11% от ВВП, соответственно.

Полученная американскими экономистами оценка влияния инфляции на темпы роста производительности труда в американской экономике 90-х го-

дов показала, что каждый процент повышения инфляции в среднем сопровождался сокращением темпов роста производительности труда на 0,2–0,3%.

Корреляция между производительностью труда и уровнем цен может иметь и обратную направленность. Можно предположить, что многократное (в течение нескольких периодов) воздействие роста производительности труда на снижение темпов инфляции характеризует своего рода мультиплексором и является важным макроэкономическим параметром антиинфляционной стратегии, определяющим степень подавления инфляции издержек ростом производительности.

При всей важности количественных макроэкономических параметров в формировании антиинфляционной стратегии принципиально важно подчеркнуть, что по своему происхождению и по своим результатам инфляция является феноменом социальным и политическим не менее, чем экономическим. Поэтому можно утверждать, что инфляция должна быть понята как проявление в латентной (скрытой) форме конфликтов между различными социальными слоями, между различными финансовыми группировками при распределении национального дохода посредством инструментов кредитно-денежной политики. В связи с этим намерение правительства подавить инфляцию средствами исключительно ограничительной monetаристской политики ошибочно и извращает всю перспективу успешной борьбы с инфляционными процессами.

Научный анализ фундаментальных источников инфляции показывает, что инфляция является симптомом глубоких противоречий не только в экономике, но и во всей политической системе, и движущими силами их разрешения являются поведение людей, их социальные взаимоотношения, а не “слепые” рыночные силы и решения так называемых “денежных властей”.

Именно на этот момент обращает внимание Н.А.Бердяев в своей исторической работе “Истоки и смысл русского коммунизма”: “Не существует внешней, объективной экономической действительности, это – иллюзия, существует лишь активность человека и активное отношение человека к человеку”.

Именно поэтому инфляция имеет не только плоский экономический смысл, но также и социально-политический, а подчас и настоящий метафизический смысл, которые в своей совокупности и предопределяют “загадочность” явления инфляции и в известной мере объясняют трудности, связанные с обеспечением ее управляемости.

Криминализация России: побочный или “генетически” программированный продукт рыночных реформ?

Орест Муштук,
профессор (Московская
финансово-промышленная академия)

Почти 10 лет назад было опубликовано письмо одного из криминальных авторитетов старой формации – профессионального карточного каталога некоего Стаса, которое заслуживает того, чтобы его воспроизвести: “Сейчас Россия напоминает огромную беспредельную зону. Вместо нормального русского языка – дешевая фенька, по которой «ботают» и простой обыватель, и депутаты, и журналисты... «Братва» вхожа в самые высокие кабинеты. Министры парятся в бандитских баних. Власть как будто переродилась... Никакая прокуратура не в состоянии остановить уголовников, со страшной силой рвущихся к мандатам и портфелям... В любом государстве существует преступность, от этого никуда не денешься. Но само государство не должно быть преступным. И к власти не должны приходить преступники. Иначе демократия превращается в «ворократию».

Сицилийская мафия – благодать по сравнению с нашими правами. Мафия, по крайней мере, соблюдает свои порядки, а у нас уже и воровские законы теряют силу...

Почти не осталось законопослушного населения. Действует шакалье правило: каждый сам за себя. Но мне кажется, при таких порядках Россия не сможет долго находится на плаву. Она либо распадется на мелкие территории, либо растворится среди других государств”¹.

Было бы ошибкой утверждать, что эта хлестская характеристика всеобъемлющей криминализации России в смутные 90-е годы в полной мере при-

менима и к 2000-м годам, и за прошедшее с момента опубликования этого письма время в стране ничего не изменилось к лучшему. Подвижки в декри-

минализации общественной среды, конечно же, есть, но они пока не столь значительны, чтобы говорить о коренном переломе ситуации: преступности, наконец-то, “перебили хребет” и “загнали в стойло”.

Серия громких заказных убийств последнего времени, когда погибли 1-й запред Центрального банка А.Козлов, гендиректор филиала Внешторгбанка и экс-депутат Моссовета А.Плохин, известный журналист А.Политковская, кандидат в мэры Дальнегорска Д.Фотянов и др. позволяют говорить, что, по сути, бал в стране по-прежнему правит не закон.

“Торжествует и ликует” основанное на “понятиях” так называемое “пещерное (кулачное) право” и органически связанное с ним нелегитимное насилие – то, что прочно вошло в обыденный повседневный лексикон россиян как **беспредел**.

Это не только криминальный (бандитский), но и “круто замешанный” на коррупции во всех эшелонах власти беспредел чиновничий, административный, правовой и др.

Поэтому далеко не случайно, что на вопрос*: “Приходилось ли Вам и Вашим близким и знакомым, а также коллегам по работе, сталкиваться с ущемлением гражданских прав и свобод, всякого рода посягательствами и насилием?”, всего лишь 5,42% ответило отрицательно. Абсолютное же большинство (94,03%), что сталкивается, если и не на каждом шагу, то довольно часто (29,03%), время от времени (39,17%), крайне редко (25,83%)².

А вот как в рамках этого же опроса иерархизированы респондентами основные субъекты-носители противоправных действий – они представали в

виде удручающей для властей пирамиды из трех уровней:

– верхнего, представленного такими категориями, как: деклассированные элементы (бомжи, воры, проститутки, наркоманы, алкоголики и т.д.) – 60,42%; работники правоохранительных органов – 57,50%; “гастролеры” и мигранты из других регионов РФ и стран СНГ – 53,19%;

– среднего – подростковые банды (фанатов, “бритоголовых” (скинхедов) и др.) – 50,42%; мафиозно-криминальные группировки и сообщества – 46,81%; работодатели (администрация государственных предприятий и учреждений, владельцы и топ-менеджеры частных коммерческих фирм и пр.) – 39,17%;

– нижнего – муниципальные работники и служащие – 37,08%; городское и федеральное чиновничество – 35,00%; “теневые” частнопредпринимательские структуры – 32,50%².

При этом следует особо подчеркнуть, что эти результаты в целом близки результатам аналогичного опроса москвичей осенью 1996 г.

Они более того, практически полностью совпадают в части, касающейся “пальмы первенства” в противоправных действиях работников правоохранительных органов и деклассированных элементов³.

Анализируя эти итоги, необходимо иметь в виду, что преступность преступности рознь, и по своим основным параметрам противоправные действия различных субъектов существенным образом разнятся между собой, имеют ярко выраженный специализированный характер. Причем эта “специализация” может быть как узкой, так и широкого профиля.

* Социологический опрос москвичей (1231 чел.) проведен летом 2001 г. под руководством автора.

II

И сключительно как широкопрофильная предстает, в первую очередь, деятельность организованных преступных группировок, густая сеть которых, словно паутина, накрыла всю страну, раскинув свои тенета практически над всеми сферами общественной жизни.

По разным экспертным оценкам, на необъятной территории России сегодня действуют от 8 до 12 тыс. таких группировок.

Причем с 1992 г. численность криминального элемента увеличилась, как минимум, в три раза. По сравнению с 90-ми годами в 2000-е годы, согласно официальной статистике МВД России, выросли такие виды преступлений, как наркопреступность (73%), грабежи (49,6%), разбои (38,2%).

А по уровню умышленных убийств Россия вышла на первое место в мире – 21,5 в расчете на 100 тыс. населения, тогда как в США это показатель составляет 5,7, во Франции – 3,6, в Германии – 3,1.

Общее количество тяжких и особенно тяжких преступлений только в 2006 г. составило 1 млн. 704 тыс.

Бывший руководитель Шестого главного управления МВД СССР по борьбе с организованной преступностью, ныне депутат Государственной Думы от фракции “Единая Россия” генерал-майор милиции А.Гуров в своих публичных выступлениях неизменно подчеркивает, что если по целям отечественная мафия ни чем не отличается от зарубежной, то по формам и методам организации существует целый ряд принципиальных различий, которые в суммарном виде могут быть сведены к следующим:

Во-первых, наша “доморошенная” организованная преступность многонациональна.

Так, если “Коза ностра” по большей части состоит из итальянцев, “Якудза” – только из японцев, то в России даже в “чисто” этнических группировках конкретному этносу

принадлежит лишь “контрольный пакет акций”, остальные члены могут быть самых различных национальностей.

Когда говорят о русской мафии, то с точки зрения этнической представительности, это, по меньшей мере, не совсем “корректно”. Так, из 1600 “воров в законе” лишь 33% этнические русские, тогда как все остальных представляют “нерусские” (чаще других кавказские) этносы.

Во-вторых, в отличие от западной мафии, той же “Козы Ностры”, чье структурное построение и управление сродни государственному с четко выраженной иерархией приказа-исполнения и разветвленным, почти чиновничим, аппаратом, организационная структура отечественного криминалиста “ползучая” – она мимикрирует, растекается, занимая образовавшуюся пустоту. И там, где государство по тем или иным причинам не дорабатывает, где есть лакуны в законе, тут же эту нишу занимает преступность.

При этом для многих группировок эта структура в качестве традиционной включает такие “институты”, как: лидер, “собрание акционеров”, подразделения, занимающиеся легальным бизнесом, свои банки, кампании, благотворительные фонды и пр.

В-третьих, российская организованная преступность не является единой общенациональной организацией, а представляет собой систему достаточно самостоятельных и автономных по отношению друг к другу сообществ, между которыми, тем не менее, существует определенная договоренность о разделе сфер влияния и “компетентности”.

Так, например, в Волжском регионе – это продажа автомобилей, в районах Севера – рыбный, нефтяной и алюминиевый бизнес и т.д.

В-четвертых, на Западе криминальный бизнес в значительной мере огра-

ничен эксплуатацией человеческих пороков: контроль над проституцией; азартные игры; торговля наркотиками; оружием, в некоторых случаях – недвижимостью. У нас помимо этого – торговля стратегическим сырьем; контрабанда, производство контрафактной продукции, фальсифицированных спиртных напитков, и т.д.

Таким образом, в отличие от нормального общества, в котором мафия паразитирует на “запретных” сферах общественной жизни, у нас – практически на всех.

В-пятых, в тех странах, где мафия является своего рода государством в государстве (Италия, США, Япония) замечен ее интенсивный переход от диких варварских методов к цивилизованным. И организованная преступность как бы становится частью государственной машины и в той или иной мере способствует процветанию страны.

К примеру, в США только от продажи наркотиков ежегодно оседает около 100 млрд. долл.

В России – иная картина: для сокрытия доходов от торговли наркотиками, оружием, от рэкета и прочих незаконных видов деятельности используются так называемые “черные” офшоры, куда переводятся (уводятся за границу) деньги с помощью подставных “ фирм-фонариков” (или “ фирм-однодневок”), число которых исчисляется десятками тысяч.

В-шестых, российская организованная преступность все глубже проникает в политику, прежде всего за счет финансирования избирательных кампаний угодных ей кандидатов в депутаты и на выборные должности. И многие

политики, сами, может быть, не подозревая, начинают работать на мафиозные структуры.

И нет ничего удивительного в том, что в современной России стали уже привычными всякого рода скандалы, связанные с тем, что при выборах как в центральные, так и местные органы представительной власти в числе претендентов на депутатское кресло оказывается много людей с криминальным прошлым или же находящихся “под колпаком” у правоохранительных органов. Поэтому борьба за депутатский мандат нередко диктуется стремлением заполучить связанный с ним парламентский иммунитет и, тем самым, избежать уголовной ответственности.

Представляется, что в том числе и по этой причине Президент РФ в своем недавнем выступлении на съезде “Единой России” высказался против включения в партийные списки олигархов, указав на недопустимость совмещения парламентского мандата и связанной с ним парламентской неприкосвенностью с занятием крупным бизнесом. Что, вне всякого сомнения, целесообразно как с точки зрения обеспечения эффективности парламентской деятельности, так и с учетом того, что далеко не все наши олигархи кристально чисты перед законом. При желании докопаться, “откуда есть и пошло” богатство олигархических “бизнес-империй”, если не во всех, то во многих из них всегда можно обнаружить “двойное дно”, свои темные пятна в генезисе, связанные с заказными убийствами, мошенничеством, рейдерскими захватами и т.д.

III

Не менее широкопрофильной смотрится и противоправная деятельность работников правоохранительных органов.

С одной стороны, речь идет о противоправных действиях, связанных с выполнением служебных обязанностей, а с другой – с криминальными по ха-

рактеру “приработками” на стороне в свободное от основной работы время.

В опубликованной на страницах “НГ” статье Лидии Андрусенко в этой связи говорится, что “преступность и нарушение прав граждан со стороны госструктур (в первую очередь сотрудников МВД и органов юстиции) превращаются в настоящее национальное бедствие... Зачастую именно органы правопорядка ведут себя так, что люди боятся не только бандитов, но и милиции. Ради получения признательных показаний в первые часы после задержания людей в милиции нередко избивают и подвергают жестоким пыткам. В основном подобные факты остаются безнаказанными, потому что пострадавшие не заявляют о случившемся, опасаясь мести со стороны работников милиции. Да и вообще не верят в защиту своих прав и восстановления справедливости”⁴.

Ссылаясь на значительный удельный вес поступающих в адрес омбудсмена (уполномоченного по правам человека) жалоб на недозволенные методы воздействия и процессуальные нарушения при проведении дознания либо предварительного расследования, Л.Андрусенко, заключает, что “фактически наравне с бандитским беспределом, в стране существует милиционерский беспредел”⁴.

Не случайно в публикуемых на страницах отечественных периодических изданий и показываемых ТВ криминальных хрониках и обзорах не так уж редки очерки и репортажи о милиционерских работниках – “оборотнях”, специализирующихся на разбойных нападениях, грабежах, вымогательствах, киднепинге и т.д.; “крышующих” (прикрывающих) за определенную мзду проституток, продавцов наркотиков, “лохотронщиков” и т.д.

Так, что касается проституции, которой в Москве занимается от 50 до 100 тыс. женщин, то “сейчас практически невозможно представить работу притона, борделя или эскорта-агенства без серьезной “руки” в погонах. В не-

которых случаях под апартаменты для обслуживания клиентов отдают даже ведомственные квартиры. Есть свои интересы в этом бизнесе и у миграционников, и у прокуратуры, и у уголовного розыска.

Денег хватает на всех: сами девчонки из заработанных 200–300 долл. получают не более 10–15%, остальные идут различным “инстанциям”. А ведь это десятки, если не сотни миллионов долларов в месяц”⁵.

“Милиционеры, – пишет политический обозреватель “МК” Юлия Калинина, – самый жизнеспособный и мобильный отряд блюстителей порядка – научились пресекать, задерживать и наказывать тех, кто им мешает.

Взяли под контроль потоки бюджетных средств, и имеют с них свой процент. Наложены связи с прокуратурой и судьями, найден общий язык и точки соприкосновения.

Все вместе они научились отнимать в законном порядке собственность, сажать в тюрьму “заказных” клиентов. В принципе, сейчас они могут делать все, что от них требуется.

Только делают они это “все” не по долгу службы, а либо за деньги, либо по приказу вышестоящих властей”⁶.

Но речь идет не только об “оборотнях в погонах”, но и “оборотнях в мантлях” (судебной, прокурорской и т.д.).

Не секрет, что наряду с теневой экономикой в России, по словам В.В.Путина, интенсивно развивается и “теневая юстиция”. Юстиция, по отношению к которой так называемое телефонное право как один из решающих факторов, детерминировавших правосудия в советский период, просто блекнет. Правосудие отправляется не по кодифицированным законам, а по “прейсканту”.

Уместно в этой связи привести строки из письма читателя “АиФ”, который недоумевает: “За кражу восьми литров молока

мой сосед получил 7 лет. А гендиректор компании *Golden ADA* Андрей Козленок, похитивший алмазов и золота аж на 187 млн. долл., осужден Московским городским судом всего на 6 лет. Подельников выпустили на свободу, а бывшего министра финансов Бориса Федорова вообще не привлекли к уголовной ответственности. Выходит, чем больше украл, — тем меньше получил?"

Отвечая на это письмо и подтверждая приведенные в нем факты, редакция еженедельника заключает: "Выходит, что правосудию небезразлично, кто попался на краже: высокопоставленный чиновник или простой человек".

В связи с таким "избирательным" правосудием в народе горько шутят: "Не воруй мало, посадят".

Из этого факта следует также, что власть экономическую и политическую имущие и "простые смертные" в РФ сегодня живут как бы в двух параллельных мирах. Первые в мире фантомной (призрачной) легитимности, где вроде существуют, но не действуют ни закон,

ни суд, ни прокуратура. Для вторых же закон писан. Мир легитимности реален. И все связанные с ним институты работают, что называется, на "полную катушку".

Не случайно общее число заключенных в РФ до не давних пор составляло порядка одного миллиона человек (что больше числа, которое было во всем СССР).

В результате, как показали итоги проведенного опроса столичных жителей (лето 2001 г.), лишь 5,97% от общего числа респондентов оценивают нынешнюю судебную систему в РФ как "доступную и эффективную для всех граждан вне зависимости от социального статуса и уровня материального благополучия". Что касается большинства в 90,97%, то в его глазах она предстает как "формально доступная, но реально эффективная только для сильных мира сего. Шансы же простых граждан защитить свои права с помощью этой системы весьма ограничены, если вообще не равны нулю".

IV

Что касается противоправной деятельности работодателей (администрации государственных предприятий и учреждений, владельцев и высших менеджеров частных коммерческих фирм и пр.), то она предстается как "узко" специализированная и концентрируется в основном в сфере несоблюдения трудового законодательства.

Дело в том, что отечественные реалии в сфере взаимоотношений труда и капитала как небо от земли далеки от тех, которые характерны для развитого социально ориентированного рынка. Прежде всего, потому, что российские предприниматели, не наступив пока на грабли классовой ненависти и борьбы, в массе своей воспринимают работающих не как наемных работников при

капитализме, которые имеют гарантированные государством права на достойные условия труда и зарплату, соответствующую реальной стоимости рабочей силы, а как, в лучшем случае, закрепощенных "вассалов", чьи права сводятся к необходимости безропотно подчиняться "сюзерену" и во всем следовать "самочинно" установленным им правилам "феодальной монархии" (или "феодальной вотчины") в миниатюре. Не "покладая рук", работать, работать и еще раз работать без каких-либо твердых гарантий того, что в один прекрасный момент тебя "не облапошат" и не "выставят за дверь".

Заместитель Генерального прокурора России Александр Звягинцев отмечает в этой связи: "Наше большое Отечество продолжает во многом оставаться страной

обычаев. Но обычай обычаю рознь! К примеру, во многих принятых на местах законах нет-нет да и просматриваются вполне отчетливо не принципы современного права, единые для всех и обязательные для каждого, а тени недоброй памяти Крепостного уложения.

Что уж говорить о практике?

Судите сами: в прошлом году (имеется в виду 2006 г. – Авт.) прокуратура выявила 1 млн. 200 тыс. нарушений в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Причем абсолютное большинство, около 800 тыс., было нарушениями трудового законодательства. Людям просто не платили, задерживали зарплату! То есть, по сути, обращались с ними, как с крепостными⁸.

Согласно данным Роскомстата, на 1 февраля 2005 г. общий объем невыплаченных денег составил по стране 14,3 млрд. руб. или 5% месячного фонда зарплаты всех работающих россиян. Число тех из них, которые остались без зарабо-

танных денег, превысило 2,4 млн. чел. (практически каждый 13-й работник).

При этом основной объем долгов приходится не на бюджетный, а на частный сектор, в котором работодатели нередко вообще "кидают" работающих. То есть отказываются платить заработанное (особенно если работник на "птичьих правах" – мигрант из СНГ).

Если на Западе работающий человек чаще всего относится к среднему классу и живет "припеваючи", то у нас вливается в класс бедняков. Данное обстоятельство не перестает изумлять западного обывателя – он никак не возьмет в толк, почему "новые бедные" в России – не безработные и не деклассированные элементы, а люди с постоянным местом работы, занятые активным созидательным трудом и имеющие не только специальное среднее, но нередко и высшее образование. А то и ученье степени и звания.

V

Еще один отряд субъектов-носителей противоправных действия в России – "надменной касты" государственных служащих и чиновников – принимает форму всевозможных поборов и взяток в качестве откупных со стороны граждан и коммерческих организаций за посреднические услуги в "продвижение дела" или же "закрытие глаз" на всякого рода нарушения в его организации.

Речь идет о такой форме негативной девиантности, как коррупция (повсеместное взымание этой кастой "статусной ренты"), которая приняла характер национального бедствия и превратилось в реальную угрозу национальной безопасности страны. Ею, как вирусом, поражены все звеньяластной вертикали – от рядового муниципального работника и милиционера до правительенного чиновника и министра. И она, как ржавчина, разъедает властный стержень сверху до низу.

По последним данным, совокупная цена коррупции в России измеряется 240 млрд. долл., что сопоставимо с годовым бюджетом страны.

Как результат происходит резкое снижение эффективности экономики, усиливается нищета и социальное неравенство, расширяется пропасть между народом и властью, политика превращается в сферу дележа национального богатства, разлагаются нравственные устои общества, непоправимый ущерб наносится престижу страны на мировой арене.

В недавно опубликованном международной организацией *Transparency International* ежегодном рейтинге, который составляется по результатам опроса экспертов в 180 странах мира, коррупция в России спустилась с прошлогоднего 126 места на 143-е, разделив его с Индонезией, Гамбией и Того.

Когда говорят о причинах коррупции, то чаще всего указывают на отсут-

ствие в стране должной системы материального стимулирования управленческого труда и низкий уровень заработка плате государственных чиновников и служащих. И для того, чтобы “чиновный люд” в своем стремлении “жить по-людски” не добирал недостающее мздоимством и был уверен в своем будущем, нужны соответствующие государственные гарантии. И, прежде всего, достойные зарплаты, соизмеримые с той высокой ответственностью, которая возложена на него, как на того, кто принимает судьбоносные для страны (региона, области, района, города) управленческие решения.

Было бы, конечно, неверным полностью отрицать подобную точку зрения, ибо определенная доля истины в ней имеется. Однако это, отнюдь, не означает, что между уровнем чиновничих зарплат и масштабами коррупции существует прямая связь в виде определенной причинно-следственной зависимости: чем выше зарплаты, тем ниже коррупция. На самом деле это не так.

Известно, что за последние 6 лет зарплаты российских чиновников выросли примерно в 9 раз, но коррупция при этом не только не уменьшилась, а, наоборот, существенным образом возросла, приобретя характер “коррупционного взрыва”. Получается (и это есть сермяжная правда о коррупции в России), что, сколько нашему чиновнику не давай, он “как брал, так и будут брать”, при чем в геометрической прогрессии.

Следовательно, системообразующие причины коррупции кроются не традиционной “нищете” чиновничества. Они лежат в том, что несмотря на переход к рынку в нашей стране сохраняется положение, когда политика командует экономикой, а хозяйственная жизнь подвергается избыточному регулированию и администрированию.

Среди управленческих функций явно преобладают те, которые связаны

с распределением и перераспределением ресурсов, “легитимацией” и контролем частнопредпринимательской и коммерческой деятельности. Это как раз и является питательной средой для взяток и отступных как противоправному способу существования власти. Ибо, как подчеркнул в своем Послании Федеральному Собранию РФ (2003 г.) В.В.Путин, “любые административные барьеры преодолеваются взятками. Чем выше барьер, тем больше взяток и чиновников, их берущих”.

В то же время было бы неверным сводить коррупцию только и исключительно к взяточничеству и мздоимству, которые однозначно трактуются законом как уголовное преступление. Представляя собой общественно осуждаемое поведение властей, коррупция может принимать и такие, не подпадающие по статьи УК формы девинатности, как предоставление разного рода преференций и создание преимуществ отдельным структурам и группам в обмен на преданность и политическую поддержку.

“Покупка голосов” в ходе избирательных кампаний и использование местными властями выделенных из центральной казны денежных средств и ресурсов для общественных нужд для завоевания симпатий избирателей, и др.

Речь идет о тех видах коррупции, которые в собирательном виде обозначаются таким очень расхожим в нашем политическом лексиконе термином, как “административный ресурс”.

В результате широкое использование этого ресурса все в большей мере профанирует и снижает политическую конкуренцию, превращает выборы в фарс. И как итог, приводит к разочарованию граждан в ценностях нарождающейся в России “эмбриональной демократии”, порождая в массовом порядке “политический пофигизм” и абсентенизм.

Давайте зададимся вопросом, почему правоохранительные органы различных степеней и рангов, будучи хорошо осведомленными обо всех преступных группировках и криминальных авторитетах, тем не менее, мало что делают для того, чтобы “прижать их к ногтю”.

Может бояться? В какой-то мере, конечно, да. Ведь в отличие от стран Запада, в России практически полностью отсутствует государственная система защиты свидетелей, судей, прокурорских и иных работников правоохранительных органов перед лицом организованной преступности. И страх перед угрозой физической расправы (в том числе над членами семьи) – это реальный фактор, не учитывать который нельзя.

В очерке “МК”, посвященном федеральному судье Алле Тарасенко, есть очень примечательные в этом отношении строки: “Кто она (судья) – и кто они (бандитские группировки)? Она – лишь абсолютно беззащитная женщина, которой глотку перерезать – что котенка утопить. Они – мощная, хорошо организованная и вооруженная сила, которая точно знает, кого замочить, кому и сколько отстегнуть, чтобы выйти из любой переделки”⁹.

В таком же негативном ключе на работе правоохранительных органов

сказываются и такие факторы, как исключительно низкий уровень их материально-технического обеспечения, мизерные должностные оклады сотрудниками, которые ни как не соизмеримы с той высокой ответственностью и рисками, падающими на их плечи, несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства и др.

Однако основная причина низкой эффективности борьбы с криминальитетом, как представляется, все же другом – в срашивании организованной преступности с политико-властными структурами. Что такое мафия? Мафия – не просто организованная преступность. По своей глубинной сути и исходному системообразующему признаку мафия – это сплочение трех сил: политики, уголовного мира и бизнеса. Своего рода “огосударствление” (“этакратизация”) преступности, когда чуть ли не одна треть власти предержащих в России так или иначе связана с преступным миром и является для него “политической крышей”. Сливается вместе с ним и бизнесом в “экономическом экстазе”.

Александр Гуров в одном из интервью сказал по этому поводу очень краткую, но емкую, по существу, знаковую фразу: “Ныряешь в преступную группировку, а выныриваешь в политике”¹⁰.

Преступность, как и коррупцию, полностью искоренить нельзя. Они неизбежные спутники любого, в том числе самого что ни есть свободного и демократического общества.

Не говоря об обществе российском – не демократическом, переходном, в котором семена дарованной сверху свободы, к сожалению, пали на невспаханную, некультуренную предыдущим развитием (ни в правовом, ни в нравственном, ни в религиозно-этическом смысле) почву. И “зверино-земное” начало в человеке, не привыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в высшую, выступило на первый план. Тогда как человек в ипостаси существа социального и духовного (а именно в этом облике, несмотря на откровенные мародерские и разбойничьи формы капитализма в России, предстает большинство простых россиян) оказался оттесненным на задний план.

Но низвести организованную преступность и коррупцию до уровня неопасной для общественного организма “хронической болезни”, которая не создавала бы угрозы построению в России свободного демократического общества и правового государства – задача вполне реальная.

И первое, что требуется на этом пути – возрождение государства Российского как рационально-правовым образом организованной и ограниченной правом демократической власти, которая, опираясь на закон, выступала бы технократически легитимной и функционально высокоэффективной силы, неотчужденной, а слитой с народом, способной обеспечить в стране законность и порядок, гарантировать устойчивость социальной жизни, свободу и безопасность каждого и всех.

Власти, которая объявила бы, что идеалы рынка и демократии в России не могут вечно мириться с вакханалией зла, с неправедным богатством одних (меньшинства) и незаслуженной бедностью других (большинства), что широкомасштабная борьба со всеми проявлениями зла и произвола, с одной стороны, и всемерная поддержка добра и справедливости, с другой – отныне является смыслом ее существования.

Примечания

¹ Аргументы и факты. 1998. № 15.

² Муштук О.З. Оценка москвичами работы правоохранительных органов // Пульс. 2001. № 12, С. 17–18, 10.

³ Муштук О.З. Москвичи о законности и правопорядке в столице // Пульс. 1996. № 45. С. 11–13.

⁴ Андрусенко Л. Омбудсмену в России работы хватает // Независимая газета. 2001. 28 мая.

⁵ Аргументы и факты. 2007. № 12.

⁶ Московский комсомолец. 2001. 14 июня.

⁷ Аргументы и факты. 2001. № 22.

⁸ Аргументы и факты. 2007. № 8.

⁹ Московский комсомолец. 2001. 16 мая.

¹⁰ Гуров А. Мафионные деньги должны работать на государство // Московский комсомолец. 1996. 10 ноября.

Современная этнополитическая ситуация на Северном Кавказе

**Истоки, факторы динамики,
возможные перспективы развития**

Абуталиб Сангибаев,
кандидат социологических наук,
советник Президента Карачаево-Черкесской Республики

В настоящее время Северный Кавказ является одним из наиболее конфликтных регионов РФ.

Это обусловлено критическим уровнем противоречий в национально-государственном устройстве и межэтнических отношениях, в основе которых лежит конкурентная борьба этнических и политических сил за перераспределение власти и ресурсов: земли, производственных мощностей, источников финансовых поступлений. Свое выражение эта борьба находит в разнообразных движениях народов Северного Кавказа: за реабилитацию репрессированных народов, повышение статуса народа в иерархии национально-государственных образований, за выход той или иной территории из состава Российской Федерации.

Стратегическая значимость Кавказа для России заключается в том, что Кавказ является своеобразным связующим звеном между Европой и Центральной Азией за счет выхода к системе трех морей: Черного, Азовского и Каспийского.

Другой особенностью Кавказа является своеобразная изолированность новых кавказских независимых государств и российских республик, что обусловлено отсутствием международных контактных узлов, где сходились бы границы нескольких государств,

затрудненностью связи данных политических субъектов с внешним миром и между собой, сильной экономической, а теперь политической и военно-стратегической зависимостью от транзита через территории соседних стран¹.

Многие кавказские республики являются географическими “тупиками”. Так, в Адыгею, Карачаево-Черкесию можно попасть только через территорию собственно российской части Северного Кавказа, а в Балкарию – только через Россию и Кабарду. Путь в Ингушетию из России идет или через

Кабарду и Северную Осетию, или через Дагестан и Чечню.

Это общее свойство геополитического положения Кавказа для российских республик усугубляется трудностью выхода к морю: в этом отношении они полностью зависимы от России. В случае же отрыва от нее изоляция северокавказских республик усилится, поскольку внешнее сообщение для них, помимо российской территории, возможно только через Дагестан, Азербайджан и Турцию, что представляет собой долгий путь, пролегающий через политически нестабильные районы.

Изолированность Кавказа усугубляется крайней уязвимостью его коммуникаций. Основная масса пассажиров и грузов в кавказском направлении проходит через узкую ростовскую горловину, а затем распределяется по двум региональным магистралям: восточной, более мощной, и западной, обладающей меньшей пропускной способностью, пролегающей на значительном протяжении вдоль черноморского побережья и потому более уязвимой.

Сеть дорог в горах Северного Кавказа весьма слабая и привязана к долинам рек и немногочисленным перевалам. Самой крупной преградой является Главный Кавказский хребет, который относительно легко можно пересечь только по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал. Другие перевалы используются слабо и то при чрезвычайных обстоятельствах.

Например, связь Северной Осетии с Южной через Рокский перевал или переброска боевиков и оружия из Карачая в Абхазию.

Отсутствие непосредственных связей между родственными горскими народами, даже если они проживают в соседних ущельях, служит серьезным препятствием не только в экономическом и военно-стратегическом плане,

но и для формирования единства горцев и способствует повышению стратегической значимости приморских проходов, а значит, роли Абхазии и Дагестана.

Так как Россия только на небольшом участке выходит к Азово-Черноморскому бассейну, ее главный политический интерес – сохранение стабильности в собственно российской части Северного Кавказа, а именно: Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области. Россия располагает на Кавказе только двумя портами – в Новороссийске и Туапсе. Оба имеют нефтяные терминалы.

В частности, Новороссийский входит в тройку главных портов бывшего Союза, а в отдельные годы он занимал первое место.

Географически, исторически, конфессионально и по этническому составу Северный Кавказ можно условно по Дарьяльскому ущелью Главного Кавказского хребта разделить на Западный и Восточный Кавказ.

Восточный Кавказ включает у себя часть Северной Осетии-Алании, Ингушскую Республику, Чеченскую Республику и Дагестан.

Для данного региона характерен ряд межнациональных, внутриконфессиональных и межконфессиональных конфликтов, втянувших в противостояние ряд субъектов Российской Федерации. Сложные и по своей сути неразрешенные противоречия, в первую очередь национального свойства, питают сепаратизм в Чечне, осетино-ингушский конфликт, проблемы разделенных народов в Дагестане.

Западный Кавказ, включающий в свой состав Адыгею, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию, хотя и испытывал с конца 90 годов XX в. определенное межнациональное противостояние, в целом остается более стабильным регионом.

Политические интересы националистической элиты горских республик во многом схожи – это продвижение по пути к установлению единства горцев, преодоление внутренних конфликтов и раздробленности, дистанцирование от Москвы так далеко, как это возможно на каждый текущий момент, наряду с поддержанием с ней экономических отношений, а также поиск геополитической идеи, которую было бы возможно положить в основу формирования единого государства или конфедерации.

Основным внутренним препятствием для реализации такого сценария является жесткое соперничество за роль регионального лидера, причем, следует отметить, что на нее претендуют не только северокавказские этносы (в первую очередь, чеченцы), но и независимые государства Кавказа.

На текущем этапе роль “объединяющего” элемента пытается примерить на себя Грузия, активно стремящаяся к интеграции в евроатлантические структуры и формирующая антироссийское политическое и информационное поле в регионе.

За последние 15 лет Грузия так и не сумела “излечиться” от национализма: к власти последовательно приходили более или менее националистически настроенные лидеры.

Национализм, а также государственная идеология, опирающаяся на него, призваны, в первую очередь, мобилизовать массы по этническому признаку для решения тех или иных политических или военных задач. Как показывает практика, элита, сделавшая ставку на этническую мобилизацию масс, стремится разрешить “одним махом” наиболее сложные проблемы страны, канализируя активность масс в нужном для нее направлении.

Государство, опирающееся на национализм, не может существовать без

поиска врагов нации и чаще всего их находит внутри страны.

В ситуации с Грузией их практически не нужно искать – это две мятежных автономии, а также Россия, которую уже почти 15 лет обвиняют в развале Грузии.

Собственная неспособность справиться с кризисной ситуацией стимулировали грузинскую элиту как при Гамсахурдии, так и при Шеварднадзе и, вероятнее всего, уже и при Саакашвили сваливать все неудачи на недружелюбные действия мощного внешнего агента, которым является Россия.

Можно сравнить высказывания двух президентов Грузии, приведенные зарубежными СМИ: “Мы потеряли Южную Осетию и Абхазию, так как русские поддерживали сепаратистов. Тогда русские бросили меня в беде. Этого я им никогда не прощу” (Шеварднадзе)².

“США нам помогают, тогда как от России – одни проблемы” (Саакашвили, на форуме в Давосе)³.

Посыл обоих президентов практически идентичен: если бы не Россия, в Грузии было бы вообще не было проблем.

Свводом в строй нефтепровода “Баку-Джейхан” Грузия, по территории которой проходит значительная часть нитки, приобрела особое значение для государств Запада, в первую очередь США, планирующих использовать энергоресурсы Каспия для покрытия собственных потребностей.

Исходя из этого, контроль над территорией Грузии становится важнейшей задачей США, стремящихся не допустить ее вовлечения в орбиту российского влияния. Второй задачей является формирование альтернативного России “центра силы” на Кавказе и консолидация вокруг него большей части антироссийских акторов.

Тема угрозы со стороны России постоянно будируется в грузинском об-

ществе, ускоренными темпами идет милитаризация страны с помощью американских финансовых вливаний. В то же время, политика грузинских властей пока не принесла им ощутимого успеха на внутрикавказском фронте – ни Армения, ни Азербайджан, ни северокавказские народы не собираются признавать лидерство Грузии в вопросе консолидации Кавказа. Более того, со стороны северокавказских лидеров иногда звучат плохо скрываемые угрозы в адрес Грузии в связи с ее планами военным путем решить проблему своей территориальной целостности.

Так, в начале ноября 2004 г. первый вице-премьер Чеченской республики Р.Кадыров выступил в СМИ с резкими оценками деятельности Грузии по поддержке террористов и отметил, что "...нам в Чечне... надоело молча наблюдать за тем, как в Панкиси обучают, вооружают и направляют в Чечню террористов..."⁴.

Более того, Кадыров заявил, что "...может быть некоторым обидчивым грузинским политикам это не понравится, но мы бы смогли восстановить там порядок..... У меня есть эффективные и способные люди. Мы можем провести в России любую операцию, если из Москвы поступит команда"⁵.

Иными словами, Тбилиси дали понять, что в случае возможной агрессии против Абхазии и (в меньшей степени) Южной Осетии Москва попросту воспользуется "саудовским рецептом" – даст своим малоконтролируемым вооруженным формированиям карт-бланш на действия по защите своих "братьев" на территории Грузии и кошмар начала 90-х годов, когда тысячи добровольцев из северокавказских республик приняли активнейшее участие в избиении грузинской армии в Абхазии, вполне может повториться⁶.

Естественно, такой сценарий абсолютно не устраивает США, которые как могут тормозят не в меру горячего Саакашвили, стремящегося одним кавалерийским наскоком решить все территориальные проблемы.

Для успешной реализации подобного сценария военно-политическая ситуация на российском Северном Кавказе должна быть максимально дестабилизирована, а все деструктивные силы задействованы во внутренних конфликтах, чего как раз и добиваются США. Однако удерживать грузинских руководителей становится все более проблематичным и не исключено, что в случае, если действия Саакашвили и его команды не достигнут поставленной цели – контроля над всей территорией страны или, что весьма вероятно, в результате неудачных действий грузинских вооруженных подразделений, ситуация в стране станет малоуправляемой, США вынуждены будут под благовидным предлогом взять под контроль ключевые пункты на территории Грузии для обеспечения функционирования нефтепровода "Баку – Тбилиси – Джейхан".

В целом можно отметить, что нерешиенные проблемы территориальной целостности, а также недавние военные поражения, понесенные во время столкновений в Южной Осетии и Абхазии от объединенных сил горских народов Северного Кавказа, не способствуют лидерским потугам Грузии – северокавказские инсургенты воспринимают ее лишь как один из инструментов для достижения своих целей: территория, базы отдыха, оружие, политическая поддержка, связь с Западом.

Для Северного Кавказа характерна очень высокая этническая мозаичность: на его территории проживают многочисленные группы некоренного населения и около пятидесяти коренных народов, самыми крупными из которых являются:

- дагестанская группа,
- вайнахская группа,
- тюркская группа,
- абхазо-адыгская группа.

Первые две группы занимают, в основном, территорию восточного Кавказа, вторые доминируют на западном.

Многие нынешние нации Северного Кавказа – это конструкции уже советского периода, когда происходило или объединение десятка разнообразных групп, как, например, в аварскую, или, наоборот, из черкесов произошло выделение кабардинцев, черкесов и адыгейцев. Взаимоотношения же между этими народами были сложными, какими остаются и сейчас.

Между вышеназванными кавказскими этническими группами осуществляется жесткая конкуренция за доминирование в кавказских регионах, при этом демографический потенциал вайнахско-дагестанского ареала примерно вчетверо больше, чем адыгского¹.

Следовательно, во многом определяющей на Кавказе как в численном, так и в идеологическом отношении может быть роль вайнахско-дагестанской группы и, в частности, чеченцев. Это побуждает адыгов и тюрок обосноваться на западном Кавказе, сформировав его как отдельный этнополитический регион, обеспечив доминирование своих элит. Во многом именно эта причина обусловила весьма вялую реакцию адыгов и тюрок на отчаянную риторику чеченских сепаратистов об общекавказской и исламской солидарности во время военных кампаний в республике.

Конструирование современной этнополитической ситуации на Северном Кавказе было реализовано в течение 50 лет Советской власти с частичным принятием опыта предшествующего времени.

Например, заселение казачеством отдельных районов для формирования имперской национальной прослойки между горскими народами с севера и запада пришло из XIX в.

Политико-административное деление горских народов – это советская конструкция, базирующаяся на следующих основаниях:

- “сдавливание” этнически разнородных общностей в едином территориально-административном образовании;
- политico-административное деление, неучитывающее в полной мере традиционных ареалов расселения этносов;
- произвольность границ.

Первое основание предполагает единое политico-административное деление для двух народов. При этом обязательно присутствие живущего в этом районе в достаточном количестве имперского народа, что делает устойчивым сочетание двух горских народов. Примером является Кабардино-Балкарья, Чечено-Ингушетия.

Второе основание формирует административно-статусное неравенство национальных образований.

Адыгея имела в СССР статус автономной области в составе Краснодарского края, Карачаево-Черкессия – тоже автономная область в составе Ставропольского края, а далее к востоку идут автономные республики в составе РСФСР, то есть уровень политico-административных образований повышается с запада на восток.

Третье основание выражается в прокладывании границ так, что они или делят область компактного проживания народа, или образуют остров в центре территории другого народа.

Например, административная граница делила Осетию на Северную и Южную.

Адыгейская автономная область была окружена Краснодарским краем.

А родственный абхазам черкесский этнос был отделен грузинской границей.

Принцип произвольности границ, кроме разделения народов, дал возможность построить коридор, отделяющий мусульманские народы от хри-

стианской Осетии и простирающийся с севера на юг, от Моздока до Южной Осетии. Осетия ограждает исторический проход из России в Закавказье через Крестовый перевал.

Советская система “сдержек и противовесов”, созданная на Северном Кавказе, функционировала при выполнении ряда условий, в первую очередь, мощного силового и социального обеспечения такой политики. С ослаблением государства выполнить эти условия стало невозможно, и система начала активизировать заложенные в ней взрывоопасные механизмы.

Одной из форм их активизации стало религиозное движение салафитов (ваххабитов), основной целью которого является установление исламского правления на Северном Кавказе и превращение подобного теократического образования в важнейший фактор мировой geopolитики, с помощью которого претензии исламского мира на свою долю ресурсов и благ модернизации в глобальном масштабе выглядели бы более весомыми. Контроль над Каспийско-Черноморским транспортным коридором позволил бы воинствующим исламистам добиться от развитых стран больших уступок в плане культурного и политического доминирования в важнейших регионах планеты. Движение активно поддерживается из-за рубежа, однако, если западные организации видят в нем лишь инструмент для редуцирования российского влияния в регионе и в мире в целом, то исламские фонды, организации и некоторые государства стремятся обеспечить на Кавказе свое цивилизационное доминирование⁷.

Среди западных государств, пытающихся использовать данный “инструмент” можно выделить Великобританию и, в меньшей степени, США. В любом случае западные державы, стре-

мясь обеспечить достижение двух основных целей (безопасность транзита энергоносителей и монополию на их разработку, а также geopolитическое ослабление России за счет поддержания кавказского участка “дуги нестабильности” и управляемых конфликтов в регионе), действуют, в основном, через легальные структуры ООН и правозащитных организаций (таких, как не столь давно закрытый в Ставрополе офис Датского совета по беженцам), которые оказывают административную, дипломатическую и финансовую поддержку инсургентам, в первую очередь тем, кто выступает под знаменами национально-освободительной борьбы. Примечательно, что в последнее время ваххабитские структуры пытаются как можно более тесно (по крайней мере на пропагандистском поле) связать себя с чеченским и дагестанским сепаратистским движением и придать своей борьбе более цивилизованную форму.

Так, при атаке Нальчика в октябре 2005 года нападению подверглись только вооруженные структуры государственной власти при минимальных жертвах со стороны мирного населения.

Однако основную финансовую поддержку формированием воинствующих исламистов оказывают неправительственные исламские фонды, базирующиеся, по большей части, в странах Персидского залива.

В этой связи нужно отметить, что российские власти на Северном Кавказе до сих пор не имеют цельного представления о том, как взаимодействовать с исламским духовенством и наиболее активной частью северокавказской уммы.

Опыт Советской власти в подавляющем большинстве ситуаций не соответствует нынешним реалиям Северного Кавказа, опыт Российской Империи

представляется более адекватным, но для его использования придется создавать цельную систему “государственно-го присмотра” и патронирования традиционного ислама. На сегодня в политике государства просматриваются лишь разрозненные элементы возможного комплексного подхода, позволяющие путем паллиативных решений регулировать в частных случаях проблемные ситуации. Проектов создания реальной системы взаимодействия с исламским духовенством и уммой пока нет.

В нешнее воздействие на религиозную и социально-политическую обстановку на Северном Кавказе можно определить как двухуровневое, но вполне взаимосвязанное:

Во-первых, влияние оказывается международными неправительственными общественными организациями, финансируемыми развитыми странами Запада (в первую очередь, США, Великобританией, частично Германией и Францией) на так называемый средний класс и интеллигенцию, то есть людей, которые пытаются более глубоко задумываться над ситуацией и склонны к формированию собственной, заметно отличающейся от официально-государственной, позиции о событиях в регионе, их причинах и следствиях.

Во-вторых, воздействие оказывается исламскими благотворительными организациями, которые в силу специфики своей деятельности нередко поддерживают радикально настроенные объединения и лидеров, способствуя втягиванию в их деятельность люмпенов и прочих маргинальных элементов.

Если первый уровень создает общественный фон, при котором часть представителей интеллигенции и среднего класса готова (после определенной рефлексии, подпитываемой дея-

тельностью западных фондов) найти обоснования для жестких действий радикалов и сформировать некую “общественную симпатию” к ним, то второй направлен как на повышение уровня религиозности населения, так и на прямую финансовую подпитку деятельности радикалов, способных постоянно держать органы государственной власти и население в неослабном напряжении.

Несмотря на то, что оба уровня поддерживаются различными источниками, тем не менее, в целом они создают объективные предпосылки для размытия базовых ценностей северокавказского социума и формирования антироссийских настроений.

Координация действий акторов на обоих уровнях осуществляется спецслужбами, в первую очередь британскими и турецкими, имеющими богатый опыт работы на Кавказе и устойчивые геополитические интересы в данном регионе. Специальные службы США, неимеющие навыков работы с кавказскими элитами и инсургентами, пытаются воздействовать на ситуацию, по большей части, через своих британских коллег.

Активную правозащитную деятельность в регионе осуществляют европейские (в первую очередь, французские) деятели, способствующие также приемлемой для европейцев идеологизации деятельности северокавказских мятежников и распространению сведений о ней в СМИ, в академических и правозащитных кругах Европы (яркий пример – философ Андре Глюксманн)⁸.

Своебразной “прокладкой” между местным обществом и внешними акторами являются российские правозащитные организации, преследующие две цели – добиться реализации своих “гражданских” идеалов и заработать денег на сотрудничестве с зарубежными партнерами.

Найболее сложной и опасной частью деятельности международных неправительственных общественных организаций (МНОО) является финансирование ими тех или иных проектов на территории независимых государств. Прежде всего, это вызвано тем, что финансовые потоки, идущие на осуществление проводимых данными организациями проектов, должны быть прозрачны и официально задекларированы, их использование не должно нарушать местное законодательство и не использоваться для непосредственной оплаты общественных организаций, общественно-политических движений, партий находящихся в оппозиции местным властям.

Жесткие условия, определяющие финансовую деятельность МНОО, заставляет их каждый раз, исходя из ситуации в стране пребывания, ее законодательства и собственных интересов, находить новые возможности скрытого финансирования своих проектов или корректировку уже наработанных методов финансирования. В качестве наиболее часто используемых методов финансирования используется система грантов.

Она заключается в выполнении по заданию МНОО той или иной работы, которая в зависимости от ситуации может иметь характер научной работы, социальной, правозащитной или учебной программы.

Наиболее широко система грантов используется для сбора социально-политической и экономической информации о ситуации в регионах России под предлогом проведения научной работы, социальных, политических и экономических исследований.

В результате этого заказчики, в лице МНОО и подконтрольных им фондов, получают широкий, хорошо проработанный аналитически срез складывающейся в регионе ситуации.

Наиболее активны в регионе Северного Кавказа следующие международные независимые

общественные организации и фонды: Европейская комиссия по правам человека ОБСЕ, фонды Ч.С.Мотта, Форда, К.и Дж. Макартуров, Ф.Эберта и Дж.Сороса.

Для многих лиц, вовлеченных в правозащитное движение, учитывая значительные финансовые вливания из-за рубежа, оно является фактором укрепления своего материального положения. Осознавая это, представители зарубежных фондов и организаций жестко контролируют отчетность правозащитников. При этом снижение их активности, вне зависимости от политической ситуации в стране или регионе, вызывает соответствующее уменьшение финансирования.

Так, уменьшение результативности ПЦ "Мемориал" в 2004 г. вызвало сокращение его финансирования на 20%. Исходя из финансового аспекта, между правозащитными организациями существует определенная конкуренция.

Основными зарубежными партнерами правозащитного движения являются государственные структуры (Агентство по международному развитию США, Министерство международного развития Великобритании, Государственный Департамент США, Правительство Дании, Совет Европы).

В отличие от МНОО исламские общественные организации действуют по-иному.

Их основой являются общественные исламские благотворительные организации (ОИБО). Исходя из положений ислама, финансовая и политическая поддержка единоверцев считается "богоугодным" делом, а религиозный налог "закят" в 2% от прибыли каждого мусульманина, перечисляемый в фонды поддержки бедняков, является одним из столпов ислама.

Основными поставщиками финансовых средств в ОИБО являются бога-

тые исламские государства: ОАЭ и Саудовская Аравия. В современных условиях ОАЭ и Саудовская Аравия не могут отказаться от тесных контактов с неисламским миром, прежде всего в лице ЕС и США. Это обстоятельство входит в определенные противоречия с государственной идеологией, основой которой является ислам ханбалитского мазхаба, наиболее строгий в вопросах веры. Поэтому для снятия напряжения между практической политикой, ориентированной на западные ценности, и государственной идеологией указанные страны осуществляют экспорт за рубеж не только идеи салафизма, финансы, но и наиболее фанатичную и активную часть представителей своего общества.

Среди фондов и организаций, активно вовлеченных в работу на Северном Кавказе, можно выделить "Аль-Харамейн", "Аль-Хайрийа", Фонд исламской солидарности, Международную исламскую организацию спасения ("Аль-Игаса"), Международную ассоциацию благотворительной помощи ("Тайба"), "Братья-мусульмане".

В последние годы на Северном Кавказе ужесточается борьба за власть, активизируется оппозиция. То в одной, то в другой республике вспыхивают острые конфликты, ставящие под угрозу политическую стабильность. На этом фоне Федеральный центр вынужден активизировать кадровую политику, хотя, собственно, при существующей системе выбор Центра невелик: либо оставлять действующих глав регионов и выражать им доверие, либо искать преемника, либо внедрять "аутсайдера".

Первыми сигналами о дестабилизации политической ситуации в республиках Северного Кавказа стали события в **Карачаево-Черкессии**. После убийства ряда представителей оппозиционной части карачаевской элиты толпа захватила Дом Правительства Республики и прозвучали жесткие

требования отставки президента КЧР М.Батдыева.

Подобная ситуация повторилась в **Северной Осетии (РСО-А)**: после трагедии в Беслане против А.Дзасохова выступили родственники погибших, потребовав отставки главы Республики.

Парламент РСО-А даже принял постановление, в котором обвинил правоохранительные органы в том, что они использовали тяжелое вооружение при штурме здания школы: в результате чего погибло много заложников. В обострившейся ситуации президент А.Дзасохов подал в отставку.

Новый глава республики Т.Мамсuroв дал понять, что ему крайне сложно поддерживать стабильность.

В этих условиях тактика Федерального центра заключается в недопущении опасных прецедентов, когда под давлением оппозиции принимаются кадровые решения об отставке руководителей Республики.

Еще один фактор, серьезно осложнивший обстановку на Северном Кавказе, связан с началом реализации положений реформы местного самоуправления.

Муниципальная реформа на Северном Кавказе, по сути, масштабное земельное размежевание в регионе, где нет укорененных процедур публичной политики и экономики, но где доминируют массовые представления об этнической собственности на землю и недопустимости пересмотра "этно-имущественных" вопросов.

Так, в преддверии активной фазы реализации реформы в **Ингушетии** резко активизировалась оппозиция в лице движения "Ахки-Юрт" и депутата народного собрания М.Оздоева: они потребовали возвращения Пригородного района и отставки президента Ингушетии М.Зязикова.

С оппозицией Зязиков сумел договориться⁹. По крайней мере на время акции протesta были отложены, а ее лидер

Б.Арсамаков 28 июня 2005 г. был назначен советником президента. Сам глава Республики получил доверие от Центра и остался на посту президента¹⁰.

Реформа местного самоуправления стала поводом для беспокойства и в другом регионе – в **Кабардино-Балкарии**.

Ранее самая стабильная Республика с точки зрения межэтнических отношений, перестала быть в этом плане исключением.

Между Эльбрусским районом (преимущественно балкарцы) и республиканским центром (контролируется кабардинцами) началось противостояние за контроль над курортной зоной Эльбруса (это главный экономический ресурс региона).

Принятие нового закона о местном самоуправлении фактически передавала Эльбрус в республиканское ведение, а руководство района было “дублировано” постом спецпредставителя президента¹⁰. Все это вызвало многотысячные акции протesta со стороны населения региона.

Политический кризис продолжился и в **Карачаево-Черкессии**.

Там развернулся конфликт экономического характера между кланами одной национальности – карачаевцами. В середине июня 2005 г. оппозиция вновь поставила вопрос об отставке президента, но конфликт удалось урегулировать.

К этому добавилась и другая проблема: против Батдыева выступили абазины – четвертый по численности этнос в регионе.

Абазины потребовали создания этнической административно-территориальной единицы в виде Абазинского района, что и было им предоставлено в 2006 г.

Реформа местного самоуправления явилаась, таким образом, дополнительным поводом для активизации борьбы за политическое влияние и экономические ресурсы.

В **Кабардино-Балкарии** речь идет о статусе курортной зоны Эльбруса и распределении доходов от ее использования.

В **Карачаево-Черкессии** – о статусе крупнейшего в республике сельхозком-

бината “Южный”, приносящего значительные доходы местному бюджету¹⁰.

В **Ингушетии** оппозиция, поддерживаемая проигравшим на прошлых президентских выборах кланом Р.Аушева – М.Гуцериева) апеллирует к “больной” теме осетино-ингушского конфликта. За счет этого она получает дополнительный козырь в торге с исполнительной властью за влияние.

Но специфика Северного Кавказа в том и заключается, что почти любая политическая борьба или борьба за экономические активы усложняется межклановыми или межэтническими противоречиями¹⁰.

Одним из наиболее неоднозначных проектов, озвученных федеральными чиновниками, является объединение субъектов Федерации между собой и, в перспективе, создание в рамках Южного федерального округа трех крупных территориально-административных образований, которые поглотят существующие края, области и республики.

По замыслу одного из разработчиков концепции, председателя комитета Совета Федерации по региональной политике, сенатора от Ростовской области А.Казакова, Россия должна быть поделена на 28 губерний. 13 регионов ЮФО сольются в три губернии:

– Волго-Донскую (Калмыкия, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области),

– Причерноморскую (Краснодарский край, Адыгея, Карачаево-Черкессия) и Северо-Кавказскую (Ставропольский край, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечня).

Столицами станут Ростов, Краснодар и Ставрополь¹¹.

Несмотря на то, что на официальном уровне проект “губерниации” был публично отвергнут, даже попыт-

ки поставить этот вопрос воспринимаются этническими элитами на Северном Кавказе крайне болезненно.

Об этом красноречиво свидетельствует пример политического противостояния между южными окружными властями и прежним президентом Адыгеи Х.Совменом, едва ли не пригрозившим Федеральному центру социальной и политической нестабильностью в Республике в случае, если дело дойдет до практических шагов по объединению Республики с Краснодарским краем.

Также с большим скепсисом к идею объединения КЧР со Ставропольским краем относится карачаевская элита, крайне нервно реагирующая каждый раз, когда в кризисных ситуациях черкесская и абазинская элиты угрожают инициировать процедуру перекрошки административных границ Республики с присоединением русских, черкесских и абазинских районов к Ставропольскому краю.

Поддерживая в целом идею Федерального центра об укрупнении субъектов Федерации, северокавказские элиты в то же время настаивают, чтобы их это не коснулось, ссылаясь на то, что регион сложный и поэтому результат предсказать трудно. “Так, в Махачкале поддерживают объединение кого угодно: Адыгеи и Краснодарского края, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, Чечни и Ингушетии. Но только не себя с кем-то”¹¹.

В реальности реализация такого проекта приведет к переформатированию этнополитической ситуации на Северном Кавказе в целом. Так, в случае создания Северо-Кавказского края в предложенном виде, ее руководство попросту не справится с притязаниями вайнахских, дагестанских и кабардинских элит на доминирование в регионе, а территория субъекта превратится в арену их жесткого соперничества, где Центру придется постоянно дислоцировать крупную группировку отборных войск.

Если подготовка к реализации положений реформы местного самоуправления вызвала столь бурную реакцию в республиках Северного Кавказа, то такой грандиозный земельный передел, открывающий невиданные ранее для северокавказских этнических элит перспективы экономического и политического доминирования на огромных территориях (в том числе и с преобладающим славянским населением), явно актуализирует огромное количество социальных и политических проблем и переведет ранее пассивное славянское население в разряд самых активных субъектов конфликтного взаимодействия.

Кроме того, не исключено обострение осетино-ингушских и осетино-чеченских отношений, обострение отношений между Северной Осетией и центральными властями, что равносильно ухудшению осетино-русских отношений; а также обострение ситуации в Южной Осетии.

Особую опасность представляет обострение осетино-ингушских и осетино-чеченских взаимоотношений.

После событий в Беслане, около тысячи осетин уже пытались организовать погромы ингушей. Но силами правопорядка они были остановлены. Если подобные явления усилятся и будут жертвы, то новый межнациональный конфликт еще более обострит и без того сложную ситуацию на Северном Кавказе.

Одним из наиболее опасных для Федерального центра сценариев развития ситуации может стать обострение отношений между Северной Осетией и центральными властями Российской Федерации, особенно в свете странных манипуляций Центра с расследованием бесланской трагедии. Обвинить Кремль в организации событий в Беслане способны и террористические группировки, действительно заинтересованные в обострении ситуации в Северной Осе-

тии-Алании. В таком случае у населения Республики может появиться стойкое недоверие к центральным властям.

Такое же недоверие может появиться и в других регионах Российской Федерации.

С geopolитической точки зрения одним из самых опасных сценариев здесь является то, что недоверие к центральным властям может трансформироваться в недоверие к русским вообще.

Без поддержки осетин Москва может существенно ослабить свои позиции на Северном Кавказе. А, учитывая то, что Южный Кавказ отчаянно пытается интегрироваться в евроатлантические структуры, то и народы Северного Кавказа при отсутствии духовно-культурной близости под воздействием изменяющейся geopolитической ситуации способны в будущем поменять свою политическую ориентацию.

Примечания

¹ Рубан Л.С. Геополитическая ситуация на Кавказе // <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/08/rub1/>

² Шеварднадзе Э. “Я никогда не прощу русских” // Die Tagesspiegel. 2003. 03. Dezember.

³ Нервическая премьера Саакашвили // Die Presse. 2004. 22. Januar.

⁴ <http://www.vremya.ru/2004/204/4/111547.html>

⁵ Аксарин Т. Что стоит за заявлениями Рамзана Кадырова? // http://www.echo-az.com/archive/2004_11/953/zarubej02.shtml

⁶ Чернов М. Грузинам ответят чеченцы // <http://www.rbcdaily.ru/2007/10/25/focus/300084>

⁷ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов н/Д., 2005.

⁸ Глоксманн А. Философия ненависти. М.: АСТ, 2006.

⁹ Казенин К. Крепок ли тыл России на Северном Кавказе? Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкессия // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1095685260>

¹⁰ Северный Кавказ: набор проблем // <http://www.rian.ru/politics/20050629/40811130-print.html>

¹¹ Три губернии на один округ // Южный репортер. 2005. 27 июня. № 11.

Осетинский фактор представляет исключительную важность для позиций Москвы на собственном Северном Кавказе. Осетины – единственный из автохтонов на Северном Кавказе, исповедующий православное христианство. Они практически первыми добровольно вошли в состав России и не участвовали в Кавказской войне горцев с Российской Империей в XIX в. Сейчас осетины остаются самым надежным союзником и оплотом России на Северном Кавказе.

Составляющие кризиса на Северном Кавказе

Юлия Григорьева

Нередко в документальных материалах, посвященных проблеме чеченского конфликта, авторы обращают внимание на благополучие Чечено-Ингушской республики накануне кризиса, редкую ухоженность Грозного, мирный характер отношений между жителями разных национальностей.

Действительно, бывшая русская крепость Грозный, став в советское время столицей Чечено-Ингушской АССР, превратилась в XX в. в один из самых красивых городов на Северном Кавказе.

Но если все было так хорошо, то почему, когда в середине 90-х годов в Чечне начались военные действия, события зашли так далеко? Неужели дело было только в ловкой пропаганде и выборочном использовании истории, с одной стороны, и политической безрассудности и неподготовленности к такой сложной проблеме, с другой?!

Для того, чтобы всесторонне проанализировать источники конфликта, необходима сравнительная картина разных регионов Северного Кавказа по базовым социально-демографическим и экономическим показателям в докризисный период. Среди них: соотношение городского и сельского населения и его изменения; наличие перенаселенности и (скрытой) безработицы; возрастная структура населения; изменение национального состава (особенно отток русскоязычного населения до начала 90-х годов); особенности занятости и образовательный уровень в областях, краях и республиках Северного Кавказа.

Существуют данные, которые позволяют провести сравнение состояния регионов Северного Кавказа в десятилетие до начала “первой чеченской войны” и выявить социально-демографические факторы риска². Это те конфликтогенные факторы, природа которых лежит вне политики и истории. Они представлены долговременными тенденциями.

Конечно, при возникновении конфликта всегда играет роль и то, и другое. Как известно, социально-демографические проблемы, в конце концов, имеют как следствие политическую активность населения.

Как правило, речь идет о трудоспособном населении (особенно молоде-

жи), полноценно не востребованном в экономической сфере. Чем больше удельный вес такого населения, тем больше вероятность неприятностей, связанных с его политизацией. Соответственно, тем труднее вернуться к отправной точке в том случае, если такая политизация уже произошла.

С другой стороны, известно, что патриархальные традиции гораздо лучше консервируются в сельской среде, чем в городской. Поначалу красноречивые апелляции к "устоям" имеют намного больше шансов на успех там, где преобладают сельские жители. Это особенно действует, если образовательный уровень населения сравнительно низкий.

Наконец, обращение к национальному самосознанию заведомо будет иметь больший резонанс там, где больше представителей коренной национальности. Националистические призывы могут оказаться особенно "эффективными", если в обществе ярко выражены идеологические тенденции противостояния – "мы" и "они". В качестве противовеса разрушительной идеологии обычно выступает необходимость вместе "вариться" и выживать в пестром многонациональном "котле"*. Идеологические и правовые компоненты составляют важную, но далеко не единственную часть стабилизационных опор многонационального социума.

Все это говорит в пользу серьезного отношения к экономико-демографической канве событий на Северном Кавказе в 90-х годах.

Применительно к Чечне здесь вырисовывается "особый статус" по кон-

фликтогенности. В совокупности с уникальным историческим прошлым, этнографическими особенностями и политическими ошибками Центра это дало результат по принципу: "где тонко, там и рвется".

Не стоит забывать, что горные селения Чечни и Дагестана были основным очагом сопротивления завоеванию Российской империи в восточной части Северного Кавказа в XIX в. В отличие от племен западных адыге, оказавших ожесточенное сопротивление на западе Северного Кавказа, чеченцам удалось сохранить свою территорию и население после поражения "горцев" в Кавказской войне.

Вынужденное переселение в Турцию в 60-е годы XIX в. – махаджирство, конечно, включало представителей чеченского народа. Однако они были сравнительно малочисленны среди махаджиров. (Масштабы эмиграции адыге оцениваются историками от 400 до 700 тыс. чел.). Некоторые из переселенцев вернулись на родину еще в царское время из-за тяжелых условий, в которых они оказались в новой турецкой "отчизне".

Численность, соотношение городского и сельского населения и национальный состав в республиках и областях Северного Кавказа в 1979–1987 гг. приведено в табл. 1–3.

Эти данные по национальному составу населения регионов и географическому распределению этносов Северного Кавказа в конце 80-х годов, показывают, что народами, основная часть которых проживала в пределах одной республики Северного Кавказа были чеченцы (больше 80% – в Чечено-Ингушетии, около 6% – в Дагестане), народы Дагестана (лакцы, даргинцы, кумыки, аварцы табасараны и рутульцы, больше 80% которых жило в Дагестане); кабардинцы, карачаевцы, балкарцы (больше 80% проживало в соответствующих

* Американцы обычно называют это "melting pot" (плавильный котел). Григорьева Ю.Г. Федеративный опыт Канады и США // Российский федерализм в международной перспективе. М.: МГИМО, 2001.

Таблица 1

Городское и сельское население в 1987 г.*

Территория	Население				всего = 100%, в том числе:
	Всего, тыс. чел.	в том числе:			
		городское	сельское	городское	сельское
Северный Кавказ	16473	9485	6988	57,6	42,4
Краснодарский край, в том числе Адыгейская АО	5051	2725	2326	54	46
Ставропольский край, в том числе Карачаево-Черкесская АО	2778	1474	1304	53,1	46,9
Ростовская область	4290	3076	1214	71,7	28,3
Дагестанская АССР	1768	782	986	44,2	55,8
Кабардино-Балкарская АССР	732	450	282	61,4	38,6
Северо-Осетинская АССР	619	448	171	72,4	27,6
Чечено-Ингушская АССР	1235	530	705	42,9	57,1

Примечание. Табл.1 и 2 составлены по материалам работы Ю.В. Смейле, базирующейся на результатах Всесоюзной переписи и местных источниках².

республиках), адыгейцы (около 80% – в Адыгее, почти вся оставшаяся часть – в Краснодарском крае), черкесы (приблизительно 74% – в Карачаево-Черкессии, чуть больше 10% – в Краснодарском крае и Ставрополье), абазины (около 80% – в Карачаево-Черкессии, и около 6% – в Ставрополье). Немного больше 70% ингушей проживало в Ингушетии, около 10% – в Северной Осетии.

ТERRITORIALLY разрозненными народами были (и остаются) лезгины, осетины, таты и цахуры. (Больше 40% лезгин проживало в 80-е в Азербайджане, а около половины – в Дагестане; около 30% осетин – в Южной Осетии и непосредственно в Грузии, больше 55% – в Северной Осетии; приблизительно 49% татов (народ иранского происхождения, горские евреи) и больше 60% цахуров жили в Азербайджане, остальные таты и цахуры – преимущественно в Дагестане.

Эти статистические данные показывают, что чеченцы в 80-е годы являлись единственным народом Северного Кавказа, объединяющим три важных социально-демографических признака:

во-первых, они, вместе с ближайшими этническими родственниками – ингушами, занимали на Северном Кавказе собственную территорию со статусом национально-территориального образования. Важно, что это историческая территория была даже расширена, но кардинально не изменена в царское и советское время. (В этом – большое отличие от исторической судьбы западных адыге: те из них, кто не покинул родину из-за нежелания выполнять указания о переселении “с гор”, были в основном переведены на другие места проживания в пределах Прикубанья).

Таблица 2

Национальный состав населения регионов Северного Кавказа в 1979 г.²

Территория	Всего, тыс. чел.	Численность, тыс. чел., (% от численности населения региона)
Адыгейская АО	404	РУССКИЕ – 286 (70,6 %); украинцы – 12 (3%); армяне – 6 (1,6%); адыгейцы – 86 (21,4%)
Карачаево-Черкесская АО	367	РУССКИЕ – 165 (45,1 %); черкесы – 34 (9,4%); ногайцы – 12 (3,2%); осетины – 4 (1%); карачаевцы – 109 (29,7%); абазины – 24 (6,6%); украинцы – 5 (1,2%)
Кабардино-Балкарская АССР	667	КАБАРДИНЦЫ – 304 (45,5 %); балкарцы – 60 (9%); осетины – 10 (1,5%); украинцы – 12 (1,8%); русские – 234 (35,1%); немцы – 10 (1,5%)
Северо-Осетинская АССР	592	ОСЕТИНЫ – 299 (50,5 %); ингуши – 29 (4%); грузины – 11 (1,9%); кумыки – 8 (1,3%); русские – 201 (33,9%); армяне – 13 (2,2%); украинцы – 11 (1,8%)
Дагестанская АССР	1628	АВАРЦЫ – 419 (25,8 %); лезгины – 189 (11,5%); азербайджанцы – 65 (4%); рутульцы – 14 (0,9%); лакцы – 83 (5,1%); даргинцы – 247 (15,2%); агулы – 11 (0,7%); чеченцы – 49 (3%); табасараны – 72 (4,4%); таты – 7 (0,5%); кумыки – 202 (12,4%); ногайцы – 25 (1,5%); цахуры – 5 (0,3%); русские – 189 (11,6%); евреи – 19 (1,2%)
Чечено-Ингушская АССР	1156	ЧЕЧЕНЦЫ – 611 (52,9 %); армяне – 15 (1,3%); ногайцы – 6 (0,5%); лакцы – 1 (0,1%); русские – 336 (29,1%); украинцы – 12 (1%); аварцы – 5 (0,4%); кумыки – 8 (0,7%); ингуши – 135 (11,6%); даргинцы – 1 (0,1%)

Условные обозначения:

Прописными буквами – самая многочисленная народность,

Выделено – коренные национальности региона,

Выделено (**52,9**) – народы, удельный вес которых превышает 50% населения в регионе.

В Краснодарском крае (куда входила Адыгейская АО): население, всего – 4744 тыс. чел., в том числе русские – 4159 тыс. (87,7%), украинцы – 169 (3,6%), адыгейцы – 103 (2,2%), белорусы – 32 (0,7%), татары – 26 (0,6%), немцы – 24 (0,5%), греки – 23 (0,5%).

В Ставропольском крае (куда входила Карачаево-Черкесская АО): население, всего – 2497 тыс. чел., в том числе русские – 2033 тыс. (81,4%), карачаевцы – 121 (4,8%), украинцы – 57 (2,3%), армяне – 41 (1,6%), черкесы – 36 (1,4%), абазины – 26 (1,1%), ногайцы – 25 (1%), греки – 22 (0,9%), даргинцы – 16 (0,6%), белорусы – 14 (0,5%), татары – 10 (0,4%), осетины – 8 (0,3%).

В Ростовской области: население, всего – 4079 тыс. чел., в том числе русские – 3707 тыс. (90,9%), украинцы – 157 (3,8%), армяне – 57 (1,4%), белорусы – 36 (0,9%), татары – 17 (0,4%), евреи – 15 (0,4%).

Таблица 3

Географическое распределение этносов

Нацио- нальность	Общая числен- ность, тыс. чел.	Распределение, %
ЧЕЧЕНЦЫ	756	Чечено-Ингушетия – 80,8 , Дагестан – 6,5
Осетины	542	Северная Осетия – 55,2; Южная Осетия – 12; Грузия – 17,6
АВАРЦЫ	483	Дагестан – 86,7 ; Азербайджан – 7,5
Лезгины	383	Дагестан – 49,3; Азербайджан – 41,3; Казахстан – 2,6; Туркмения – 2
КАБАРДИНЦЫ	322	Кабардино-Балкария – 94,4
ДАРГИНЦЫ	287	Дагестан – 86,1 ; Ставропольский край – 5,5; Калмыкия – 3
КУМЫКИ	228	Дагестан – 88,6 ; Чечено-Ингушетия – 3,5; Северная Осе- тия – 3,3
ИНГУШИ	186	Чечено-Ингушетия – 72,6; Северная Осетия – 12,7
КАРАЧАЕВЦЫ	131	Карачаево-Черкессия – 83,2
АДЫГЕЙЦЫ	104	Адыгея – 78,9 ; Краснодарский край – 15,3
ЛАКЦЫ	100	Дагестан – 83 ; Узбекистан – 2
ТАБАСАРАНЫ	75,2	Дагестан – 95
БАЛКАРЦЫ	66,3	Кабардино-Балкария – 90,5
Ногайцы	59,5	Дагестан – 42; Ставропольский край – 41,7; Чечено-Ингу- шетия – 10,3
ЧЕРКЕСЫ	45,6	Карачаево-Черкессия – 74; Краснодарский край – 7,5; Ставропольский край – 3,5
АБАЗИНЫ	29,5	Карачаево-Черкессия – 82 ; Ставропольский край – 6,7
Таты*	22,4	Азербайджан – 39,3; Дагестан – 33
РУТУЛЬЦЫ	15	Дагестан – 95
Цахуры*	13,5	Азербайджан – 63; Дагестан – 34
АГУЛЫ	12,1	Дагестан – 95

Условные обозначения:

Выделено (**86,1**) – на территории проживает около или больше 80% этноса.

Прописными буквами (АВАРЦЫ) – основная часть этноса проживает на территории одной республики на Северном Кавказе.

Отмечено (таты*) – большая часть представителей этноса живет вне пределов Северного Кавказа.
Курсивом (балкарцы) – ареал проживания этноса в основном в пределах Северного Кавказа.

во-вторых, в конце 80-годов чеченцы обладали максимальной численностью по сравнению с другими коренными северокавказскими народами;

в-третьих, они имели компактный ареал расселения, сосредоточившись почти полностью в пределах собственной республики.

Сравнение народов и регионов Северного Кавказа по основным социально-демографическим показателям свидетельствует, что Чечня, Ингушетия (тогда ЧИР) и Дагестан образовывали на Северном Кавказе особый анклав как в историческом, так и в социально-демографическом отношении. Помимо перечисленных выше особенностей, это касалось и таких немаловажных “показателей”, как удельный

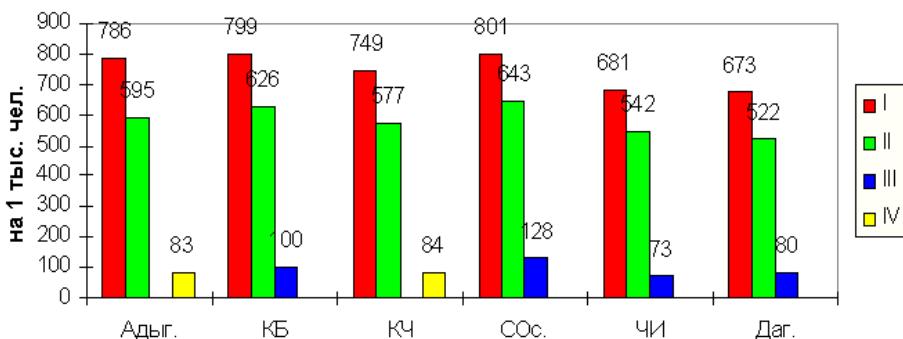
вес сельского населения, уровень образования и баланс трудовых ресурсов.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. Сельское население резко преобладало над городским. При этом до конца сохраняется (Чечня) или сохраняется до начала 80-х годов, (Дагестан) тенденция роста численности сельских жителей.

В Дагестане численность сельского населения стабильно увеличивалась до 1979 г., а небольшое уменьшение произошло лишь в 1987 г.

В Чечено-Ингушетии в течение 1979–1987 гг. число сельских жителей увеличилось на 42 тыс.².

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ. Для всего Северного Кавказа характерен низкий образовательный уровень, распространено начальное образование (Рис. 1).

Условные обозначения:

I – имеющие полное или неполное среднее образование на 1 тыс. занятых в экономике;

II – имеющие полное или неполное среднее образование на 1 тыс. населения в возрасте старше 10 лет;

III – имеющие высшее образование на 1 тыс. чел.;

IV – имеющие высшее образование, но данные представлены в целом по краю, а не по национальному образованию (Адыгейская АО была в составе Краснодарского края, Карачаево-Черкесская АО – Ставропольского).

Рис. 1. Уровень образования по данным 1975 г.

В 1979 г. русским языком владело от 60 до 80% коренного населения*.

Наиболее высокий уровень образованности был в Северной Осетии и Кабардино-Балкарии (по количеству имеющих высшее и среднее образование).

По количеству жителей, получивших высшее образование, была Северная Осетия, опережая Краснодарский, Ставропольский края и Ростовскую область, где 80–90% населения составляли русские.

В Дагестане и Чечено-Ингушетии, наоборот, наблюдался самый низкий образовательный уровень населения по сравнению с другими регионами Северного Кавказа (и здесь было меньше всего русских).

СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ. Наблюдается самый значительный избыток трудовых ресурсов по сравнению с предложением рабочих мест. Именно в Чечне и Ингушетии констатировалось самое интенсивное “отходничество” на заработки в другие регионы**.

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ. К 1970 г. складывается так называемая “прогрессивная структура” населения (воспроизводство населения превышает убыль). Это означало большой удельный вес жителей трудоспособного возраста в недалеком будущем.

СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ. В промышленности было занято всего около 20% жителей, а большинство занято в сельском хозяйстве.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР СЕМЬИ. В регионе были самые большие семьи, особенно в сельской местности***.

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС РУССКОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ. Наименьший удельный вес русского и русскоязычного населения по всему Северному Кавказу был в Чечено-Ингушетии – около 30% и в Дагестане – около 12% (1979 г.).

Если брать последний признак, то примерно в том же ряду стояли накануне распада СССР и Кабардино-Балкарья, и Северная Осетия.

В Кабардино-Балкарии доля русского населения в этот период составляла 35,1% (вторая по численности этническая группа после кабардинцев). В Северной Осетии в 1979 г. было 33,9% русских – то есть приблизительно на 20% меньше, чем осетин (табл. 3).

Итак, в начале 80-х годов в Северной Осетии доля русского населения была лишь на несколько процентов больше, чем в Чечено-Ингушетии.

Однако Северная Осетия резко отличалась по иным социально-демографическим параметрам.

* В 1979 г. свободно владело русским 62,6% представителей народностей Дагестана, 77,3% чеченцев, 71,5% осетин, 78,7% кабардинцев, 82,1% ингушей, 77,5% карачаевцев, 80,9% адыгейцев, 80,1% балкарцев, 75,5% черкесов, 78,8% абазин.

** “По степени обеспеченности рабочей силой Северо-кавказский экономический регион делится на две зоны: первая – труднодостаточная – включает Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края, Северную Осетию, вторая зона – трудозбыточная – охватывает Чечено-Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию...

Большое развитие получило так называемое «отходничество» избыточной рабочей силы в другие регионы из национальных автономий, главным образом из Чечено-Ингушетии”².

*** Данные по 1979 г.: средний размер семьи в Адыгейской АО – 3,3 (в целом по Краснодарскому краю – 3,2), в Карачаево-Черкесии – 3,7 (в целом по Ставрополью – 3,3); в Кабардино-Балкарии – 3,9; в Северной Осетии – 3,8; в Чечено-Ингушетии – 4,4; Дагестане – 4,6. В Чечено-Ингушетии наблюдалась самая большая разница в размере сельской и городской семьи. (Дагестан – разница 19%, Северная Осетия – 19%, Кабардино-Балкарья – 25%, Чечено-Ингушетия – 30%; в Краснодарском, Ставропольском краях и Ростовской области размер сельских и городских семей в целом был приблизительно одинаковым.

Республика значительно выделялась среди других регионов Северного Кавказа по соотношению городского и сельского населения, образовательному уровню и числу работающих в промышленности.

В 1987 г. доля городских жителей и людей с высшим образованием в республике, как и число занятых в промышленности были даже выше, чем в Краснодарском крае, Ставрополье и в Ростовской области, где, естественно, преобладали русскоговорящие жители.

Если брать еще один потенциальный вектор конфликтности – “лишние” рабочие руки, то к республикам, отягощенным “трудоизбыточным” населением относилась, наряду с ЧИР и Дагестаном, Кабардино-Балкарская, где демографическая структура в 1970 г. также предполагала довольно высокий удельный вес трудоспособных жителей в обозримом будущем, то есть вхождением в 80-е годы в “трудоизбыточную зону”: предложение рабочей силы превышает спрос. Но, как уже говорилось, на первом месте по данному показателю, который означает опасную социально-демографическую ситуацию (стоит только умело “поднести спичку”), уже тогда стояли Чечено-Ингушетия и Дагестан.

Таким образом, еще в конце 80-х годов было ясно потенциальное направление социально-экономического “взрыва” на Северном Кавказе: Чечено-Ингушетия – Дагестан – Кабардино-Балкарская.

В сочетании с историей “кавказского завоевания” России, которое, по историческим меркам, было совсем недавно (в XIX столетии), это должно было давать более чем серьезные поводы для беспокойства. Ведь эпицентром противостояния в XIX в. являлись именно горные территории Чечни и Дагестана.

Феномен исторической памяти народов, безусловно, существует.

Об этом красноречиво свидетельствует современная история Балкан, где, несмотря на в целом сравнительно благополучные социально-экономические условия, национализм оказался “кошмарной картой”, способной, при умелой “подаче”, развалить югославское государство.

Однако такое сочетание, как независимость в историческом прошлом и затянувшиеся тяжелые социально-экономические проблемы в настоящем представляет собой еще более взрывоопасный вариант.

Югославский опыт показывает, что и там, где федерализм не подтачивается исподволь постоянными социально-экономическими “провалами”, но имеет драматическое, выполненное взаимных обид историческое прошлое, он становится легкой добычей национализма.

“Реанимация” исторических обид в сознании народов на удивление легко сметает кропотливо создававшееся десятилетиями здание федеративного государства. Вероятность такого исхода возрастает, если этому “дают фору” внешние заинтересованные стороны.

Тем большего внимания заслуживают чисто внутренние источники эскалации напряженности, разъедающие “фундамент” федерации и без помощи внешних сил.

“Племена” горной Чечни и Дагестана, как и западные адыги, обладали реальной независимостью до Кавказской войны Российской империи XIX в. Остальные коренные жители Северного Кавказа тоже пользовались сравнительной независимостью, хотя периодически вступали в контакты с соседними государствами.

Как однажды заявил один из дагестанских правителей (кумыкский шамхал) турецкому послу, что он не хочет служить

"ни турскому, ни московскому царю", а хочет жить сам по себе³.

После присоединения территории Северного Кавказа за Кубанью и Тереком к России часть северокавказских народов и особенно правителей проявили заинтересованность в покровительстве Российской империи перед лицом угрозы персидского вторжения в начале XIX в., как и в борьбе с соседями за удобные равнинные земли.

В то же время методы первого кавказского наместника генерала А.П. Ер-

молова (1817–1825 гг.) вызвали у некоторых "племен", особенно у чеченцев, ожесточенное сопротивление (эти меры включали насилиственное переселение с ряда территорий в военно-стратегических целях⁴).

Как считают историки, во многом благодаря тому, что у "горцев" северо-восточного Кавказа появился в 30-е годы XIX в. сильный лидер – имам Шамиль, Кавказская война затянулась на четыре десятилетия (1817–1861 гг.)⁵.

Исторические зоны сравнительно недавнего военного противостояния представляют собой слабые места любого федеративного устройства. Поэтому они требуют особого внимания и осторожного подхода и в спокойные, и, тем более, в переломные времена существования государства.

Они также требуют дорогостоящих экономических усилий.

Положение в республиках Северного Кавказа до сих пор гораздо хуже, чем в других регионах страны (валовый продукт на душу населения ниже среднероссийского уровня в 3–8 раз; наблюдается самый высокий уровень безработицы; доля "безвозмездных перечислений в доходах региональных бюджетов" в 2005 г. составляла около 74%⁶).

Созданная в сентябре 2006 г. Комиссия по вопросам улучшения социально-экономического положения в Южном федеральном округе и Федеральная целевая программа "Юг России" на 2008–2014 гг. были призваны улучшить эту опасную ситуацию⁶.

Однако пока весьма неутешительная статистика сохраняется.

Примечания

¹ Музаева Т. Чеченская республика. Органы власти и политические силы. М.: Панорама, 1995; *Gall C.C. & Waal Th. de. Chechnya: A Small Victorious War*. London. Pan Books, 1997.

² Смейле Ю.В. Население Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1988. С. 24, 25, 8, 17, 30, 31, 19, 25.

³ Кущева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVIII в.). М., 1963. С. 269–271.

⁴ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М.: Европа, 2006. С. 17; Очерки по истории Чечено-Ингушской АССР / Под ред. Н.А. Смирнова. Грозный, 1967.

⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, правитель, воин. М., 2001.

⁶ Материалы V Международного экономического форума "Кубань-2006" (28.09–01.10.2006). Сочи. 05–11.10.2006.

Латвия: этнополитическая напряженность

Диана Сазонова

В Латвии переломная точка в отношениях государства и этнических групп наступила в конце 80-х – начале 90-х годов, когда после обретения независимости большое внимание уделялось определению статуса латышей и латышского языка. В результате проводимой этнополитики в стране резко изменился и статус латышей как этнической группы, и статус русских и русскоговорящих жителей. Это обусловила, во-первых, проводимая Латвией языковая политика, согласно которой единственным государственным языком был объявлен латышский, а также политика в области гражданства, в соответствии с которой латыши получили гражданство автоматически, а большей части русских и русскоязычных жителей Латвии было предложено получить гражданство путем натурализации.

В случае с Латвией важно и то, что после обретения независимости в 1991 г. произошла смена иерархии социолингвистических групп. Этот процесс оказывает влияние на формирование этнических отношений и стратегии ослабления этнополитической напряженности.

Исторически Латвии был отведен не- большой период государственности, страна была фактически независимой несколько лет – с 1918 г. по 1940 г.

До 1198 г., территория страны принадлежала тем, кто дал основу латышскому этносу, то есть балтийским и угорским народам.

Затем начались крестовые походы.

В 1201 г. Епископ Альберт откупил территорию современного центра Риги у местных племен и заложил город, который вошел в состав Ливонского государства.

В XVI в. начался передел Европы, и соседи разделили территорию Ливонского государства.

В 1610 г. в Латвию пришли поляки, пробыв на ее территории примерно 60 лет до начала польско-шведской войны.

Затем место поляков заняли шведы, которые пробыли на территории Латвии 90 лет.

В 1710 г., во время правления Петра I Латвия вошла в состав Российской империи, и только Первая мировая война дала латышам независимость¹.

Серьезным фактором, формирующим восприятие истории, является то, что право на национальное самоопределение латыши получили только в XX в.

Даже сегодня латыши ощущают себя меньшинством в собственной стране и идентифицируют себя с жертвами истории. Сам ход истории, в особенности период пребывания в составе Советского Союза вызвал в латышах неуверенность в сохранении собственной идентичности и сформировал негативное отношение не только к русскоговорящим, но и к другим этническим группам.

Декларация независимости 4 мая 1991 г., распад Советского Союза и обретение независимости в 1991 г. для большинства латышей означали возвращение родины, а для многих русских и russkogоворящих в странах Балтии – ее потерю. В политическом и юридическом плане russkogоязычные стали чужаками в стране проживания. После распада Советского Союза не стало оснований для существования понятий “советский народ”, в то время как многие russkogоворящие идентифицировали (и до сих пор идентифицируют) себя с советскими людьми, что обусловило соответствующее восприятие ими истории. Для латышей (особенно тех, кто ходил в советские школы) советское прошлое нередко было важной частью для формирования собственной идентичности. Неоднозначная трактовка некоторых вопросов истории оказывает существенное влияние на этнополитическую ситуацию в стране.

Развитие латвийского общества тормозят различия в понимании и трактовке исторических событий. Драматические события в истории Латвии XX в. манипуляции ими в пропагандистских целях и сегодня порождают проблемы, которые имеют влияние на этнополитическую ситуацию в стране.

В современном латвийском обществе история воспринимается в черно-белом цвете. При этом многие латыши и russkogие считают, что “официальная линия” – это этноцентристская трактовка истории, которая появилась в конце 80-х – начале 90-х годов. Негативное отношение к такой трактовке исторических событий испытывают как russkogоязычные, так и часть латышей (чья семейная история не укладывается в ныне “установленные” исторические рамки). Однако важнейшей причиной этнической враждебности остается отождествление истории XX в. с russ-

скими жителями Латвии. Часть латышей во всем обвиняют исключительно russkogих и одновременно считают латышский народ жертвой. Russkogоязычные жители Латвии, в свою очередь, в большей мере полагают, что таково мнение всех латышей.

Понятие “оккупация” в его современном звучании берет начало в июне 1988 г., когда Маврик Вульфсон, известный политик, профессор, впервые поднял вопрос о пакте Риббентропа-Молотова и секретных протоколах и публично заявил, что в 1940 г. Советский Союз незаконно оккупировал Латвию.

Понятие “оккупация” обусловило движение к восстановлению национальной независимости и стало поэтому серьезным орудием политической борьбы. По мере вхождения этого понятия в политический оборот развивались идеи восстановления дооккупационного статуса кво и требование предоставить латвийское гражданство только гражданам Латвийской республики и их прямым потомкам.

На передний план вышла проблема определения: кто есть оккупант и кто виноват в “оккупации”?

На демонстрациях и в публикациях оккупантами называют всех russkogих. Особенно болезненно это было для тех russkogих, чьи семьи издавна жили в Латвии, а сами они были гражданами еще Латвийской республики или их потомками. Понятие “оккупация” – одно из самых проблематичных в современной Латвии.

В Латвии был открыт музей оккупации, посещение которого вошло в программу визита Королевы Великобритании (17 октября 2006 г.).

Неразрешимость отдельных вопросов общей истории Латвии и России разделяет общество и по-прежнему используется как орудие политической борьбы. Официальные лица Латвии

упорно повторяют, что Россия должна признать факт оккупации, чтобы отношения двух стран потеплели. Стремление переложить ответственность на противоположную сторону, нежелание признавать собственные ошибки, недостаток научно обоснованных исследований – все это препятствует формированию объективного взгляда на политическую ситуацию в Латвии.

Политика президента Латвии Вайры Вике – Фрейберги получила много нелестных отзывов со стороны России и некоторых европейских “соседей”, создавая имидж Латвии как маленькой, самостоятельной, но скандальной страны.

Для россиян Латвия превратилась из страны, где есть Домский собор, фестиваль в Юрмале в обитель зла, где закрывают русские школы и всемирно чествуют ветеранов СС.

Согласно опросу, проведенному в мае 2005 г. Центром Юрия Левады, 49% россиян в то время считали Латвию главным врагом России².

Латвийский бизнес отстраняется от национальных, языковых и гражданских проблем.

На долю малого бизнеса в стране, по данным президента Конфедерации малых и средних предприятий Эрика Розенцвейга, приходится 65% ВВП и почти три четверти рабочих мест, в основном, в сфере услуг и торговли.

В 2005 г. Латвия занимала последние места по уровню развития экономики среди стран ЕС, однако, уже в следующем году Латвия обошла Польшу, а после вступления Болгарии и Румынии, поднялась сразу на два пункта вверх.

Латвия выбрала модель *открытой экономики*, допустив на свой рынок западный капитал.

Экономика “подпитывается” миллиардами ЕС и масштабными инвестициями частных компаний практически во все отрасли.

Однако, по словам профессора экономики Академии наук Латвии Райты Карните, “у Латвии нет экономической независимости, на базе зависимых предприятий экономической независимости не бывает”³.

Основные демографические процессы: старение населения, смертность, а также массовая миграция в ЕС – усложняют экономическую ситуацию в стране. Люди, получившие паспорт ЕС, обрели возможность работать в Великобритании, Швеции, Финляндии. Те, кто работает за пределами Латвии, привозят в страну свыше 300 млн. латов, эти суммы подстегивают инфляцию. Потенциально слабые места латвийской экономики: инфляция – 9,5% на июль 2007 г., максимально высокий показатель среди стран ЕС; высокий дефицит текущего счета; угроза “перегрева” экономики – сдерживают переход страны в еврозону, который был назначен на 2007 г., но отложен до 2013 г.

По мнению главы аналитической группы по суверенным рейтингам агентства *Fitch Ratings* Дэвида Хеслама, “позитивный эффект, который потенциальное членство Латвии в еврозоне оказывает на госфинансы, уменьшился”⁴.

Главной проблемой российско-латвийских отношений сегодня является положение русского и русскоговорящего населения.

В момент обретения независимости в Латвии проживало более 900 тыс. русских и 1 млн. 122 тыс. русскоговорящих (34% населения).

Большое число постоянно живущих там русских лишено права участия в выборах. Темпы натурализации русскоязычного населения не увеличиваются, а падают.

Только в Латвии количество неграждан (выходцев из России и других бывших советских республик) составляет 22% – около 500 тыс. чел.

Не устраниены различия в социальных правах, запреты на профессии для неграждан. Серьезное беспокойство вызывает свертывание преподавания на русском языке.

В 1999 г. был закрыт последний латвийский вуз с обучением на русском. Сокращается число русскоязычных школ и предметов, которые преподаются по-русски. Этот процесс представляется необратимым.

В исследовании "Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски путей разрешения конфликта", проведенном Балтийским институтом социальных наук, утверждается, что в Латвии этническая напряженность проявляется как лингвистический конфликт⁵.

Действительно, проблема русского языка в Латвии является одним из факторов этнополитической напряженности.

"Главная и единственная цель происходящей замены русского языка в процессе полного перехода на латышский – политическая: укрепить позиции латышского языка за счет других языков. Перевод школ на обучение только на латышском языке – средство усиления такого национального государства, каким его хочет видеть правящая элита", считает И.Пименов – председатель правления Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР)⁶.

Согласно исследованию, проведенному Балтийским институтом социальных наук, в отношении двуязычного образования существуют диаметрально противоположные точки зрения. Взгляды партий правящей коалиции противоположны взглядам партий, защищающих права национальных меньшинств. Первые недовольны медленным, как им кажется, ходом реформы и рекомендуют не отступать от записанных в законодательстве норм об обучении с 2004 г. в основном на латышском языке.

Оппоненты резко критируют такую позицию.

Данные опроса свидетельствуют о том, что переход средних школ с 2004 г. в основном на латышский язык обучения поддерживают 41% школьников, 42% – родителей и 50% директоров школ⁷.

Такое мнение обусловлено недостаточной подготовленностью школ, слабым знанием учителями латышского языка и методик двуязычного образования, нехваткой учебных пособий.

Отрицательное влияние на знание родного языка оказывают изменения, внесенные в учебные программы.

Основной причиной этнополитической напряженности в Латвии является несогласие по вопросам этнополитики, а именно недовольство нелатышей проводимой государством этнополитикой. С точки зрения анализа динамики этнополитических конфликтов, в Латвии имеют место признаки статусного институционального конфликта.

По мнению, специалиста в области этнополитической конфликтологии А.Р.Акляева, в этих конфликтах "непременно присутствует этнический фактор", и мобилизация идет по этническому принципу⁸.

Сегодня в Латвии этнополитическая напряженность находится в "стадии конкуренции", для которой характерен конкурирующий конфликт отношений между латышами и русскоязычными. Произойдет ли эскалация конфликта и перерастет ли он в "стадию прямого конфликта", когда направленные на сотрудничество отношения рушатся, и с обеих сторон институализируются конфликтные отношения, в наибольшей мере, определит именно поведение политической элиты – то, в какой степени политическая элита будет эксплуатировать этнические вопросы.

Следует отметить, что при определенных условиях – например, если в одной или другой группе ощущение эт-

нической угрозы существенно усиливается – в Латвии возможно обострение конфликта и возникновение этнополитического кризиса.

Среди факторов, которые снижают вероятность такого сценария – то, что в Латвии этническая напряженность проявляется как лингвистический конфликт, который зачастую не способствует дальнейшей его эскалации. Однако фактором обострения напряженности этнополитической ситуации является поляризация взглядов латышей и русскоязычных на государственную этнополитику, которая отражает восприятие и формирование отношений к власти у обеих языковых групп.

Согласно результатам некоторых социологических исследований, проведенных известным этнографом профессором Илзе Апине в 1998–2004 гг., а также по данным статистики и работам других исследователей, изданных в Латвии и за рубежом, можно выдвинуть предположение, что в независимой Латвии начался процесс формирования новой идентичности русского населения на фоне сложной этнополитической ситуации.

Русские – самая крупная этническая группа в составе населения после латышей. Меньшинство русских составляют потомки старожилов, большинство – переселившиеся после войны.

“Русское присутствие” на территории Латвии – древнее, но до конца XVII в. статистически незначительное. По мере прибытия гонимых на родине староверов стали возникать островки русских крестьянских поселений.

В XVIII в., когда Латвия вошла в состав Российской империи, начала складываться своя, местная русская культурная среда.

В период независимости после Первой мировой войны в Латвийской республике проживало 210 тыс. русских. Местное русское население затем было поглощено потоком советской миграции 1950–1980 гг.

Сложился социальный облик русского жителя крупных городов, тесно связанного с промышленным производством.

Характер взаимоотношений латышского и русского населения в независимой Латвии был относительно мирным, без острых конфликтов⁹.

После 90-х годов было издано много статей и трудов в России, на Западе и в Латвии, посвященных психологическому шоку и ломке сознания русских, оказавшихся после распада СССР, с резко изменившимся статусом в новых национальных государствах.

Известный латвийский политолог Э. Вебер считал, что “у русских полностью пропала собственная идентичность”¹⁰.

Противоположной точки зрения придерживается И. Апине, по ее мнению, у русских идентичность “вызревает”. У них происходит дистанцирование от перипетий в России, врастание в местную среду с ее образом жизни.

Однако процесс вызревания новой идентичности и одновременно интегрирование в латвийское общество тормозят объективные внутренние политические и экономические причины.

Русских и латышей разделяют не только этнические особенности или специфика культуры, сколько 5–6 вопросов политической истории, связанные с оценкой последствий советского периода в Латвии.

Свою роль играют также психологические комплексы русских, сложившиеся уже в постсоветское время, а также особенности характера и образа жизни, унаследованные от прежних поколений. Идентичность “мы” тормозит интеграцию. Вместо того чтобы искать индивидуальные пути для себя, прилагать личные усилия для быстрейшей натурализации, в русской среде можно встретиться с намерением ждать, когда появятся для всех какие-то послабления в законе о гражданстве. Ориентация на справедливость, а не на законы

порождает стремление оспаривать законы, а не строить свою жизнь соответственно этим законам.

Обе части латвийского общества – и латыши, и русские в 90-е годы, преодолевали каждая свой тип кризиса идентичности. Общим для всех стало приспособление к рыночной экономике и другим реалиям капитализма.

Латыши, испытывают комплекс малых народов и с трудом преодолевают самоощущение меньшинства на собственной исторической родине и тревогу за будущее латышского языка.

Русские, считая несправедливыми законы о гражданстве и государственном языке, испытывают отчуждение от государственных структур.

Признавая, что для этих психологических комплексов есть реальные причины, необходимо подчеркнуть, что ситуация в XXI в. меняется, а комплексы остаются на уровне 90-х годов. В Латвии отчасти вина ложится на состояние общества, а также на журналистику. Газеты на обоих языках любят тиражировать негативные явления. В результате негативные стереотипы закрепляются, и сохраняется состояние тревоги в обществе.

В условиях глобализации, увеличения миграционных потоков расширяется диапазон исследований проблем диаспоры во всем мире.

Американский ученый Давид Д.Лейтин, выступая на международной конференции (Рига, 2004 г.), сделал вывод о "декосмополитизации русских в Балтии и о том, что здесь складывается сильная русская диаспора со многими факторами поддержки".

Профессор Калифорнийского университета Роджерс Брубейкер выдвинул концепцию "национализма страны – родины", о том, что притязания и влияние этнической родины на своих соотечественников в стране проживания – постоянно действующий фактор¹¹.

Применительно к Латвии, влияние России нередко усиливает дух соперничества в русской среде, агрессию к стране проживания и не способствует интеграции.

Главным определяющим фактором в развитии идентичности, в конечном итоге, является выбор индивидуума и всей этнической группы.

Имеет смысл провести границу между понятиями "диаспора" (группа в рассеянии) и "национальное (этническое) меньшинство".

Диаспора психологически тяготеет к прежней родине, а национальное меньшинство интегрировано в страну пребывания и обретает новую идентичность.

Этот выбор стоит перед индивидуумом, а общий результат отражается на состоянии всей группы. Ведь речь идет о новой идентичности, а не о восстановлении той, которая была у русских старожилов в довоенную эпоху. Та идентичность ушла в небытие вместе с эпохой. У русской общины нет опыта и традиции полноценной интеграции в латвийское общество в современном понимании. Одновременно с внутренней интеграцией происходит и внешняя, связанная с вхождением страны в ЕС. Внутренний фактор, содействующий интеграции и помогающий вызреванию новой идентичности русских – система негосударственных, общественных организаций.

По выражению Валтерса Щербинского, профессора политологии Рижского университета им. Стадзиньша, в Латвии существуют два параллельных мира – русский и латышский. Однако, по мнению Роберта Сондерса, доцента Государственного университета Рутгерса (штат Нью-Джерси), на сегодняшний день появляется возможность говорить о расширении этих миров. Сейчас латвийское население в смысле гражданства весьма "разноцветное".

Есть и граждане латыши, и неграждане нелатыши, а также граждане нелатыши и неграждане латыши, хотя последние встречаются реже. При этом все группы могут быть представлены в одной семье. Латыши и русские существуют параллельно, что им не мешает иметь друзей другой национальности. В Латвии появляется, помимо “мира” латы-

шей и “мира” русских, “мир” глобалистов, представители которого не связывают свою этническую идентичность с характеристиками конкретной территории. В силу своего независимого от политики положения, представители “мира” глобалистов пользуются дивидендами открытой экономики и открытых границ в рамках ЕС¹².

Национальный вопрос в Латвии остается все же нерешенным. Каждое этническое сообщество имеет четыре пути развития:

- *первый* – полная ассимиляция,
- *второй* – автономия до полного разделения госфункций,
- *третий* – европейская модель: этническое происхождение не имеет значение; космополитизм, мультикультурализм.

В качестве альтернативы доктрине культурной ассимиляции и появилась идея мультикультурализма – признание индивидуальных прав граждан и прав этнических сообществ на поддержание культурной идентичности.

Известные теоретики мультикультурализма Ч.Тейлор, Б.Парекх рассматривали возможность существования групп и индивидуумов разной этнокультурной ориентации в рамках общей политической нации.

Мультикультурализм стал одной из самых дискуссионных концепций политической мысли середины XX в.¹³. Задача разработки этой концепции состояла в том, чтобы мультикультурализм действовал как механизм консолидации и мирного общеожития индивидуумов с различной этнической идентичностью.

Выше перечисленные модели сейчас испытывают определенный кризис, но есть *четвертый* путь – новая интегрированная диаспора: она принимает правила игры государства, где находится. В стране есть общее публичное пространство – законы государства, и оно общее для всех, кто проживает в стране. Это единый государственный язык, общее политическое пространство, вокруг вырастает мультикультурный комплекс – сферы культуры, частной жизни, сфера отношений в семье, и здесь может быть несколько путей построения идентичности.

Задача государства проста – между этническими сообществами не должно быть глухих стен, должен осуществляться культурный обмен, и если не допускать перекосов – сжатия публичного пространства или его экспансии в частную сферу наступает гармония.

На практике такая форма сосуществования может быть достигнута лишь в результате признания равенства этнических меньшинств в экономической, политической, культурной и образовательной сферах. Однако, на сегодняшний день эта установка противоречит интересам правящим кругам Латвии, а потому не реализуется и всячески тормозится, что приводит к этнополитической напряженности.

Примечания

¹ Сорочинская-Дуплате Х.И. Политический экстремизм в Латвии 1917–2000 гг. История и современность. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2001. С. 78.

- ² Денисова Д., Скрипников С. Витражное окно в Европу // Эксперт. 2006. 25–31 декабря.
- ³ Новости бизнеса. Рига. 2006. 20 ноября.
- ⁴ Коммерсантъ. 20.08.2007. № 148.
- ⁵ Etnopolitiska spriedze Latvija: konflikta risinajuma meklejumi. <http://www.dialog.lv>.
- ⁶ Телеграф. Рига. 24.01.2003. № 17.
- ⁷ Зепа Б. Анализ процесса внедрения билингвального образования. Рига, 2002. С. 4.
- ⁸ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М.: изд. Дело., 2005. С. 114.
- ⁹ Апине И. Изменение идентичности русских в Латвии // Социс. 2006. № 10. С. 66.
- ¹⁰ Integra cija un etnopolitika. E. Vebera. red. Riga – Jumava.2000.
- ¹¹ Brubaker R. Nationalism reframed. Nationhood and the National Question in New Europe. Cambridge University Press, 1996. P. 4–7.
- ¹² Сондерс Р. Новые русские в Латвии // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 173–174.
- ¹³ Семененко И.С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 10. С. 60.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Трагедия Ливана

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

Истоки

Тлеющий уже почти 60 лет опасный очаг ближневосточного конфликта летом 2006 г. дал новую вспышку ожесточенного вооруженного противоборства. На этот раз в Ливане. Спичкой, поднесенной к взрывоопасной смеси, годами копившейся в этой многострадальной, истерзанной многочисленными израильскими вторжениями, межконфессиональными конфликтами и терактами миниатюрной средиземноморской стране стала вооруженная вылазка шиитской Партии Аллаха ("Хизбулла"). В отечественной литературе бытует и несколько искаженная транскрипция – Хизбалла), когда были убиты 8 израильских военнослужащих, более 10 ранены и 2 взяты в плен.

В ответ 12 июля армия Израиля вторглась в Ливан, начав боевые действия на суше, в воздухе и на море.

Не снимая ответственности с шиитских радикалов за провоцирование очередного вооруженного противоборства с Израилем, опытный ближневосточный, бывший посол США в Сирии и Ливане Э.П.Джереджан достаточно верно определил его глубинную подоплеку: "Хизбулла" могла высечь искру, воспламенившую последние столкновения, но она не была коренной причиной. Схватка стала комбинированным результатом нерешенного арабо-израильского конфликта и борьбы между умеренными и экстремистскими силами мусуль-

манского мира – двух проблем, связанных между собой использованием радикалами арабо-израильского конфликта в собственных политических целях¹.

Справедливость суждения американского дипломата подтверждает хотя бы тот факт, что толчком к формированию при активном участии Ирана основной ударной антиизраильской силы в столкновениях 2006 г. – стала "Хизбулла", сформировавшаяся после очередной агрессии Израиля против Ливана в 1982 г.

Следует также иметь в виду, что боевые действия в этом мини-государстве вспыхнули на фоне широкомасштабной антипалестинской военной операции Тель-Авива в секторе Газа. Начиная их, руководители "Хизбуллы", судя по их отдельным высказываниям, намеревались, наряду с решением внутриполитических задач, надавить на израильтян, продемонстрировать солидарность и облегчить палестинцам бремя противоборства с общим врагом, добиться освобождения боевиков из израильских застенков.

Лидер "Хизбуллы" шейх Х.Насрулла позднее признался в выступлении по телевидению, что руководство его организации не ожидало столь неадекватной реакции Тель-Авива на в общем-то заурядный инцидент в буднях

арабо-израильского противостояния. В интервью кувейтской газете “Ар-Рай аль-Ам” (начало февраля 2007 г.) он сообщил, что похищение 2 израильских военнослужащих “Хизбула” совершила в надежде обменять их на ливанцев, томившихся в израильских тюрьмах.

В своей книге “Шестая война. Новая стратегическая среда” министр обороны Сирии Х.Туркумани отмечает, что вооруженная вылазка “Хизбуллы” была использована Тель-Авивом как предлог для решения двуединой задачи: взять реванш за прошлые неудачи и окончательно подчинить Ливан своему диктату; разоружить, дискредитировать, а в дальнейшем и ликвидировать “Хизбуллу” как главную угрозу безопасности Израиля.

США, по оценке сирийского министра, преследовали более далеко идущие цели: руками Израиля они стремились нанести удар по главным противникам их “демократизаторских” планов на Ближнем Востоке – Сирии и Ирану².

Весь ход событий в Ливане и вокруг него летом 2006 г. подтверждает обоснованность приведенных выводов.

Напомним основные вехи ливано-израильской конфронтации.

Впервые Израиль вторгся в Ливан в 1978 г. для защиты своего севера от прорасчивания и ударов боевиков. Под давлением администрации Дж.Картера Тель-Авив был вынужден ретироваться, создав на юге страны “зону безопасности” под контролем своих ставленников из числа ливанских коллаборационистов.

Израильское нашествие в гораздо более широких масштабах под названием “Мир Галилея” повторилось в 1982 г. Во время интервенции Бейрут подвергся бомбардировке, общее число жертв среди ливанцев и палестинцев превысило 20 тыс. чел.

На этот раз американское руководство во главе с Р.Рейганом предпочло вмешаться. В Ливан в миротворческих целях были направлены воинские контингенты США, Франции и Италии, которые, не только не

смогли урегулировать ситуацию, но и вызвали ее еще большее обострение.

В Ливане до сих пор показывают следы такого “миротворческого вмешательства” (воронки от крупнокалиберных снарядов американской палубной артиллерии).

После терактов Хизбуллы в Бейруте в 1984 г. американцы, потеряв более 250 военнослужащих,бросив на произвол судьбы своих партнеров по коалиции, были вынуждены в спешном порядке, не уведомив Париж и Рим, вывести свои войска из Ливана.

С согласия Вашингтона израильтяне удерживали под своей оккупацией на юге до 10% ливанской территории, вызвав взлет шиитского движения, возглавленного крепнувшей день ото дня “Хизбуллой”.

Своеобразной пробой сил стала израильская операция “Гроздья гнева” (юг Ливана, апрель 1996 г.). После того, как под израильскими ударами в лагере беженцев Кфар-Кана погибло более 100 мирных жителей, очередная вспышка вооруженных столкновений на юге Ливана вышла на международный уровень.

К их прекращению были вынуждены подключиться коспонсоры в лице Примакова и его американского коллеги Кристофора.

Их видение истоков конфликта существенно различалось: американцы, как всегда, отстаивали право Израиля на самооборону, российская сторона справедливо считала затянувшуюся оккупацию юга Ливана главной причиной не спадавшей напряженности и столкновений. Из-за этих расхождений соглашение о прекращении огня было достигнуто без российского коспонсора.

В комиссию по наблюдению за его соблюдением вошли Израиль, Ливан, Сирия, США и Франция.

В последствии обстрелы и вооруженные вылазки боевиков против израильских оккупантов продолжились.

Уже тогда израильтяне почувствовали всю сложность противостояния в партизанской войне. “Воевать против Хизбуллы, – отметил премьер Ш.Перес, – это все равно, что хлебать суп вилкой”.

Лишь в 2000 г. под ударами шиитских боевиков они убрались восвояси.

Развитие драмы

На другой день после наземного вторжения (13 июля 2006 г.) был нанесен ракетный удар по Бейрутскому аэропорту и объектам транспортной инфраструктуры, в том числе по стратегической трассе, связывающей Бейрут с Дамаском.

Ливан был полностью блокирован с моря и воздуха. Тель-Авив, не считаясь с суверенитетом Ливана, объявил, что ведет борьбу с боевиками и потребовал от ливанской армии не вмешиваться, пригрозив ответными ударами по ее позициям и подразделениям.

25 июля израильской ракетой был уничтожен пост наблюдателей ООН, погибло 4 миротворца – граждане Китая, Финляндии, Австрии и Канады, 6 чел. получили ранения.

Тогдашний генсек ООН К.Аннан назвал эту бомбардировку преднамеренной и потребовал от Тель-Авива срочного расследования. Израиль привнес свои извинения, заявив, что этот удар был трагической ошибкой. Такие “ошибки” были нередки в практике Тель-Авива в отношениях с палестинцами и арабскими странами.

26 июля, только через две с лишним недели после начала столкновений в Ливане, Совет Безопасности ООН принял беззубое заявление в связи с бомбардировкой поста миротворцев.

Документ был одобрен единогласно. В нем выражалось сожаление в связи с гибелью четырех международных наблюдателей, а также “глубокая обеспокоенность в связи с гибелью и страданиями мирных жителей, разрушением объектов инфраструктуры и большим количеством вынужденных переселенцев”.

Проводя свою неизменно попустительскую, произраильскую линию, США настояли на исключении из текста заявления параграфа с осуждением действий Тель-Авива.

Политолог П.Сил верно схватил суть происходившего, отметив в разгар кризиса: “Когда мировая сверхдержава создает условия всемирной анархии, разрушая равновесие сил международной системы, меньшие государства ощущают свободу подражать ей.

Произраильские идеологи в Вашингтоне очевидно руководствуются утопией, согласно которой весь Ближний Восток можно реструктурировать военной силой в соответствии с американскими и израильскими интересами... Войны в Ливане и Палестине – американо-израильские, запланированные совместно и проводимые в тесной стратегической координации. Израильяне воюют, тогда как США их финансируют, предоставляют вооружение и политко-дипломатическое прикрытие. Они задержали прекращение огня, чтобы дать Израилю время “завершить работу”¹³.

Вялая реакция мирового сообщества на трагические события в Ливане открыла “зеленый свет” Тель-Авиву.

Израиль отказался допустить ООН к расследованию обстрела поста ее наблюдателей.

27 июля он объявил, что будет считать “пособниками Хизбуллы” всех жителей южного Ливана, непокинувших места своего проживания.

Иезуитский характер этого требования становится ясным, если учсть, что к тому времени пути исхода из этого района из-за израильских ударов перестали существовать.

Широко разрекламированные “точечные удары по базам боевиков” на практике напоминали все те же ковровые бомбардировки, практиковавшиеся американцами во Вьетнаме.

По данным ливанских телеканалов, в некоторых районах израильская авиация применяла тактику “выжженной земли” – широко использовались напалм, фосфорные и кассетные бомбы, что является грубейшим нарушением Женевских конвенций о правилах ведения войны.

Да и сами "точечные удары", широко применяемые Израилем для уничтожения палестинских лидеров и активистов, по справедливому замечанию известного французского ориенталиста Э.Руло, "представляют собой, по сути, казнь без суда и следствия и признаются в международном праве военным преступлением".

Боевики "Хизбуллы" ответили масированными ракетными обстрелами израильских территорий. При этом следует отметить реалистичность тактики руководства "Партии Аллаха" в борьбе с Израилем. Ее лидер Х.Насрулла не ставил задачу сокрушить военную мощь Израиля, он требовал лишь "нанести ему кровоточащие раны и заставить пойти на уступки".

Всего обстрелам подверглось около 70 населенных пунктов.

Ежедневно в сторону Израиля выпускалось от 40 до 150 ракет.

По признанию израильских и американских специалистов, для них полной неожиданностью стали возможности ракетного вооружения, имевшегося у "Хизбуллы".

Кроме того, по словам командующего Северным военным округом ВС Израиля генерала У.Адама, за 6 лет, прошедших со времени ухода израильской армии из "зоны безопасности" (приграничной полосы на юге Ливана шириной 10–15 км), "Хизбулла" сумела создать там систему оборонительных сооружений, разветвленную сеть подземных ходов сообщений и укрытий.

В приграничной полосе были установлены многочисленные минные поля и различные инженерные заграждения, позиции боевиков хорошо укреплены и замаскированы.

Все это в значительной степени снижало эффективность ударов авиации и артиллерии, затрудняло действия сухопутных войск.

Число погибших израильтян за первые две недели боев составило около 40 чел., в том числе 20 военнослужащих, десятки людей были ранены.

До половины жителей северных районов стали беженцами. Общие экономические потери Израиля оценивались в 1,3 млрд. долл.

Положение неуклонно деградировало в сторону полномасштабной войны с многочисленными жертвами и разрушениями.

Реакция Москвы на кризисное развитие обстановки была реалистичной извешенной. Отвечая на вопрос СМИ в связи с нарастанием напряженности в Ливане и вокруг него, официальный представитель МИД России М.Л.Камынин 13 июля, то есть в самом начале конфликта, решительно подтвердил поддержку суверенитета и территориальной целостности Ливана.

"Нельзя понять и оправдать продолжение разрушения Израилем гражданской инфраструктуры Ливана и на палестинской территории, непропорциональное применение силы, от которого страдает мирное население. Равным образом абсолютно неприемлемыми являются все проявления терроризма, практика захвата заложников, которые должны быть немедленно и без условий освобождены".

На другой день в заявлении МИД России были решительно осуждено похищение военнослужащих, обстрелы израильской территории.

"Вместе с тем, – отмечалось в документе, – мы рассматриваем военные действия, развязанные Израилем, как непропорциональное и неадекватное применение силы, ставящее под угрозу суверенитет и территориальную целостность Ливана, мир и безопасность во всем регионе".

В заявлении содержался призыв к конфликтующим сторонам предпринять безотлагательные шаги с целью остановить военную эскалацию.

В документе справедливо отмечалось, что, "как показывает история Ближнего Востока, военными средствами проблему безопасности решить не удастся".

Очередному саммиту большой "восьмерки" 15–17 июля в Санкт-Петербурге пришлось потеснить в своей повестке дня глобальные вопросы (энергетическая безопасность, борьба с инфекци-

онными заболеваниями, образование и др.) и в плотную заняться ближневосточными делами.

Как заметил в беседе с автором в дни работы саммита один из старших дипломатов посольства Ирана в Тунисе, "Ближний Восток-это наша инфекционная болезнь и никуда не деться, ее надо лечить".

После долгой и напряженной культурной работы, часто на грани цейтнота, при активном участии российских специалистов саммит принял компромиссное заявление по ситуации на Ближнем Востоке, в котором призвал прекратить эскалацию насилия и вернуть ситуацию в секторе Газа и Ливане в нормальное русло. При этом было указано на необходимость прекратить террористические действия против Израиля, а Израилю – предложено проявить сдержанность и "учитывать стратегические и гуманитарные последствия своих действий".

Как говорит заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России О.Б.Озеров, "благодаря настоянию России в заявлении появился тезис о том, что первопричиной проблем, с которыми сталкивается регион, является отсутствие всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке".

Несмотря на компромиссность многих положений заявления, "главное, – подчеркивает российский дипломат, – благодаря этому документу в международной политике был вновь закреплен принцип необходимости достижения всеобъемлющего мира на Ближнем Востоке, включая все неурегулированные вопросы в отношениях арабов и Израиля, то есть не только на ливанском, но и палестинском направлениях"⁴.

К.Аннан озвучил на саммите предложение британского премьера Т.Блэра о размещении в Ливане международных сил сдерживания, которое у США и Израиля не вызвало энтузиазма. Оно и понятно: международные

силы послужили бы серьезным препятствием для осуществления их далеко идущих планов.

В интервью газете "Коммерсант" 19 июля министр иностранных дел России С.В.Лавров заявил, что "Россия призывает стороны ливано-израильского конфликта незамедлительно объявить о прекращении огня".

По его словам, для решения конфликта было "прежде всего, необходимо именно прекращение огня".

Однако до него было еще далеко: несмотря на явные провалы своей тактики в Ливане, в Тель-Авиве настойчиво стремились выполнить поставленные военно-стратегические и политические задачи и мнение "восьмерки" для израильского руководства было не указ. В Ливане еще около месяца лилась кровь и грохотали взрывы.

В обстановке нарастания непонимания в мире неадекватных действий Тель-Авива президент Дж.Буш счел целесообразным подтвердить "законное право Израиля на самооборону" и потребовать "призвать Сирию как одного из спонсоров террористов к ответу". Для запугивания Дамаска еще в начале июля израильские самолеты произвели провокационный облет резиденции президента Сирии Б.Асада.

Мировую прессу обошла распечатка приватного разговора Дж.Буша с Т.Блэром на заключительном ланче в Стрельне 17 июля 2006 г., просочившаяся в печать из-за случайно невыключенного микрофона.

Приведем лишь ее фрагмент, касающийся событий на Ближнем Востоке, ярко демонстрирующий залихватское отношение к ним хозяина Белого дома.

"Знаешь, в чем здесь дело – говорит Дж.Буш, обращаясь к британскому премьеру, – дело-то все в том, что все, что здесь нужно – заставить Сирию, чтобы она заставила "Хизбуллу" прекратить все это г...но, и все дела".

Вот так примитивно лидер ведущей мировой державы оценил серьезную вспышку кровавого насилия, порожденную американской политикой попустительства своему стратегическому союзнику в регионе.

Очередной словесный перл Дж.Буша мгновенно разлетелся по свету и стал темой множества карикатур. На одной из них Т.Блэр озабоченно склоняется к уху президента и рекомендует ему произносить слово "шиит" с двумя "и", а не с одним (шиит, по-английски, г...но – Авт.).⁵

13 июля арабские страны при поддержке России внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции, осуждавший израильское вторжение в Газу и "непропорциональное использование силы" в Ливане, который был заветирован США. В Вашингтоне явно не спешили на помощь ливанской демократии в лице правительства Ф.ас-Синьоры, пришедшего к власти при американском содействии. Стратегические интересы в регионе явно перевешивали декларированное Вашингтоном стремление к "демократизации" Ближнего Востока.

На экстренном заседании СБ ООН 20 июля К.Аннан потребовал прекратить кровопролитие, осудил действия "Хизбуллы", спровоцировавшей конфликт, но назвал действия Израиля непропорциональными и также требующими осуждения. Опираясь на заокеанскую поддержку и понимание, Израиль отверг предложение генсека ООН о немедленном прекращении огня обеими сторонами конфликта.

"Мы будем делать то, что необходимо, – заявил представитель Израиля в ООН Д.Гиллерман, – и не будем руководствоваться никакими сроками".

Следует отметить, что отсутствие четкой позиции арабских стран относительно агрессивных действий Израиля, расхождения в их подходах к "Хизбулле" (ее экстремистские и провока-

ционные эксцессы осудили лишь Египет, Иордания и Саудовская Аравия) также поощряли Тель-Авив и стоящий за ним Вашингтон на продолжение избранной тактики.

Неизменный произраильский крен США в период очередной вспышки ближневосточного конфликта был столь очевиден, что газета "Интернешнл Геральд Трибюн" вышла 17 июля 2006 г. с красноречивым и откровенным заголовком "США дают Израилю "зеленый свет".

В публикации содержалась резкая критика бездеятельности американской администрации в обстановке резкого ухудшения ситуации и приводилась реплика бывшего госсекретаря США М.Олбрайт: "Я поражена, я просто потрясена, почему они сидят, сложа руки, и не занимаются регионом".

Причины неожиданной медлительности Вашингтона скоро стали проясняться. 19 июля сразу несколько влиятельных американских газет со ссылкой на официальные источники сообщили, что США якобы намерены дать Израилю еще примерно неделю, чтобы ослабить позиции боевиков "Хизбуллы", и только потом Вашингтон активно подключится к дипломатическому процессу. Тогда в регион приедет госсекретарь К.Райс, которая попытается склонить стороны к созданию буферной зоны на юге Ливана.

Телекомпания Си-эн-эн была более откровенной, сообщив, что визит в зону конфликта задерживается, чтобы дать Израилю время "вырвать клыки у "Хизбуллы" и нанести ей "стратегический урон".

Тем временем К.Райс принялась успокаивать мировую общественность, назвав "просто домыслами" сообщения о подготовке широкого наземного вторжения израильских войск в Ливан и заявив, что верит утверждениям Тель-Авива, что военной эскалации не будет. Последующие действия Израиля

лишний раз подтвердили, что верить ему нельзя.

А тут получившие свободу рук израильские военные разоткровенничались, заявив устами своего представителя, что двойная карательная операция против палестинцев и ливанцев задумывалась ими давно и развернулась лишь после “многолетнего сбора разведданных об опорных пунктах и складах боеприпасов Хамаса и “Хизбуллы”. В таком случае объявленная всему миру благородная задача “спасти похищенных солдат” стала лишь предлогом для осуществления стратегических планов Тель-Авива.

23 июля в условиях нарастания боевых действий, жертв и разрушений в Ливане К.Райс все-таки отправилась на Ближний Восток.

В своих контактах с руководителями Ливана и Израиля она проводила весьма странную линию. В то время, как со стороны России, ООН и ЕС, да и во всем мире ширились требования немедленно прекратить огонь и приступить к мирным поискам урегулирования спорных вопросов, американский госсекретарь стала делать акцент на достижении “долгосрочного и прочного мира”, а уж потом прекращения огня. Такой подход означал: “ставить телегу впереди лошади”, позволить Израилю воспользоваться своим военным превосходством и создать дополнительные препятствия для выхода из войны. Как отмечали многие международные наблюдатели, во время своего блиц-визита в зону конфликта госсекретарь фактически дала добро на войну до победного конца.

Традиционное выгораживание американцами Израиля и попустительство его экспансионистским устремлениям вызвало в арабских странах непонимание и разочарование в “демократизаторских” чаяниях США. Упоминание Сирии в качестве одного из “пособни-

ков террористов” (вторым подразумевался Иран – Авт.) было расценено как подстрекательское.

“Весьма странно, – отмечал в те дни обозреватель тунисской “La Пресс” Х.Б.Ромдан, – что США, по шею увязнув в иракской трясине, своим поощрением израильских агрессоров продолжают дуть на угли в столь взрывоопасном регионе. Как иначе истолковать “наезд” Буша на Дамаск?”.

Американская дипломатия оказалась (в который раз!) между двух огней: с одной стороны, она испытывала нарастающее давление таких дружественных Вашингтону стран, как Египет, Иордания и Саудовская Аравия, с другой – не хотелось ограничивать желание Тель-Авива справиться с палестинскими и шиитскими радикалами. На таком неблагоприятном фоне Белому дому пришлось маневрировать и оправдываться. Администрация США расценила как “абсолютно лживые” утверждения о том, что Вашингтон сотрудничает с Израилем в его наступлении на “Хизбуллу”.

“Мы не причастны к обсуждению военной стратегии израильтян, не сотрудничаем и не участвуем в тайном сговоре, мы ничего подобного не делаем”, – заявил пресс-секретарь Белого дома Т.Сноу.

А уже 22 июля в мировые СМИ просочились сообщения о готовности США поставить Израилю 100 высокоточных авиабомб GBU-28 (“разрушитель бункеров”) с лазерным и спутниковым наведением, способных проникать в землю на глубину до 40 м и пробивать бетонное покрытие толщиной до 6 м.

Позднее появились сообщения о выделении американцами Израилю различных видов высокоточного оружия на сумму 4,2 млрд. долл. с “благородной целью” сократить потери среди мирного населения! В Вашингтоне такую щедрость, подливавшую масло в огонь конфликта, объяснили “верностью взятым ранее обязательствам”.

Для того, чтобы приглушить отрицательный резонанс в арабском и во всем остальном мире от этого явно провокационного шага и подтолкнуть ливанские власти к противостоянию с “Хизбуллой”, администрация Дж.Буша приняла решение в срочном порядке оказать помочь вооруженным силам Ливана на 10,5 млн. долл. Эти средства должны были пойти на поставку запчастей, ремонт грузовиков, бронетранспортеров и иных транспортных средств для усиления тылового обеспечения, в чем в первую очередь, по мнению американцев, нуждалась ливанская армия, а также на “поддержку связи и иного оперативного оборудования”.

В ночь на воскресенье 30 июля (выходной день был, наверняка, выбран не случайно) американская высокоточная бомба, сброшенная с израильского самолета, попала в трехэтажный дом в южноливанском городке Кана, унеся жизни, по разным оценкам, от 30 до 60 мирных жителей. Весь мир обошли жуткие фотографии извлекаемых из-под обломков трупов малолетних детей, стариков и женщин.

По сообщению корреспондента парижской “Монд”, это здание, многие дни остававшееся без воды и электричества, давало приют неимущим инвалидам, престарелым и детям, которые не смогли вовремя покинуть опасный район из-за отсутствия средств⁶.

“Вот он, новый Ближний Восток, по-американски”, печальным рефреном повторяла арабская печать в те скорбные дни.

Это варварство вызвало настоящий шок в мире: ливанское руководство отказалось встречаться с К.Райс, отправившейся во вторую поездку на Ближний Восток, и ей пришлось возвращаться в Вашингтон, проведя переговоры лишь с израильтянами.

“Сохраняя лицо”, госсекретарь позднее объявила о том, что сама приняла решение отменить визит в Ливан,

чтобы “поработать с Израилем насчет прекращения огня”.

Несмотря на всемирные волны протеста и ее “работу”, Э.Ольмерт в официальном заявлении, не моргнув глазом, объявил, что Израилю “еще потребуется дней 10–14, чтобы завершить военные задачи”.

Глава правительства Ливана Ф. ас-Синьора отверг извинения, которые принес Израиль в связи с гибелью мирных граждан при налете на Кану.

По его мнению, израильтяне повторили преступление, совершенное 10 лет назад, когда после безнаказанных артударов по лагерю беженцев ООН в Кане заживо сгорело свыше 100 мирных жителей и еще сотня была ранена. Он заявил, что его народ никогда не простит бомбардировки, которая была преднамеренной. Показательно, что Ф. ас-Синьора, известный своей проамериканской ориентацией и поставленный у власти, чтобы разоружить “Хизбуллу” и увести Ливан с орбиты сирийского влияния, поблагодарил партию Аллаха за жертвы, принесенные в защиту страны от очередного израильского разбоя.

После того, как о бойне в Кане стало известно, разъяренная толпа ливанцев штурмовала штаб-квартиру ООН в Бейруте, забросав ее камнями с криками: “Смерть Израилю! Смерть Америке!” Разгрому подверглись и здания ООН в Газе.

Таким образом, в очередной раз подтвержденный трагической практикой произраильский крен поколебал политические построения и замыслы США в Ливане и в регионе в целом.

Именно перманентная угроза израильских ударов дала “Хизбулле” повод стать единственной в Ливане организацией, которая не сложила оружия после изнурительной и кровопролитной гражданской войны 1975–1990 гг., возникновение и длительный характер которой были во многом связаны с политикой США и Израиля.

Как отметил по следам событий обозреватель бейрутской газеты "Дейли стар" Р.Хури, "Вашингтон, столь прочно заняв сторону Израиля, сталкивается с последствиями дипломатической самокастрации".

31 июля официальный представитель МИД России заявил, что трагедия в Кане подтверждает необходимость незамедлительно остановить военные действия и насилие в Ливане.

Мы неоднократно выражали свое осуждение и неприятие действий, в результате которых страдает гражданское население. Подобные "ошибки" являются грубейшим нарушением элементарных норм международного гуманитарного права, в том числе Женевских конвенций о защите жертв войны, включая Конвенцию о защите гражданского населения в военное время".

Чуть ли не в один голос главы МИД Германии и Великобритании признали, что, услышав об этой трагедии, "ужаснулись" и "содрогнулись". К немедленному прекращению огня призвал президент Франции Ж.Ширак.

Однако министры иностранных дел стран ЕС, собравшись на экстренное заседание для обсуждения положения на Ближнем Востоке, не смогли выработать единой позиции.

Сирийский президент Б.Асад назвал случившееся "государственным терроризмом", за которым он и его иранский коллега М.Ахмадинежад увидели тень США.

Комментируя ситуацию, глава департамента переговоров ООП С.Урейкат заявил: "Учитывая повторение этих кровавых событий, мировое сообщество должно, наконец, понять, что военного решения этого конфликта не существует. Но нет. Довольствуются тем, что говорят о "трагедии", о "драме". Никто не осмеливается твердо осудить это жестокое преступление. Израильяне разрушают Ливан. Надо остановить это безумие".

Руководителей Египта и Иордании – стран, имеющих мирные догово-

ры с Израилем и в целом лояльных США – очередная кровавая провокация Тель-Авива поставила в непростое положение на фоне протестов в арабском мире и далеко за его пределами.

Король Абдалла II назвал бомбардировку в Кане "отвратительным преступлением", а президент Х.Мубарак – "безответственным актом".

В ночь на 31 июля СБ ООН принял заявление, в котором выразил "потрясение и боль" в связи с гибелю десятков мирных жителей в результате удара по Кану. По требованию США, из документа были изъяты тезис об осуждении действий Израиля и требование о немедленном прекращении огня в зоне конфликта. В результате на свет родилась очередная невнятная и по сути беспомощная резолюция.

В тот же день Израиль во время визита К.Райс объявил о введении 48-часового моратория на авианалеты на территорию Ливана. Пауза должна была якобы позволить мирным жителям покинуть опасные районы на юге Ливана. Это обещание, явно рассчитанное на ослабление международного давления, оказалось отвлекающим маневром и поставило госсекретаря США в двусмысленное положение. Военные действия, в том числе и с воздуха, продолжались с прежней интенсивностью. 1 августа Израиль высадил воздушный десант на востоке Ливана в известном своими древними историческими, во многом уникальными памятниками городе Баальбек.

В этой обстановке Дж.Буш и К.Райс были вынуждены, наконец, признать, что "пришло время для прекращения огня", но так и не произнесли долгожданного слова "немедленного".

После начала боевых действий против Ливана в этой небольшой стране, оказавшейся блокированной от внешнего мира, сложилось катастрофиче-

ское положение. Ливанцы стали заложниками разгоревшегося конфликта, более 800 тыс. из них (или каждый пятый) превратились в беженцев. Израильские удары, нанесшие ущерб в сотни миллионов долларов, по оценкам специалистов, отбросили ливанскую экономику на 20 лет назад.

О серьезности ситуации свидетельствовала и начавшаяся широкомасштабная эвакуация иностранных граждан из Газы и Ливана. По своему размаху (около 50 тыс. чел.) она приблизилась к показателям второй мировой войны.

В мире заговорили об угрозе распространения конфликта и вовлечении в него новых участников.

Как отмечалось в сообщении для печати о встрече Специального Представителя Президента России по Ближнему Востоку замминистра иностранных дел России А.В.Салтанова с президентом Сирии Б.Асадом, "ход событий не только ставит под серьезную угрозу усилия международного сообщества, направленные на достижение всеобъемлющего урегулирования в регионе, но и чреват неконтролируемым ростом экстремистских настроений во всем мусульманском мире" (выделено – Авт.).

Этот прогноз основывался на конкретных исторических параллелях, вскрытых главой департамента переговоров ООП С.Урейкатом в интервью газете "Монд": "Израильское вторжение в Ливан в 1982 г. привело к подъему движения "Хизбулла". Репрессии после первой интифады (палестинского восстания – Авт.) вызвали создание Хамаса. Только экстремисты выйдут победителями из новой войны в Ливане".

В заявлении МИД России от 22 июля 2006 г. содержалось четко выраженное требование "незамедлительного прекращения огня и кровопролития" и критика в адрес Израиля, чьи действия "вышли далеко за рамки антитеррористической операции".

26 июля в Риме экстренно собралась международная конференция на

уровне министров иностранных дел 15 государств, а также руководства ООН, ЕС и Всемирного банка для поисков путей урегулирования. Израиля, Сирии и Ирана на встрече не было, что изначально сузило ее возможности. Из-за сопротивления США участники этого форума сосредоточились на оказании Ливану гуманитарной помощи, лишь упомянув о необходимости прекращения огня.

Пытаясь сгладить отрицательный резонанс от американской линии на затягивание урегулирования и выгораживание Израиля, официальный представитель Белого дома Т.Сноу прибег к словесной эквилибристике, заявив, что точную дату прекращения огня устанавливать было необязательно. Главное, по его оценке, что участники встречи завершили ее с "чувством неотложности этой задачи".

За три недели ударов по Ливану Израиль произвел гораздо больше разрушений и убийств мирных жителей (погибли 800 ливанцев, еще 3,5 тыс. получили ранения, 900 тыс. стали беженцами), чем все международные террористы вместе взятые за 10 последних лет.

Однако Тель-Авив не добился желаемых результатов: сопротивление боевиков "Хизбуллы" (она потеряла 50 бойцов) сломлено не было, в то же время ее авторитет как "единственной поборницы арабских и мусульманских интересов", несомненно, возрос.

Увеличивалось число жертв среди израильтян (около 50 чел. убитыми), ракеты "Хизбуллы" продолжали падать в жилых районах северной части страны. Все эти "неожиданные" явления отрицательно скрывалось на имидже правительства Э.Ольмерта.

В мире нарастала критика действий Тель-Авива.

"Прошло уже три недели, – говорилось в заявлении МИД России от 3 августа, – как идут массированные бомбардировки практически всей территории Лива-

на. Разрушено большинство мостов, дорог, станций связи, других объектов гражданской инфраструктуры этой многострадальной страны, которая с таким трудом оправилась от последствий гражданской войны. Главное же в том, что гибнут люди. Список погибших ливанцев уже приближается к тысяче, причем подавляющее большинство из

них – мирное население, в том числе дети и женщины. Число раненых превысило три тысячи. Недавняя трагедия в г. Кана потрясла весь мир. Жертвами конфликта стали и десятки израильских граждан.

Дальше так продолжаться не может.

Мы решительно требуем немедленного прекращения огня⁷.

Итоги и перспективы

Лишь 13 августа, после 34 дней кровопролития и разрушений, под давлением мирового сообщества в лице ООН и нараставших собственных потерь в живой силе и технике из-за ожесточенного и умелого сопротивления боевиков "Хизбуллы" Израиль был вынужден приостановить боевые действия против фактически беззащитного Ливана.

Заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России О.Б.Озеров приводит следующие обобщенные данные потерь и разрушений от израильских ударов в Ливане, которые позволяют судить о масштабах катастрофы, постигшей страну, считавшуюся до военных бедствий, начавшихся с середины 70-х годов прошлого века, "кусочком рая" на Ближнем Востоке: "Всего обстрелу за месяц боевых действий подверглись свыше 1800 объектов, из которых лишь около 140 относятся к военной инфраструктуре.

В результате израильских ударов были полностью или частично уничтожены: 31 ключевой объект гражданской инфраструктуры (в том числе аэродромы, электростанции, очистные сооружения), 23 заправочные станции, 145 мостов и эстакад, 94 автотрассы (630 км), теле- и радиоретрансляторы в различных районах Ливана. В общей сложности около 30 тыс. зданий различного назначения, ряд военных объектов.

По данным ливанского правительства, ущерб жилому фонду оценивается в 1,5 млрд. долларов, ущерб транспортной инфраструктуре – около 410 млн. долларов, объектам связи и электроснабже-

ния – более 300 млн. долларов, объектам водоснабжения – 74 млн. долларов. Общие потери экономики Ливана оцениваются более 3,5 млрд. долл.

Число жертв конфликта с ливанской стороны составляет более 1150 человек убитыми. Среди них – около 40 сотрудников силовых структур, по меньшей мере, 70 бойцов "Хизбаллы" и 10 бойцов движения "Амаль". Более 3250 чел. получили ранения, в том числе – более 80 сотрудников силовых структур.

Количество внутренне перемещенных лиц – более 960 тыс. чел., беженцев – более 220 тыс. чел.

"Хизбалла" не осталась внакладе: по территории Израиля с 12 июля (а точнее, с 14 июля – именно тогда "Хизбалла" начала обстреливать Израиль) по 14 августа этого года силами "Хизбаллы" было выпущено около 3,5 тыс. ракет. Всего, по израильским данным, погибли 162 чел. Из них – 119 военнослужащих и 43 гражданских лица, включая 16 израильских арабов. Около 1300 получили ранения. Количество внутренне перемещенных лиц в северных районах Израиля составило 300 тыс. чел.⁴.

Согласно резолюции № 1701 Совета Безопасности ООН, в зоне боевых действий были размещены существенно усиленные временные силы ООН (13,4 тыс. чел. – в основном итальянский и французский контингенты, американцы и британцы от участия воздержались), а израильской армии в очередной раз пришлось уйти с ливанской территории.

Вне рамок этих сил Россия командировала в Ливан специалистов и тех-

нику для восстановления разрушенных израильской авиацией и артиллерией мостов. Положительный политический резонанс в Ливане и в арабском мире в целом вызвало направление вместе с российскими военными строителями батальона охраны, сформированного из мусульман-чеченцев.

Разъясняя мотивы такого точно рассчитанного политического шага, Президент В.В.Путин в интервью весьма популярному в арабском мире катарскому телеканалу "Аль-Джазира" отметил, что "выбор был естественным, и здесь никаких секретов нет.

Прежде всего мы исходили из того, что наши военнослужащие будут работать в непростой обстановке, в стране, где только что закончился вооруженный конфликт и внутриполитическая ситуация не самая простая. Поэтому мы считали, что поскольку наши военные будут находиться в основном в мусульманских районах Ливана, то было бы правильно, если бы воинские подразделения, занимающиеся охраной российских строителей, были бы укомплектованы гражданами России из Чеченской Республики, которые тоже, как известно, в подавляющем своем большинстве являются мусульманами.

И должен отметить, что мы не просчитались, потому что появление российских военных и мусульман по вероисповеданию в Ливане было встречено местными жителями очень позитивно. Для них это было, кстати говоря, открытием, что в российских Вооруженных Силах есть воинские подразделения, полностью укомплектованные мусульманами. Это первое. И второе. Это все-таки демонстрация того, что в самой Чечне произошли кардинальные изменения. Мы полностью доверяем людям, которые защищают интересы своего народа в Чечне с оружием в руках⁸.

К началу декабря 2006 г. эта гуманистическая миссия успешно завершилась и даже с перевыполнением плана – вместо 6 было восстановлено 9 мостов на жизненно-обеспечивающих магистралях, строительная техника и другое имущество были переданы в дар Ливану, подготовлено не-

сколько десятков местных строителей, которые уже участвовали в сооружении девятого моста.

Отметим для сравнения, что за тот же срок французские специалисты восстановили всего два моста.

По мнению многих наблюдателей, очередной и самый затяжной (34 дня) вооруженный кризис на Ближнем Востоке окончился вничью. "Оздоровление обстановки", которым министр иностранных Израиля Ц.Ливни пытается оправдать варварские удары по Ливану, явно не получилось.

Оценивая итоги агрессии, Э.Ольмерт ограничился весьма туманным заявлением о том, что "мы более менее победили".

За этим "более менее" скрывалось многое: израильяне, надеявшиеся на успешный опыт прошлых блицкригов, не смогли подорвать боевой потенциал радикалов "Хизбуллы", их авторитет в Ливане, в палестинской среде и арабском мире в целом заметно возрос, они выступили реальной силой, способной противостоять самонадеянному натиску Израиля, не говоря уже о том, что похищенных солдат, послуживших предлогом для развертывания широко-масштабных операций и варварских бомбардировок ливанских городов и сел, освободить тоже не удалось.

Подводя итоги ливано-израильской войны, О.Б.Озеров справедливо отмечает, что шиитское движение "Хизбулла" политически окрепло и после войны приобрело авторитет "защитника Отечества", превратилось в силу, без которой в этой стране невозможно принять ни одно сколь-либо серьезное решение⁴.

Впервые в истории Израиль, опираясь на свое, поддерживаемое США военное превосходство, не только не смог нанести поражение арабам, но и прекратить обстрелы своей территории.

Даже ценой многочисленных человеческих жертв среди ливанцев и пале-

стинцев и варварских разрушений Израиль и стоявшие за ним США не смогли решить главную политическую задачу всей ливанской кампании – подорвать позиции и свести на нет присутствие “Хизбуллы” в Ливане, в отличие от изгнания сил ООП в 1982 г. В результате в стране и в регионе в целом возникла новая расстановка сил.

Таким образом, с военно-стратегической точки зрения Израиль летом 2006 г. потерпел явную неудачу.

Как отмечала газета “Гаарец”, впервые был нарушен “принцип Бен Гуриона”, согласно которому, в случае возникновения конфликта Израилю было необходимо немедленно переносить военные действия на территорию противника.

Израилю не удалось осуществить боевые удары на расстоянии по примеру НАТО в Югославии и Афганистане, он был вынужден вступить в прямые столкновения с противостоявшими нерегулярными, партизанскими силами. Противники Израиля смогли превратить его собственную территорию, особенно ее южную часть, в мишень для ракетных обстрелов.

Красноречивым признанием неудачи ливанской кампании стала серия громких скандалов и отставок в израильской государственной и военно-политической верхушке.

Лидерам “Хизбуллы” в горячие дни лета 2006 г. удалось одержать еще одну победу – пропагандистскую, на которую исламисты затратили немалые суммы.

Только размещение повсюду в Бейруте и его окрестностях 600 плакатов с торжествующей надписью “Божья победа” (история, удачно обыгранный перевод имени шейха Х.Насруллы) обошлась, по данным журнала “Ньюсик” в 100 тыс. долл.

Превалиющей темой агитационно-пропагандистской кампании “Хизбуллы” был антиамериканизм: на руинах, оставшихся после варварских израильских уда-

ров, ее активисты установили щиты с широко известной по всему миру надписью “Made in USA”, а также броские плакаты “Америка и ее приспешники потерпели поражение”.

Из-за роста числа невинных жертв и разрушений в массовом восприятии событий на задний план во все большей мере отходили инициаторы очередной вспышки военных действий, и ответственность за них перекладывалась целиком на Израиль и стоявшие за его спиной США.

В более общем плане исход очередной вспышки конфликта был чреват новыми рецидивами боестолкновений, что впоследствии и произошло.

Радикальные движения получили импульс к продолжению своей линии на развертывание продолжительной “народной войны”, пессимизм в отношении перспектив вооруженного противостояния с Израилем сменился оптимизмом.

Хизбулла как легальная политическая сила, на законном основании представленная в парламенте и правительстве Ливана, не только подтвердила свой статус, выдержав беспрецедентное давление регулярной армии, но и смогла набрать много выигрышных очков.

Развивая достигнутые успехи, лидер Партии Аллаха уже осенью 2006 г. заговорил о необходимости перераспределения власти в пользу своей организации, отстоявшей суверенитет Ливана. 23 января 2007 г. “Хизбулла” организовала совместно с профсоюзами всеобщую забастовку, переросшую в уличные столкновения и беспорядки, когда 7 ливанцев погибло и 150 было ранено.

Американцы попытались было воздействовать на развитие внутриполитической обстановки в Ливане в своей традиционной манере: в июле 2007 г. Дж.Буш распорядился заморозить счета ливанских группировок и сил, выступавших против проамериканского

правительства Ф.Ас – Синьоры. Однако этот шаг был справедливо расценен в Ливане как открытое вмешательство в дела маленькой, но суверенной страны.

Не менее негативную реакцию вызвали просочившиеся в СМИ в октябре текущего года сообщения о намерении США создать на ливанской территории свою военную базу.

На таком фоне с еще большей силой и убедительностью прозвучали претензии на лидерство в выступлении шейха Х.Насруллы на массовом митинге по случаю годовщины войны 2006 г., триумфально прошедшем в южно-ливанском пограничном городке Бинт Джбейль. Место проведения многотысячного мероприятия было выбрано партийными пиарщиками неслучай-

но: в течение всей войны, несмотря на все потуги, израильские войска взять этот оплот исламистов так и не смогли.

По свидетельствам очевидцев, шедшие на штурм и считавшиеся до той поры неуязвимыми израильские танки "Меркава" (целых 54 шт.!) под обстрелом боевиков "Хизбуллы" горели "как свечи, превратившись в пылающие ловушки для израильскихояк".

"Та война, – заявил с трибуны митинга лидер "Хизбуллы", раскрывая американо-израильские замыслы, – была нацелена на то, чтобы навязать новый Ближний Восток, взорванный и рассыпанный на этнические и конфессиональные миниогосударства, обслуживающие интересы США и Израиля. В результате победы исламского сопротивления она окончилась крахом планов установления в регионе нового американского порядка"⁹.

Таким образом, главная цель Израиля и стоящих за его спиной США на всемерное ослабление "Хизбуллы" не была достигнута.

Эта организация в трудные дни противостояния фактически заместила государство, что позднее позволило ей выступить с открытыми претензиями на власть в Ливане.

Вместо умиротворения северного соседа Израиль своими несоразмерными ударами, спонсируемыми США, привел к еще большему осложнению ситуации, посеял семена новых конфликтов и нестабильности.

Примечания

¹ Foreign Affairs.Nov. / Dec.2006.PP.41-42

² Туркуманн Х. Аль-Харб ас-Садис. Биа Истратиджия Джадида. Дамаск. 2007. С. 41–44.

³ Jeune Afrique. 6–12.08.06. Р.16–17.

⁴ Международная жизнь. 2006. № 11.

⁵ The International Herald Tribune.20.07.06.

⁶ Le Monde. 01.08.06.

⁷ www.mid.ru 04.08.06.

⁸ www.kremlin.ru 10.02.07.

⁹ Le Monde.29.07.07.

Формирование и реализация национальных интересов

Юрий Бойко,
профессор (Дипломатическая Академия МИД РФ)

В процессе исторического развития народы и государственные образования неизбежно претерпевают определенные изменения, приводящие к появлению новых потребностей, с необходимостью их осознания. В условиях изменений мира-устройства, протекающих со скоростью, заметной с исторической точки зрения, возникает кризис национального самосознания, который выражается не только в стремлении общества понять себя и свое место на новом этапе эволюции, но и в попытках по-новому определить свои интересы.

В историческом процессе важнейшее место занимают контакты между человеческими группами, народами с конкуренцией выработки стратегий выживания. Важную роль играют факторы предельной социальной мобилизации и социальной консолидации народов при испытании форм самоорганизаций на прочность и эффективность институтов управления.

Развитие общества сопровождается выработкой адекватных ответов на внутренние вызовы и внешние угрозы в контексте осуществления указанных контактов. Потребность в самосохранении, безопасности стимулирует совершение национальной (групповой) рефлексии, то есть появление понятий “нация” и “национальный интерес”.

“Национальные интересы” как категория отражает сложный социально-

психологический процесс, суть которого в осознании (через находящуюся в динамике систему различных парных категорий: “частное-общее”, “прошлое-настоящее”, “духовное-материальное”, “рациональное-иррациональное”, “мы – они” и т.д.) общих потребностей групп населения, исторически проживающих на определенной территории. Чем более психологически развито общество, тем большую значимость приобретает проблема согласования интересов его субъектов – личности и разнообразных групп.

Аналогичную значимость согласованию интересов придает и развитость структуры общества.

Национальные интересы могут быть представлены в виде двух составляющих. “Постоянная составляющая национальных интересов – это консолидированные потребности общности,

сформировавшиеся в процессе ее исторического развития. Переменная составляющая – это консолидированные потребности, которые возникают в связи с тенденциями глобального развития¹.

Таким образом – общие (национальные) потребности есть жизненно важные потребности нации, отражающие сложившиеся в ходе ее образования и развития на территории проживания и в соотношении с интересами других социально-политических образований.

Из вышесказанного следует, что необходимо постоянное совершенствование механизмов согласования интересов в политическом процессе. Однако, интересы нации формируются и осознаются в социальных и политических структурах, которые не совпадают между собой полностью, как и интересы политических элит и других социальных групп. В силу этого имеется сложное сопряжение интересов политических элит, контрэлит и общества. Соотношение этих интересов, их конкуренция и кооперация, баланс создают некую константу, вокруг которой и происходит национальная консолидация.

Несмотря на сложность описания и неизбежность возникновения дискуссии в отношении конкретного определения содержания национальных интересов, формулировка их как политической категории необходима и целесообразна. По мнению известного российского политолога М.В.Ильина, присутствие указанной категории в политическом процессе отражает определенный уровень рациональности общественного сознания².

Соответственно, можно выделить следующие функции национальных интересов:

- социально-коммуникативную;
- основание для принятия стратегического решения;

– идеологическую как средство поддержки тех или иных политических действий.

Необходимо особо выделить социально-коммуникативную функцию этой категории, то есть ее роль в консолидации общества, поскольку сложная структура социума неизбежно создает предпосылки для конфликта групп, входящих в его состав. В то же время, это не исключает возможности достижения между ними примирения и согласия. Более того, социальный опыт подсказывает, что взаимный учет интересов – необходимое условие поддержания интеграции нации, ее устойчивого развития и безопасности³.

По мнению исследователей, механизм согласования интересов как один из институтов интеграции нации “заключает в себе взаимосвязанные стороны и свойства социальной деятельности, и сущностную его характеристику необходимо рассматривать, с одной стороны, в определенной системе, а с другой – в постоянном развитии”⁴.

Сам процесс согласования может осуществляться как по горизонтали – самоуправление и федерация, так и по вертикали власти с различными ее вариациями. Характеристики механизма согласования интересов групп определяют условия существования нации в данный исторический период развития. Если процесс согласования является частью процесса осознания национальных интересов и имеет конечной целью поддержание интеграции нации, то речь может идти о неком компромиссе и консенсусе на основе жизненно важных потребностей всех или большинства социальных групп общества на данном этапе его развития. Соответственно, в идеальном плане это можно представить, как движение “от деструктивного конфликта – к позитивному и от конфликта позитивного – к конструктивному консенсусу”⁵.

Как категория национальные интересы должны присутствовать в законотворчестве, в процессе формирования политики и принятия политического решения в качестве особого ряда ориентиров и принципов ее rationalной организации⁶. Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть базис формирования указанной системы политических критериев.

Процесс осознания национальных интересов предполагает их мысленный образ. Данное представление выражается в определенной словесно-логической форме, обращенной в ожидаемое будущее – цель и ожидаемый результат, но неизбежно через систему ценностной ориентации. Совокупность образов (в том числе слов-знаков) идей и ценностей, представленных в определенной концепции ожидаемого и есть основа национальной идеологии – морального стимула, который побуждает народ действовать во благо своей страны.

Таким образом, для успешного существования и функционирования любого общества необходимо наличие системы ценностей поддерживаемой всеми его членами. В то же время, неизбежность наличия в обществе большого числа индивидуумов и групп предполагает разнообразие интересов и способов воспитания, а значит и ценностей.

Противоречивость ценностных ориентаций индивидуумов и групп индивидуумов является одним из источников центробежных процессов в обществе. Совпадение ценностей способствует формированию центростремительного вектора социальных и политических процессов. Объективно диктуемое разделение труда в обществе, необходимое взаимодействие в трудовой деятельности, предполагает выработку групповой системы ценностной ориентации.

Категория “ценность” интерпретируется как критерий и способ оценки значимости объектов и явлений окружающего мира, человека и общества, выраженного в нравственных принципах и нормах, идеалах, установках. Основной характеристикой ценности является значение и смысл, которые придаются тем или иным объектам природы, материальным и духовным благам.

Ценостная ориентация – это избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, система его установок, убеждений, предпочтений, выраженная в поведении. Совокупность сложившихся, устоявшихся ценностных ориентаций образует ту основу, которая обеспечивает социальную и индивидуальную устойчивость личности, то есть ее приверженность определенному типу поведения и деятельности, выраженную в содержании и направленности интересов. Соответственно, ценностные ориентации выступают важнейшим фактором, регулирующим мотивацию личности и формирующим ее интересы.

Структура ценностных ориентаций состоит из глубоких и постоянных привязанностей, нравственных принципов поведения и убеждений, а также может включать в себя мировоззренческие позиции и политические предпочтения.

В любом обществе ценностные ориентации являются объектом воспитания и целенаправленного воздействия, поэтому они могут быть приобретены в процессе социализации индивидуума. Это может происходить как на сознательном, так и на подсознательном уровнях. Соответственно, ценностные ориентации действуют как на уровне сознания, так и на уровне подсознания.

Поскольку ценности являются важнейшим фактором, влияющим на поведение людей, именно через них в значительной мере формируется осознание коллективной идентичности – они

наделяются коллективным и индивидуальным сознанием повышенной значимостью. Реальность объекта, наделяемого особыми ценностными характеристиками, значения не имеет, важно только его восприятие как такового. Принято выделять:

- смысложизненные ценности;
- универсальные ценности;
- партикулярные ценности;
- коллективистские ценности⁷.

Совокупность данных категорий образует ценностные системы отдельной личности, групп населения и общества в целом.

Разумеется, не только для индивидуумов и отдельных групп населения, но и для каждого общества свойственна своя специфическая система ценностей, которая, видоизменяясь вместе с ним, сама меняет общество. Таким образом, в процессе развития социума формируется его специфическая система ценностной ориентации – национальная система ценностной ориентации, которая, учитывая многообразие индивидуальных оценок, обеспечивает устойчивое существование именно данной общности.

Национальная система ценностной ориентации является одной из основных социальных коммуникаций, исполняющей роль интегрирующего начала нации. Выработка такой системы является результатом определенного компромисса и достигнутого согласия по нормам поведения в процессе совместного проживания во имя поддержания устойчивости перед лицом внутренних и внешних угроз и вызовов.

Как упоминалось, система национальных ценностей, так или иначе, разделяется как индивидуумами, группами, так и обществом в целом. Именно в ценностных категориях выражены рамочные предпочтения индивидуальных и групповых потребностей и зафиксированы те критерии, которые со-

циально приняты данным обществом. Все субъекты социума ориентируются на национальную систему ценностей, в том числе и те, кто ее игнорирует.

Участвуя в направленном формировании системы национальных интересов, ценности придают им целеустремленность и буквально национальную форму. Содержательная сторона и структура национальных интересов во многом зависит от ценностной системы ориентации нации и от уровня развития ее сознания. В процессе исторического развития нации меняется окружающий ее мир, меняется и она сама, меняется ее система ценностной ориентации – эти изменения не совпадают по времени. Система ценностей менее мобильна, она отстает от первых двух изменений. Безусловно, часть общечеловеческих и национальных ценностей, приобретенных на предыдущих этапах эволюции человеческого общества и каждой отдельной нации, сохраняется.

Из-за различных причин вполне возможен конфликт ценностей различного уровня, направленности и временных характеристик. Различные группы, составляющие общество и придерживающиеся собственных групповых систем ценностей, стремятся сохранить их в национальной системе или навязать как абсолютные или доминирующие всему обществу.

Представления, выраженные в определенных ценностях, идеях и концепциях, составляют некую целостность взглядов, которую можно обозначить категорией “национальная идеология”.

Термин “идеология” вошел в лексикон ученых и политиков именно как категория, отражающая определенное социально-психологическое явление – существующую совокупность идей, выражающих интересы, мировоззрение, идеалы общества, нации⁸.

Как явление социально-политической жизни любого государства и международных отношений идеология не только неизбежна, но и необходима. Идеология необходима как государству, так и обществу, нации. Известно, что у государства и общества могут быть разные идеологии. Все зависит от целей государственной политики и тех интересов и ценностей группы или групп, которые представлены во властных структурах.

Идеология государственной политики не всегда адекватно выражает идеологию нации, однако неизбежно присутствует в политических процессах. По мнению известного русского мыслителя Г.П.Федотова, “политика – не только борьба за интересы, но и за общественные идеалы”⁹⁹. То есть, за представления о желаемом характере социально-политических, экономических и международных отношений, а также целях национального развития.

В задачу национальной идеологии входит обеспечение достаточно устойчивого воспроизводства культурно-психологических стереотипов, направленных на противодействие внутренним и внешним возмущениям, угрожающим интересам и целостности общества.

Национальная идеология адаптирует универсальные потребности выживания к особенностям национального сознания, то есть предлагает такие ценностные ориентиры, которые помогают гражданам и обществу при взаимодействии разрешать конфликт интересов групп, личности и общества и одновременно сохранять свою идентичность. Идеологию вырабатывает и формулирует национальная элита – те государственные и общественные структуры, которые по своему статусу призваны осуществлять национальное представительство интересов.

Таким образом, можно представить формирование и реализацию нацио-

нальных интересов в виде системы “вход – процесс – выход” с обратной связью. В рамках данной системы входом является совокупность потребностей и ценностных ориентиров отдельных личностей и групп общества. Процесс представляет собой достижение баланса интересов отдельных личностей и групп, консолидацию их систем ценностей, выработку национальной идеологии как системы ориентиров для формирования целевой категории “национальные интересы”.

Выходом системы является реальная государственная политика, которая в виде конкретных решений реализует достижение национальных интересов государством. Данные решения влияют на жизнь граждан государства.

Эффективность работы данной системы отдельные личности и группы населения оценивают в соответствии со своей системой ценностных установок. Критериями служат степень соответствия заявленной национальной идеологии представлениям народа о реальных национальных интересах, а также удовлетворенность личных или групповых интересов населения.

Изменение условий существования, которое несут с собой государственно-политические решения народу страны, может изменять ценностные и идеологические представления отдельных личностей и групп населения.

Например, в случае несоответствия заявленной национальной идеологии реальным национальным интересам, она в конечном итоге отвергается обществом и становится дезинтеграционным фактором – когда речь идет о неспособности государственной власти реализовать национальные интересы на практике. “Недостаток общенациональных политических идей и решений немедленно и неизбежно замещается идеологией” отдельных групп, чьи ин-

тересы могут находиться в оппозиции общенациональным¹⁰.

Согласно теории систем, чем больше разнообразие общества и его институтов управления, тем эффективнее принятые ими решения. В этом смысле разделение властей, наличие оппозиции, плюрализм и т.д., то есть все то, что является неотъемлемой частью демократического общества, есть нечто “придуманное” кем-то, а результат эволюции и условие как выживания, так и развития.

Современные мировые тенденции глобализации повышают требования к нации с точки зрения ее мобильности, развития рефлексивных навыков и реагирования на изменяющуюся реальность. Причем политологи отмечают, что “глобализация довольно бесцеремонно ставит вопрос о легитимности местной власти”¹¹, то есть ее способности поддерживать интегрированность общества перед лицом новых вызовов эволюции.

Современная глобализация создает условия для экспансии чуждых той или иной нации ценностей. Процесс размывания национальной системы ценностей, характерный для модернизирующихся государств и обществ, затрудняет осознание национальных интересов, не позволяет сформировать систему целей, необходимых стране для ее эффективного развития.

Определяющая роль в формировании и совершенствовании механизма согласования интересов отводится институту государства.

Государство, исходя из национальных интересов, призвано сформулировать национальную идею и национальную идеологию, в которой представлена стратегия развития нации находящая свое отражение в различных законах, государственных документах, программах и декларациях государ-

ственных деятелей. В современном демократическом государстве формирование идеологии осуществляется не через административное подчинение граждан каким-то нормам идеологического характера, а опосредованно через культурную и образовательную политику. В этом смысле государство необходимо рассматривать не только как институт власти, неизбежно выражающий, в той или иной степени, интересы какой-то одной социальной группы. Роль государства заключается и в том, чтобы быть действительно результативным институтом национальной консолидации.

Нормально развивающееся общество совершенствует институты интеграции, то есть нормы и правила, регулирующие самостоятельную активность и коoperation множества индивидуумов и разнообразных по своим интегрально-локальным характеристикам групп индивидуумов и их отношений с обществом, нацией как целым. Целью данной деятельности является консолидация усилий всех групп населения в едином, желательном для страны направлении.

То, что само российское общество еще не выработало для себя единую систему социокультурных ориентиров развития, а государство не берет (или не может взять) на себя определенные обязательства в плане предложения обществу таких ориентиров, может свидетельствовать о наличии противоречий между системами ценностей и интересов отдельных групп населения, в частности между интересами и ценностями властных элит государства и граждан (или групп граждан). Зачастую, такое положение способно вместо установки на сотрудничество с внешним миром непроизвольно вызвать потребность со стороны власти к актуализации образа “чужого” как некой знаковой угрозы нации мобилизующей к национальной консолидации.

Положение усугубляется тем, что в обществах переходного типа, к которым принадлежит и Россия, в определенной степени сохраняются тоталитарные традиции, которые, с одной стороны, препятствуют росту гражданской активности, подавляют развитие демократии, а с другой – обнадежива-

ют население в том смысле, что государство может и обязано решить все его проблемы. В результате всегда существует вероятность, что любая ошибка в системе государственного решения может оказаться роковой с точки зрения безопасности государства и его целостности.

Исследователи и политики отмечают, что перед страной в реформенный период остро всталась проблема аномии (разрушения и утраты системы ценностей) российского общества. Как констатировал в свою бытность на посту председателя Совета Федерации РФ Е.С.Строев, “в силу крайней размытости мировоззренческих установок россиян, отсутствия в российском обществе четко фиксируемой традиционной системы ценностей политический процесс является в нашей стране менее предсказуемым, более опасным”¹². По его мнению, имеет место “потребность реидеологизации общества, в том смысле, что государство могло бы определить ряд зафиксированных ориентиров идентификации общества, хотя бы на переходный период, которые бы имели своей целью национальную консолидацию во имя реализации общих интересов”.

Для России выработка общенациональной идеологии, консолидирующей общество на основе ценностей, общих для всех живущих в стране этносов – необходимое условие сохранения и развития российской государственности. Целесообразно подробное обсуждение огромного опыта мирного, взаимообогащающего равноправного существования многочисленных этносов в России на протяжении веков, способного указать пути преодоления проблем переходного периода.

Примечания

¹ Национальный интерес (круглый стол) // ПОЛИС. 1995. № 1.

² Ильин М.В. Критерий современности в политике // ПОЛИС. 1995. № 1. С. 81.

³ Назаретян А.П. Человеческий интеллект в развивающейся вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1990. С. 211–212.

⁴ Общая теория национальной безопасности. М., 2002. С. 111.

⁵ Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. С.98.

⁶ Пропагандисты и аналитики: “мозговые центры” и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. № 2. С. 64–89.

⁷ Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 871–873.

⁸ Современный словарь по политологии. М.: Книжный дом, 2003. С. 255.

⁹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 1992. Т. 2. С. 298.

¹⁰ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1992. С. 115.

¹¹ Кременюк В.А. Дипломатия в контексте реформ // Независимая газета. 2003. 14 февраля.

¹² Строев Е.С. Вступительное слово на круглом столе “Экономическая политика в Российской Федерации: необходимость корректировки” 14 мая 1996 г. Совет Федерации // ПОЛИС. 1996. № 4. С. 17.

Обеспечение национальной безопасности России в военной сфере

Правовые проблемы

Валерий Бекетов,
кандидат философских наук

Основой деятельности развитого и цивилизованного государства, а соответственно и его институтов является нормы внутреннего и международного права, с учетом требований которых строится и обеспечивается национальная безопасность страны в военной сфере. Среди основных направлений деятельности Российской Федерации в сфере военной безопасности особое место занимает создание законодательных основ и правовых норм обеспечения военной безопасности.

Вполне уместно процитировать выводы из анализа ситуации в мире Президентом России В.В. Путиным в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации (май 2006 г.): “Для уверенного, спокойного решения вопросов мирной жизни мы должны найти убедительные ответы на угрозы в сфере национальной безопасности.

На фоне активно идущего переустройства мира появилось множество новых проблем, с которыми реально сталкивается наша страна. Эти угрозы менее предсказуемы, чем прежние, и уровень их опасности в полной мере до конца не осознан.

В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространению на зону наших жизненно важных интересов.

С учетом всего сказанного военные и внешнеполитические доктрины России также должны дать ответ на самые актуальные вопросы, а именно: как уже в нынешних условиях и совместно с партнерами эффективно бороться не только с террором, но и с распространением ядерного, химического, бактериологического оружия, как гасить современные локальные конфликты, как преодолевать другие, новые вызовы? И, наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности будут нести ведущие мировые державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния”.

Поэтому в современных условиях укрепления российской государственности решающее значение приобретает определение приоритетных национальных интересов Российской Федерации и выделение на этой основе соответствующих внутренних и внешних угроз этим интересам.

В настоящее время решение вопросов, связанных с обеспечением национальной безопасности, выведено на уровень государственных решений, что позволяет в должной мере консолидировать социальные и политические силы в обществе и прогнозировать их дальнейшую перспективу.

Важным направлением деятельности органов государственной власти на современном этапе является укрепление правовых основ обеспечения военной безопасности в форме общеобязательных для исполнения. Таким образом закрепляется единая государственная вертикаль власти и принцип единонаучия в военной сфере.

Выявление и последующее устранение имеющихся пробелов в действующем законодательстве Российской Федерации, относящемся к регулированию правоотношений в указанной сфере, предполагает обзор и оценку имеющейся нормативной базы, ее сравнительный анализ.

Составляющие нормативно-правовую основу обеспечения национальной безопасности нормы права принято классифицировать по различным основаниям. При этом в качестве ведущих критерии чаще всего избираются два:

- принадлежность норм к той или иной отрасли права;
- различие норм по юридической силе в зависимости от их источников¹.

В первом случае выбор критерия отражает необходимость комплексного применения норм государственного, административного, гражданского, уголовного и других отраслей права в области обеспечения национальной безопасности.

Так, нормами государственного права закрепляется система государственных органов, обеспечивающих охрану общественных отношений в сфере национальной безопасности, определяется их правовой статус и компетенция.

С помощью норм административного права, в частности, за счет установления административно-правовых запретов, мер административной ответственности осуществляется исполнительно-распорядительная деятельность органов государственного управления.

Уголовно-правовые нормы позволяют определять степень опасности деяний, наносимый ими ущерб для национальной безопасности при совершении преступлений, составы которых подследственны органам Федеральной службы безопасности.

В вопросах установления материальной ответственности виновных за причинение вреда в рассматриваемой сфере могут применяться и гражданско-правовые нормы.

Классификация правовых норм по данному критерию применительно к вопросам правовых проблем обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере представляет несомненный интерес. Однако в рамках настоящей статьи, автор полагал бы, целесообразным сосредоточить внимание на применении второго критерия, с помощью которого нормы права, составляющие нормативно-правовую основу обеспечения национальной безопасности, в том числе в рассматриваемой сфере, можно подразделить на:

- международные правовые акты, определяющие общие принципы взаимоотношений государств и их институтов, соответствие внутреннего законодательства государств общепринятым мировым сообществом нормам;

- конституционные, на базе которых создается весь механизм правового регулирования;
- общегосударственные правовые акты высших органов государственной власти, являющиеся основой административно-распорядительной и уголовно-процессуальной деятельности всех исполнительных органов;
- межведомственные подзаконные акты, регламентирующие координацию и взаимодействие различных министерств и ведомств в области обеспечения национальной безопасности;
- ведомственные подзаконные акты, непосредственно регулирующие и обеспечивающие их функционирование как элемента государственного механизма (их организационное построение, порядок прохождения службы должностными лицами, властные полномочия различных уровней управления и т.д.).

На основании данной классификации возможно выделение правовых норм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в военной сфере.

Первую группу составляют международные правовые акты (конвенции, хартии, договоры, соглашения).

Отдельную подгруппу международных правовых актов образуют документы, составляющие международную правовую основу противодействия терроризму.

Особое место среди них занимают международно-правовые документы по вопросам предупреждения и пресечения захвата заложников и других террористических актов, в которых закреплено право государств применять меры пресечения данных преступлений.

Наиболее подробно вопросы проведения совместных контртеррористических операций (КТО) разработаны в странах СНГ, которые в рамках международного сотрудничества создали Антитеррористи-

ческий центр стран СНГ и разработали ряд важных документов, регламентирующих порядок проведения совместных КТО на территории данных государств.

Создание полноценной правовой основы борьбы с международным терроризмом, адекватной масштабам этого явления и современным возможностям террористов, является настоятельной необходимостью. Она существенно усиливается в связи с тем, что до настоящего времени не в полной мере искоренена политика “двойных стандартов” ряда зарубежных государств и международных неправительственных организаций в отношении силовых мер по борьбе с терроризмом, применяемых в России. По этой причине одни и те же мероприятия, проводимые Россией, США и другими государствами мира, получают различную оценку².

Эти обстоятельства требуют скрепейшего урегулирования на международном уровне вопросов правового регулирования деятельности правоохранительных органов и специальных служб. В частности, к таким неотложным проблемам, подлежащих совместному решению, следует отнести разработку общепризнанных международных стандартов:

- в области обеспечения прав и свобод личности в условиях особых правовых режимов³;
- основания допустимости ограничения прав и свобод личности при угрозе совершения террористических акций;
- основания, порядок введения особого правового режима “внутреннего вооруженного конфликта” и правового режима “контртеррористической угрозы”;
- основания, порядок и сроки информирования международной общественности о допущенных отступлениях от норм международного права;
- основания, порядок проведения контртеррористических операций на

территории иностранных государств.

Являясь правопреемником международных соглашений, заключенных СССР в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, Российской Федерации в настоящее время является участником более 60 таких соглашений, в том числе в области оказания гуманитарной помощи, которые могут применяться и при совершении террористических акций.

Вторую группу правовых норм, образуют конституционные нормы права.

Они обладают высшей юридической силой, на их основе формируется и осуществляется весь механизм правового регулирования.

В Конституции содержится целый ряд норм, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

Так, например, ст. 13 Основного закона запрещает создание и деятельность на территории нашего государства общественных объединений, имеющих направленность на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание НВФ, а также разжигание какой-либо розни.

Значение этой нормы трудно переоценить, так как внутренний вооруженный конфликт в Чеченской Республике наглядно демонстрирует во многом противоправный характер функционирующих под эгидой целого ряда общественных объединений разнообразных религиозных и просветительских организаций различного толка.

Третья группа правовых норм, содержит общегосударственные правовые акты высших органов государственной власти (федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ).

Международный опыт свидетельствует, что в большей или меньшей степени разработанности каждое государство имеет свою собственную систему

законодательства, рассчитанную на различные чрезвычайные обстоятельства, локализация и ликвидация которых требует применения наряду с другими и силовых форм и способов действий.

События последних лет показали, что в условиях нестабильной социально-экономической обстановки, опасности проведения экстремистскими силами на территории Российской Федерации новых крупномасштабных террористических акций эффективность правового регулирования тесно связана с необходимостью совершенствования правового регулирования процесса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в целом с развитием систем управления отдельными видами безопасности, а также систем управления органами государственной власти в чрезвычайных, кризисных ситуациях и иных условиях.

В то же время для обеспечения прав и свобод Конституция Российской Федерации специально оговаривает, что ограничения некоторых, наиболее важных из них, допускаются только на основании федерального закона и с санкции суда (ч. 1 ст. 56). Таким образом, Конституция однозначно ориентирована на обеспечение прав и свобод человека согласно положениям действующих международно-правовых норм.

Одним из важнейших выводов, который может быть сделан, является понимание того, что реагирование на кризисные и иные чрезвычайные обстоятельства нельзя рассматривать только как деятельность по ликвидации проявлений тех или иных угроз безопасности. Приоритетное значение имеют предотвращение и нейтрализация угроз безопасности на ранних стадиях развития конфликтных отношений, заблаговременное создание организационного механизма антикризис-

ного управления, разработка и своевременная реализация эффективных мер по урегулированию и разрешению конфликтного противоборства, доходящего нередко до крайней формы – вооруженного конфликта.

Правовое регулирование в этих условиях может идти по двум взаимосвязанным направлениям:

во-первых, в рамках особых правовых режимов, вводимых для обеспечения принимаемых государством мер по восстановлению конституционного порядка и безопасности, опираясь на правовые нормы;

во-вторых, за счет непосредственной регламентации их на законодательном уровне.

В действующем законодательстве эти вопросы пока не решены. Нет норм права, в которых были бы даны соответствующие понятия и определения. Не сформулированы стратегия, принципы и методы такой деятельности, не определена система необходимых для этого сил и средств.

Учитывая неготовность общественного мнения к ограничению прав и свобод граждан при нарастании степени угрозы безопасности личности, обществу и государству с применением силовыми структурами государства адекватных мер борьбы с насильственными посягательствами на национальную безопасность, представляется правомерным их регулирование в этих условиях, именно на законодательном уровне.

Такой вывод основывается на опыте предупреждения и пресечения террористических акций, имевших место в 1999–2006 гг. на территории России. Этот опыт свидетельствует, что система национальной безопасности Российской Федерации пока не полностью справляется с постоянным ростом источников опасностей, выработкой ре-

шений по своевременному выявлению и блокированию такого рода угроз.

Основная причина такого положения – низкая эффективность взаимодействия органов управления и сил обеспечения безопасности, существенный разрыв в правовом обеспечении функционирования системы обеспечения национальной безопасности в повседневных условиях и пока еще несовершенной системы управления государственным механизмом в кризисных и конфликтных ситуациях, действиями органов исполнительной власти при пресечении крупномасштабных актов терроризма и иных насильственных посягательств на конституционный строй.

Показательными в этом смысле представляются отзывы специалистов Главного правового управления Администрации Президента РФ и Правового управления Правительства РФ на проект федерального закона "О противодействии терроризму", а также дискуссия среди депутатов Государственной Думы, состоявшаяся в феврале 2006 г. при его обсуждении.

Возражение депутатов вызвало включение в проект закона нормы, предусматривающей ограничение ряда прав и свобод граждан при введении нового для российского законодательства административно-правового режима – "режима контртеррористической опасности".

Посчитав, что такие ограничительные правовые нормы являются составной частью правовых установлений режима чрезвычайного положения, депутаты исключили их из проекта.

Одновременно из поля правового регулирования выпали другие меры, предложенные в проекте закона применительно к введению режима контртеррористической опасности, а именно меры, направленные на повышение уровня готовности сил и средств общегосударственной системы противодействия терроризму при получении (поступлении) информации о готовящемся преступлении.

В законодательстве США и в других зарубежных странах довольно под-

робно регламентируются действия сил специальных операций.

Деятельность спецслужб и армейских органов управления в кризисных ситуациях также находит отражение в подзаконных нормативных правовых актах. Характерно, что существенное место в данных документах отводится вопросам правовой защищенности и поддержанию дееспособности сил обеспечения правопорядка по недопущению и срыву готовящихся актов терроризма⁴.

Анализ в рассматриваемой сфере правоотношений показывают, что недостаточная результативность деятельности государственных структур, участвующих в обеспечении национальной безопасности, во многом объясняются отсутствием системности в разработке правовых основ регулирования и разрешения существующих в российском обществе противоречий, прежде всего, способных принять форму социально-политических кризисов и конфликтов.

В нормативных правовых актах по вопросам национальной безопасности (таких, например, как Закон Российской Федерации "О безопасности", Концепция национальной безопасности Российской Федерации) проблемы управления безопасностью в условиях социально-политических кризисов и конфликтов практически не рассматриваются. В ряде законодательных актов данные вопросы связываются преимущественно с механизмом обеспечения особых правовых режимов (режима чрезвычайного положения и режима военного положения), в которых только перечисляются задачи и отдельные функции органов исполнительной власти в исполнительный период.

Постепенно в Российской Федерации сложилась практика создания автономных систем управления деятельностью органов исполнительной власти, предназначенных для предупреж-

дения и нейтрализации отдельных угроз безопасности.

Примерами таких систем являются Единая общегосударственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера; система управления органами исполнительной власти при проведении контртеррористических операций.

При всей положительной направленности создаваемых систем управления нельзя не отметить их ограниченный характер, а также отсутствие прочной правовой основы деятельности органов исполнительной власти, призванных обеспечить в этих условиях безопасность граждан и защиту конституционного строя страны.

В настоящее время к числу чрезвычайных правовых режимов обеспечения национальной безопасности, закрепленных в действующих законодательных актах, можно отнести:

- правовой режим чрезвычайного положения;
- правовой режим военного положения;
- специальный правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции;
- правовой режим чрезвычайной ситуации Единой общегосударственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

Названные законодательные акты образуют особую группу нормативных правовых актов в системе российского законодательства, что послужило основанием отнесения их некоторыми юристами к так называемому "чрезвычайному законодательству".

Отличительной особенностью такого законодательства является его нацеленность на правовое урегулирование отношений, возникающих при наступ-

лении определенного рода экстраординарных, экстремальных, чрезвычайных и иных особых обстоятельств.

Характеризуя "чрезвычайное законодательство", А.В.Милехин отмечает, что оно основывается на соответствии нормам международного права, является составной частью обычного законодательства и базируется на нем, обладает системным характером, вступает в силу на определенный срок при наступлении чрезвычайных ситуаций мирного или военного времени, предусматривает ограничение конституционных прав и свобод определенного вида субъектов права.

В целом, можно согласиться с идеей выделения в действующем законодательстве особой группы правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности личности, общества и государства при наступлении особых (чрезвычайных) обстоятельств. Однако нельзя не заметить при этом наметившийся в последние годы в юридической теории и практике несколько суженный подход к решению данной проблемы.

Во-первых, как указывалось выше, при оценке "чрезвычайных" правовых актов большинство исследователей отмечают, прежде всего, ограничительный характер вводимых на определенный период правовых норм в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Данное обстоятельство закреплено и в основополагающих правовых актах, связанных с обеспечением чрезвычайных правовых режимов (чрезвычайного положения и военного положения). И это вполне правомерно, так как Конституция РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в любых условиях обстановки.

Однако такие ограничения не являются целью введения названных выше

правовых режимов и не выражают их сущность.

К таким целям в указанных выше правовых актах отнесены – устранение обстоятельств, послуживших основанием для их введения, обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, защита конституционного строя Российской Федерации (ст.2 ФКЗ "О чрезвычайном положении"), а также создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации (ст. 1 ФКЗ "О военном положении"). При этом Закон о чрезвычайном положении допускает возможность компетентным органам вводить отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возлагать на них дополнительные обязанности.

Однако из этого вовсе не следует императивность введения подобного рода ограничений. В зависимости от складывающейся в зоне действия режима чрезвычайного положения ситуации перечень вводимых режимных ограничений может быть значительно сужен по сравнению с комплексом мер, закрепленном в Законе о чрезвычайном положении.

Во-вторых, сравнительный анализ положений, закрепленных в ст. 2 и гл. 3 Закона "О чрезвычайном положении", показывает, что его содержание не в полной мере отражает заявленную цель.

В гл. 3 Закона, названной "Меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения", излагаются в основном меры по обеспечению правового режима чрезвычайного положения, которые именуются в юридической теории как "обеспечительные" меры. В то же время конкретных мер уполномоченных органов, направленных на подавление вооруженного мятежа, ликвидацию и нейтрализацию социальных конфликтов, пресечение попыток насилиственного изменения конституционного строя Российской

Федерации и других насильственных посягательств, явившихся основанием для введения режима чрезвычайного положения (п. "а" ст. 3 ФКЗ), данный федеральный конституционный закон не предусматривает.

Только в п.п. "в" и "г" ст. 17 говорится о том, что Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы выполняют задачи по разъединению противоборствующих сторон, участвующих в конфликтах, сопровождающихся насильственными действиями с применением оружия, боевой и специальной техники, а также привлекаются для участия в пресечении деятельности незаконных вооруженных формирований (НВФ).

В-третьих, юридический анализ формулировок названных выше п.п. "в" и "г" ст. 17 ФКЗ "О чрезвычайном положении" свидетельствует, что правовые основания применения государством военной силы прописаны совершенно неконкретно. Они не придают действиям должностных лиц правоохранительных органов и военнослужащих действенную правовую основу. Закон должен содержать юридически выверенные положения, которые предоставляют в строго установленных случаях правоохранительным органам и военнослужащим право применять физическую силу, специальные средства, оружие, боевую и специальную технику, в том числе и для крайних форм пресечения их деятельности.

В-четвертых, в законе "О чрезвычайном положении" не решена проблема правового статуса органов особого управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение.

Из смысла положений ст.ст. 22–26 вытекает, что к таким органам передаются полностью или частично полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (временный специальный орган управления) или они могут осуществлять функции органов государствен-

ной власти субъекта Российской Федерации (федеральный орган управления).

Названные органы наделяются также дополнительными полномочиями по обеспечению режима чрезвычайного положения.

При этом в ст. 26 Закона указывается, что органы особого управления вправе издавать в пределах своих полномочий обязательные для исполнения на соответствующей территории приказы и распоряжения, но только по вопросам обеспечения режима чрезвычайного положения.

Организации, должностные лица и граждане обязаны оказывать всемерную поддержку этим органам и выполнять приказы и распоряжения по этим вопросам.

Такая конкретизация нормативно-правовых актов, издаваемых органами особого управления, по существу отрицает возможность объявления ими правовых актов по реализации полномочий органов власти субъекта Российской Федерации для нормализации обстановки в предусмотренных ст. ст. 24 и 25 случаях.

В первую очередь, это относится к экономической сфере, обеспечению жизнедеятельности населения.

В Законе не приводится перечень нормативно-правовых актов, которые уполномоченные органы вправе издавать по вопросам, относящимся к полномочиям субъекта Российской Федерации. Не ясен также вопрос: вправе ли такие органы издавать иные нормативные правовые акты, не относящиеся к обеспечению режима чрезвычайного положения.

Введя правовую норму, предусматривающую формирование в случае необходимости федерального органа управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение, законодатель не наделил данный орган полномочиями, которыми он должен обладать как федеральный орган исполнительной власти. При этом следует учитывать, что в обеспечении режима чрезвычайного положения и восстановлении конституционного порядка и

безопасности, реализации хозяйственных, социальных, других функций и задач принимают участие различные федеральные органы исполнительной власти.

Вполне очевидна потребность наделения такого органа полномочиями, характерными именно для федерального органа исполнительной власти, уполномочивающего его не только координировать, но и управлять деятельностью всех органов исполнительной власти федерального и регионального уровня, действующих в зоне чрезвычайного положения. Представляется, что перечень таких полномочий временных органов управления должен быть закреплен специальным законом и в зависимости от характера развития обстановки в регионе конкретно определяться в Положении, утверждаемом Президентом Российской Федерации, как это указывается в ст.ст. 24–25 Закона.

Целесообразно также возложить на органы особого управления территории, на которой введено чрезвычайное положение, ответственность за реализацию мер по пресечению актов терроризма, иных насильственных посягательств на конституционный строй, обеспечение жизнедеятельности населения в зоне чрезвычайного положения.

В-пятых, для обеспечения единственного управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение, требует уточнения правовой статус ответственных должностных лиц органов особого управления: руководителя органа особого управления, военного коменданта, руководителя объединенного оперативного штаба. В законе “О чрезвычайном положении” не определены меры, которые вправе применять руководитель органа особого управления по урегулированию конфликтной ситуации социально-политического характера.

Применительно к урегулированию социальных конфликтов Закон не пре-

дусматривает возможности использования для стабилизации общественно-политической обстановки в зоне чрезвычайного положения мер, применяемых для ликвидации чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, предусмотренных п.п. “в”, “г”, “д” ст. 13.

Следует отметить, что для восстановления конституционного порядка и безопасности в зоне проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики органы исполнительной власти были вынуждены использовать ряд таких мер. В частности, привлекать ресурсы государственного материального резерва и других организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, изменять характер производственно-хозяйственной деятельности предприятий и режим их работы, переориентировать указанные предприятия на производство необходимой в сложившихся условиях продукции.

К другим важным мерам, применение которых также целесообразно и в условиях социальных конфликтов, можно отнести: отстранение от работы на период действия режима чрезвычайного положения руководителей государственных организаций в связи с ненадлежащим исполнением указанными руководителями своих обязанностей и назначение других лиц временно исполняющими обязанности указанных руководителей; отстранение от работы на период действия чрезвычайного положения руководителей негосударственных организаций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением ими мер по запрещению забастовок и иных действий в целях приостановления или прекращения деятельности организаций (п.п. “г”, “д” ст. 13 Закона).

В-шестых, из содержания ст. 19 закона “О чрезвычайном положении” не усматриваются полномочия создавае-

мого для координации действий сил и средств, обеспечивающих режим чрезвычайного положения, объединенного оперативного штаба в реализации мер по пресечению угроз национальной безопасности.

Исходя из сложившейся практики возложения руководства объединенным оперативным штабом по управлению контртеррористической операцией на представителя ФСБ России или МВД России (в зависимости от сферы компетенции, к которой относится разрешение возникшей ситуации), не со-

всем ясна необходимость его образования в составе комендатуры и назначения в качестве руководителя объединенного оперативного штаба коменданта территории.

В целом же можно согласиться с мнением ряда авторов, считающих, что сам по себе закон “О чрезвычайном положении” не может устраниТЬ причины чрезвычайных обстоятельств. Это вызывает необходимость законодательного урегулирования социальных противоречий, приобретающих форму насильтственных конфликтов.

Подводя итог изложенным выше выводам, необходимо подчеркнуть, что правовое регулирование во многом зависит от проблемы введения или нет того правового режима, который должен соответствовать характеру угроз и опасностей, возникающих в этот период.

При этом следует учитывать, что в некоторых субъектах Российской Федерации “чрезвычайное законодательство” не может быть применено в ситуациях, когда острота возникших социально-политических и социально-экономических противоречий, масштабы насильтственных посягательств на жизненно важные интересы личности, общества и государства уже достигли критического уровня, который может служить основанием для введения режима чрезвычайного положения, однако, по тем или иным причинам и, прежде всего, политическим введение такого режима нецелесообразно.

В то же время наличие реальных, непосредственных насильтственных посягательств и угроз требует от правоохранительных органов и других силовых структур незамедлительных действий по ихнейтрализации. Именно такая обстановка складывалась в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. и в 1999–2001 гг., когда действия российских силовых структур по существу оказались в “внеправовом” пространстве.

Примечания

¹ Туманов Г.А., Фризко В.И. Общественная безопасность и ее обеспечение в экстремальных условиях // Советское государство и право. 1989. № 8. С. 19–27.

² Иванов С.Б. Россия НАТО: стратегические партнеры перед лицом новых угроз // Право и безопасность. 2004. № 3. С. 47–52.; Максимов О.М. Права человека в современной России // Власть. 2003. № 10. С. 6–7.

³ Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М., 2006. С. 415.

⁴ Свод законов США П. 1 § 5122 ст. 42; закон США “О внутренней безопасности”; закон Великобритании “Об общественном порядке”; закон Франции “О свободе прессы”; закон США “О контроле над преступностью и общественной безопасностью”; закон Великобритании “О предотвращении терроризма”; закон Канады “О чрезвычайном положении”.

Глобальные вызовы, угрозы и риски безопасности

Константин Кокунов

Основополагающим в рассматриваемом контексте является понятие “безопасность”.

В общем виде **безопасность** (чего-либо или кого либо) понимается как отсутствие угрозы или наличие возможности надежно защититься от нее*.

Поскольку отсутствие угроз – недостижимый идеал для нашего опасного мира, то безопасность можно определить, как возможность нейтрализовать негативные, вредные или нежелательные воздействия. Применительно к объекту (артефакту, системе, организации, социуму) безопасность означает недопущение материального вреда и/или дестабилизации в целях его ликвидации, а применительно к субъекту (человеку) – предотвращение физического, психического, морального или материального ущерба.

Итак, понятие “безопасность” замыкается на понятии “угроза”, которая в свою очередь имеет следующую производную “цепочку”: “опасность” – “вызов” – “риск”. Эта градация терминологически вполне устоялась и известна в политологии как “лестница эскалации”, а именно:

Угроза – реальное намерение и возможность нанесения ущерба национальным интересам, в том числе с помощью военной силы (угроза в отличие от опасности, включает в себя не только объективную возможность нанесения ущерба, но и субъективное намерение).

Опасность – наличие объективной возможности нанесения ущерба национальным интересам, в том числе с помощью силы (объективная возможность ущерба).

Вызов – противодействие реализации интересов безопасности государства, не перераставшее в военный конфликт.

Риск – высокая вероятность возникновения ситуаций, способных помешать достижению целей безопасности, в том числе в военной области.

Обращает на себя внимание акцентирование военного фактора во всех данных определениях.

Это не случайно.

* Подобное понимание восходит к Платону, трактовавшему безопасность как “предотвращение вреда”.

Само понятие “безопасность государства” эволюционировало, предполагая защищенность именно от военных угроз.

Исторически сложилось так, что международные отношения веками строились как отношения, направленные на распределение и перераспределение сфер влияния, ресурсов и т.д., а силовой фактор и военная мощь были при этом доминирующими (на них чаще всего и базировался дипломатический успех)¹.

Со второй половины XX в. стала набирать силу тенденция к утрате “силовым фактором” своей роли фундамента мировой политики и замещения его политическими инструментами.

Принципиально важным является в этой связи понимание того, что безопасность государства в современных условиях прямо зависит от безопасности всего международного сообщества в целом или от *международной безопасности*. Последнюю в соответствии с общим определением безопасности можно определить как защищенность системы международных отношений от угрозы их дестабилизации, конфронтации, вооруженных войн и конфликтов (например, как “состояние международных отношений, исключающее нарушение всеобщего мира или создание угрозы безопасности народов, в какой бы то ни было форме”²).

Международная безопасность подразделяется на глобальную (всеобщую) и региональную (континентальную) безопасность (при этом строгого различия между ними не делают: понятием “международная” безопасность обозначают и глобальную, и региональную безопасность, и наоборот).

ВХХ в. осознание необходимости наращивать и координировать совместные усилия по обеспечению международной безопасности и кон-

кретные шаги в этом направлении привели к появлению такого термина как “*коллективная безопасность*”. Коллективная безопасность – это метод обеспечения международной безопасности.

Под коллективной безопасностью понимают сотрудничество государств по поддержанию международного мира, а в случае необходимости – по давлению на акты агрессии и оказанию коллективной помощи, в том числе и вооруженной, ее жертве в рамках международных организаций³.

Следует отметить, что на данном этапе главным инструментом сохранения мира на планете служат меры, предусмотренные Уставом ООН как основы глобальной системы коллективной безопасности. Приоритет ООН в этой сфере неоспорим. Действия региональных организаций не могут противоречить действиям ООН как организации всеобщей безопасности, а Совет Безопасности ООН должен быть полностью информирован как об осуществляемых, так и намечаемых на основе региональных соглашений мер (региональная организация безопасности может применять принудительные меры и под прямым руководством Совета Безопасности ООН).

Теоретически, на основе коллективной безопасности можно выстроить несколько видов систем, которые имеют как свои преимущества, так и недостатки. В отличие от традиционных концепций баланса сил современные концепции акцентируют роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, налаживания регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработки механизма консультаций и принятия решений и т.д.⁴.

По мнению российских и зарубежных ученых-международников (С.Черниченко, М.Робинсон), в качестве ключевых элементов формирующейся си-

стемы международных отношений выступают признание демократических принципов, необходимость соблюдения прав человека, обеспечение верховенства права в качестве общих ценностей⁵.

Завершая рассмотрение основных понятийных инструментов международной (глобальной) безопасности, следует выделить две ключевые особенности, которые принципиально отличают состояние сферы этой безопасности от ее состояний в предшествующие исторические эпохи и периоды.

Во-первых, осознание того, что сегодня ни одно государство в одиночку не способно обеспечить свою безопасность, что нестабильность одного региона из-за наличия в нем очагов напряженности или конфликта может стать всеобщей и поэтому в решении вопросов собственной и всеобщей безопасности страны должны полагаться, в первую очередь, на международное сотрудничество, неделимость безопасности.

В этом плане показателен пример арабо-израильского противостояния на Ближнем Востоке, которое по-прежнему остается самым серьезным вызовом всеобщему миру. В годы "холодной" войны вмешательство великих держав в ближневосточный конфликт неоднократно грозило перерасти во всеобщий конфликт, возможно - ядерный.

Так, Советский Союз был реально готов использовать силу против Израиля для того, чтобы помочь Египту – в 1956, 1967, 1970, 1973 гг., Сирии – в 1957, 1967, 1973, 1982–1983 гг.

Эта готовность достигла своего апогея в начале 70-х годов: во время так называемой войны "судного дня" на Ближнем Востоке в 1973 г.

СССР привел в состояние полной боевой готовности 7 воздушно-десантных дивизий, планируя направить их для спасения окруженнной израильтянами на полуострове Синай египетской группировки, довел чис-

ленность своих военно-морских сил в Средиземноморье до 100 военных кораблей и создал крупномасштабный "воздушный мост" для поставок арабам техники и вооружений.

Естественно, что западные союзники Израиля во главе с США должны были реагировать адекватно, и лишь дипломатия уберегла тогда весь мир от новой войны.

Конечно, хотя эпоха противостояния сверхдержав в лице СССР и США ушла в прошлое, острота ближневосточного конфликта не спала, а его решение еще более усложнилось в связи с активизацией исламского фактора и общим ухудшением ситуации на Ближнем и Среднем Востоке⁶.

Во-вторых, диверсификация, многообразие и комплексность проявлений глобализации ведет, в свою очередь, к многообразию и множественности угроз безопасности. Поэтому, последняя стала многосоставной, а система ее обеспечения – разветвленной, многоотраслевой: государства принимают документы, регулирующие не только сферу национальной безопасности в целом, (например, Концепция национальной безопасности России), но и отдельные ее оставляющие (пример – Доктрина информационной безопасности России), а на глобальном и региональном уровнях в рамках ООН и региональных международных организаций давно существуют специализированные программы по уменьшению или отражению тех или иных угроз.

С учетом общей глобальной основы выявились необходимость изучать и прогнозировать угрозы и вызовы безопасности в рамках отдельного научного направления. И такое направление, быстро обретающее признаки самостоятельной отрасли, науки возникло в 60-е годы. Оно получило название "глобалистика" или наука о глобальном мире и его проблемах. Следует отметить, что одной из особенностей ее методологии является концентрация на

разработке управленческих решений по развязыванию “проблемных узлов” современности, преодолению кризисов, конфликтов и т.д.

В настоящее время, по мнению большинства специалистов, глобальными проблемами можно считать следующие⁷:

- сохранение мира, укрепление всеобъемлющей безопасности и разоружение;
- перенаселение планеты, реализацию разумной демографической политики;
- ликвидацию отсталости, растущего разрыва в уровне развития стран;
- преодоление экологического кризиса, переход к устойчивому развитию;
- борьбу с голодом, нищетой и болезнями;
- рациональное использование минерально-сырьевых ресурсов;

– использование Мирового океана и космического пространства в интересах всего мирового сообщества.

С углублением процессов глобализации связано и нарастание ряда социальных и других проблем, которые для глобалистики с учетом ее относительной “молодости” являются новыми, но существовали и ранее – в меньших масштабах и степени, без интернационализации. Сегодня эти проблемы усугубились и приобрели новые размахи и “качество”, став трансграничными, транснациональными. К составляющим этой группы, в первую очередь, следует отнести:

- рост организованной транснациональной, трансграничной преступности;

– распространение наркотиков;

– нелегальная, “нетрудовая” иммиграция и в целом комплекс вопросов иммиграционной политики и так называемой “социальной адаптации” иммигрантов.

Все больше российских и зарубежных ученых относят к числу глобальных проблем и такие, как проблемы науки и научно-технического прогресса (прежде всего – контроль за ними, недопущения их превращения в “вещь в себе”), развития самого человека (преодоление духовно-нравственного и морального кризиса, имеющей разные основания враждебности людей друг к другу, вопросы становления новой гуманистической этики и т.д.), а также кризис современной системы образования.

Среди новых или относительно новых глобальных угроз необходимо выделить международный терроризм, поскольку последний способен подорвать и уже серьезно дестабилизирует обстановку как в мире в целом, так и в регионах, отдельных государствах. Особое внимание необходимо обратить на создание террористами транснациональных финансовых сетей, смычку с наркобизнесом, организованной преступностью.

В целом, достаточно прочно утверждилось разделение современных угроз и вызовов на так называемые “твёрдые” (*“hard threats”*) – терроризм, распространение ОМУ, организованная преступность – и мягкие (*“soft threats”*) – конфликты, бедность, болезни, деградация окружающей среды и др.⁸.

Подводя итог краткой характеристике основных глобальных угроз и вызовов, целесообразно еще раз подчеркнуть, что большинство глобальных проблем не существуют сами по себе, они тесно переплетаются, взаимно дополняя друг друга и усложняя их решение. Практически невозможно, например, разделить такие проблемы, как разрыв между богатым Севером и бедным Югом, преодоление голода и нищеты, перенаселения планеты и преодоления экологического кризиса.

Современный мировой экономический порядок представляет собой невиданную за всю историю систему расслоения социально-экономического положения человечества. Разрыв между богатыми и бедными постоянно увеличивается. Народы все меньше и меньше верят заявлениям и обещаниям международных финансовых учреждений об улучшении ситуации.

И все же мир глобализации дает повод для определенного оптимизма. Залог решения глобальных проблем – это, прежде всего, скоординированные усилия всего мирового сообщества, взаимная помощь и поддержка, экспертная проработка проблем.

Интеграция и интернационализация в системе глобальных экономических и политических связей, либерализация, гуманизация международных отношений создают необходимую внешнеполитическую основу для всестороннего сотрудничества, а внутренняя демократизация обеспечивает национальный консенсус в понимании необходимости участия в такого рода сотрудничестве и затрат части национальных ресурсов на его развитие.

По данным ООН, то, что в 1980 г. представляло собой элитную группу из 37 государств (при общем количестве 121 государства-членов) превратилось в 1998 г. в клуб, насчитывающий 117 г. из 193 государства-членов. На основе этого можно считать, что 55% населения мира живет в условиях демократии⁹.

Тем не менее, до единого демократического всепланетарного мышления и единства действий еще очень далеко.

В этой связи принципиально важным представляется мнение американского ученого, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2001 г. Джозефа Ю. Стиглица, который считает, что наиболее фундаментальным изменением, необходимым для того, чтобы глобализация работала должным образом, является изменением системы управления. При сохранении роли государства и разнообразии моделей развития процесс глобализации может быть изменен для позитивной реализации его потенциала в интересах большинства.

“Главное – это не сами институты, а умонастроения в них”¹⁰, – подчеркнул американский ученый. Его мысль проста и логична: для решения глобальных проблем, прежде всего обеспечения устойчивого развития, здоровой среды обитания, борьбы с бедностью и кризисами, национальные и международная элиты должны проникнуться духом общего интереса, стать более альтруистичными, гуманными и демократичными.

Примечания

¹ Лебедева М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 44.

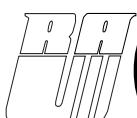
² Дипломатический словарь. В 3-х томах. Издание 4-е, перераб. и дополн / Гл. ред. А.А.Громыко и др. М.: Наука, 1984. Т. I. С. 141.

³ Военный энциклопедический словарь / Председатель главной редакционной комиссии Маршал Советского Союза Н.Огарков. М.: Военное издательство, 1984. С. 340.

⁴ Петровский В. Механизмы безопасности в АТР: новые вызовы, новые возможности // Проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Дипломатическая академия МИД России, 1999. С. 89–90.

⁵ Курбанов Т. Переход от безопасности государства к безопасности личности // Актуальные проблемы международных отношений в начале XXI в. М.: Научная книга, 2004. С. 375.

- ⁶ Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993. С. 156.
- ⁷ Тураев В. Глобальные вызовы человечеству. М.: Логос, 2002. С. 15; Stryjski K.J. Miedzynarodowe Stosunki Polityczne // Wyzsza Szkoła Studiów Miedzynarodowych: Łódź, 2003. S.70.
- ⁸ Петровский В. Триада стратегической безопасности глобального сообщества. М.: Издательство "Огни ТД", 2005. С. 12.
- ⁹ Войтоловский Ф. Западные концепции политической глобализации: общей теории никто не строит // Международные процессы. 2003. № 3. Сентябрь-октябрь. С. 64.
- ¹⁰ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г.Пирогова. М.: Мысль, 2003. С. 251.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2007 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Глобальные проблемы в контексте современных тенденций мировой политики

Георгий Рудов,

доктор политических наук,

Александр Задохин,

доктор политических наук, профессор

Одним из заявленных приоритетов внешней политики России является ее участие в решении глобальных проблем человеческой цивилизации и развитии международного сотрудничества на этом направлении.

Рассматривая вопрос о “глобальных проблемах человечества”, то есть тех проблем, от которых зависит будущее человеческой цивилизации и самого человека, необходимо определиться с типологизацией и иерархией этих проблем. Методологически – это соотношение частного и общего, первоочередности решения человечеством той или иной проблемы и необходимости соучастия в ее решении всех стран и народов. Типологизация, требующих своего разрешения “глобальных проблем человечества”, может быть такова:

- проблемы, связанные с природными (геологическими и биологическим) процессами, протекающими на Земле и в космосе;
- проблемы, возникающие как следствие естественной (неосознанной) деятельности человека как части живой земной природы, но имеющей свою видовую специфику;

– проблемы, возникшие как результат осознанной деятельности человека, то есть деятельности с определенными и конкретными целями, направленными на изменение геологической и биологической среды его обитания;

– проблемы, связанные с политической, в том числе международной деятельностью человека и человеческих групп как особого рода социальной деятельности человека, приобретшей самостоятельный характер;

– проблемы, связанные с определением направления будущего развития человеческой цивилизации.

Следует учитывать, что описание глобальных проблем человечества, их иерархия и подходы к их разрешению неизбежно имеют определенный субъективный смысл и политический контекст. Осознание глобальной масштабности проблем выживания человеческой цивилизации связано не только с необходимостью их решения, но и

особенностями развития общественного сознания, что придает их иерархии особый аспект. Дело в том, что глобальные проблемы требуют политических решений как на национальном, так и наднациональном уровнях. Другими словами, очевидное не означает вероятное, ибо во многом зависит от субъективной воли политических элит и сотрудничества их между собой.

Отношение к “глобальным проблемам человечества” преломляется через национальное восприятие каждого отдельного государства и народа внешней реальности. В результате этого указанные проблемы зачастую объективно и субъективно отодвигаются на периферию его политики или не осознаются вообще. С одной стороны, обремененные собственными проблемами развивающиеся страны реально не могут участвовать в решении “глобальных проблем” и считают, что эти проблемы должны решать страны западного сообщества, которые, по их мнению, и создали эти проблемы, а с другой – западные государства находят возможность упрекать правительства развивающихся государств в их иррациональной и, даже в ряде случаев, опасной для человечества политике – отношению к природной среде обитания.

Есть и такие государства, которые по тем или иным причинам обособляют себя от мирового сообщества и ответственно от глобальных проблем.

Кроме того, вопрос о “глобальных проблемах человечества” приобретает характер аргумента или контраргумента в отношениях между государствами, а в период “холодной” войны еще и аргументом в идеологической борьбе двух социально-политических систем, каждая из которых предлагала свой концептуальный подход к разрешению данных проблем.

Введение в оборот политической лексики категории “глобальные проблемы

человеческой цивилизации” связано не только с их осознанием, но необходимостью найти ту сферу международного сотрудничества, которая бы позволила консолидировать человечество перед лицом общих опасностей, нейтрализовать и ослабить остроту соперничества на международной арене, которое в период “холодной” войны поставило человечество на грань гибели.

Таким образом, вопрос решения “глобальных проблем человечества”, выйдя за рамки научных дискуссий, окончательно становится частью мировой политики и международных отношений. Этому способствует и переосмысление политологами концептуальных основ международной и национальной безопасности после окончания “холодной” войны.

Значительно расширен ряд угроз и вызовов. Теперь обеспечение международной, глобальной и национальной безопасности, а главное – перспективы развития человеческой цивилизации связывают с решением глобальных проблем человечества. Это придает последним большую остроту, тот высший приоритет как в национальной политике, так и мировой, направляя деятельность государств и международного сообщества на обеспечение безопасности непосредственно человека и общества вне их принадлежности к тем или иным политическим системам и идеологиям.

В то же время сохраняющийся приоритетный статус национального государства в международных отношениях – в процессе принятия международных консолидированных решений – становится в определенных случаях препятствием в решении глобальных проблем. Более того, в ряде случаев внутренняя и внешняя политика отдельного государства, группы государств может создавать глобальные проблемы или усугублять их.

В конце XX в. на базе концепции “транснациональной безопасности” как альтернативы традиционной концепции национальной безопасности возникло понятие “человеческой безопасности” (*human security*).

Эта концепция, констатируя наличие глобальных проблем и не подвергая сомнению легитимность существующей системы суверенных государств, подходит к их разрешению с новых позиций.

Концепция человеческой безопасности обращается к этим проблемам напрямую, минуя государство. Таким образом, такой концептуальный подход выражает особое понимание безопасности, отдающее приоритет проблеме сохранения человека и развития его особых человеческих качеств, обеспечения прав личности перед суверенитетом государств вплоть до вмешательства во внутренние дела государства для защиты личности. Но как и сами глобальные проблемы, так и подходы к их решению могут использоваться для давления и несанкционированного ООН вмешательства во внутренние дела суверенных государств, что представляет уже угрозу самой организации системы международных отношений.

Несмотря на неоднозначность указанного подхода к существующему статусу суверенного государства, данная антропоцентрическая концепция повышает ответственность государства за безопасность своих граждан, в том числе каждой отдельной личности. В определенной степени это вызов государству или тем государствам, которые не справляются со своими функциями организации и управления вверенного им части планетарного пространства. При такой постановке вопроса речь идет не о национальных интересах, которые зачастую (или преимущественно?) сводятся к интересам политических властных и экономических элит, а

об интересах человеческой цивилизации в целом или о выживании человека как вида.

Сейчас глобальные проблемы понимаются иначе, чем в середине 70-х годов XX столетия, когда о них заговорили. В XXI в. становится очевидным, что все более глобализирующаяся деятельность человека (индустриализация и урбанизация планеты) негативно сказывается не только на среде обитания человека, но на нем самом, то есть чревата непрогнозируемой по своим последствиям мутацией вида.

Новое содержание приобретает демографическая проблема.

В разных странах она носит противоположный характер – перенаселение (большинство развивающихся стран) и депопуляция развитых стран, сопровождающаяся миграцией населения из стран Востока в страны Запада, что ведет к перегреванию социально-экономических систем и изменению культурного пространства западных государств, что создает условия для возникновения конфликтов на социальной, этнической и расовой почве.

Притом, что именно категория “глобальные” проблемы” предшествовала появлению категории “глобализация”, осознание нового качества и нового уровня взаимозависимости глобальных проблем приходит после распада bipolarной системы международных отношений и глобализации. Прекращение тотальной конфронтации сверхдержав в силу исчезновения одной из них – СССР не только не способствовало решению глобальных проблем или хотя бы продвижению в этом направлении, например, через конверсию военных производств и бюджетов государств, но и породило новые проблемы глобального характера, такие как международный терроризм и трансграничная преступность, масштабная нелегальная миграция и кон-

трабанда людей, контрабанда наркотиков и оружия проблемы и т.д.

Безусловно, названные проблемы существовали и в период биполярной системы международных отношений, но при ее распаде они приобрели именно глобальный характер и еще более обострились. В то же время усилилась мощь единственной сверхдержавы, которая пытается не только монополизировать формирование режима международной безопасности, но и подчинить в чем-то этот процесс своим интересам.

Очевидно, что глобальные проблемы имеют системный характер, то есть являются следствием не только деятельности того или иного государства или группы государств, но и следствием глобальной деятельности человечества и планетарной эволюции. Поэтому решение глобальных проблем требует не только международного сотрудничества, а также ответственности каждого государства и народа перед международным сообществом, но и системного подхода.

Так, осмысление взаимосвязи глобальных проблем и стремление к преодолению конфликта человека и природы, а также конфликта интересов государств в разрешении глобальных проблем человечества оформляется в “Концепцию устойчивого развития”.

Появление этой концепция, а затем программы ООН по устойчивому развитию человечества связано с попыткой системного ответа на глобальные вызовы человеческой эволюции.

Суть концепции устойчивого развития выражается в ориентации человека и человеческих групп на модели поведения и самоорганизации альтернативные разрушающим формам политической, экономической и интеллектуальной деятельности, конфликтным и целям экспансионистским эгоистич-

ным установкам во внутренней и внешней политике.

Концепция устойчивого развития ставит своею целью такую гармонизацию отношений человека и его групп со средой обитания, социальных, в том числе международных отношений, которые бы настолько минимизировали конфликт в этой биосоциальной системе, чтобы иметь возможность своевременно нейтрализовать возникающие отрицательные последствия конфликта. Отмеченное предполагает трансформацию социальной и политической культуры, в том числе и в сфере международных отношений и мировой политики.

Напротив, игнорирование принципов устойчивого развития, в конечном счете, ведет к деградации человеческой цивилизации.

Невыполнение рекомендаций международных институтов и научных форумов, касающихся глобальных проблем, является практикой для многих государств, в том числе и тех, кто определяет направления и характер процесса глобализации или претендует на это. То же самое относится и к осуществляющим промышленную и научно-технологическую деятельность частным и особенно транснациональным корпорациям.

Для успешного разрешения проблем глобального характера недостаточно полагаться на усилия отдельных государств или союзов государств. И дело не только в необходимости консолидации ресурсов, но и встает вопрос об интенсификации интеллектуального и практического международного сотрудничества для решения названных проблем в контексте дискуссии о дальнейших путях эволюции человечества. В этой связи можно согласиться с мнениями тех ученых и политиков, которые приходят к выводу о необходимости институционализации понятия

“международное сообщество” и создания институтов глобального управления. Тот факт, что пока не совсем ясно, каким образом и на какой основе могут быть созданы такие институты, не означает, что переход к устойчивому развитию должен быть отложен и не рассматриваться в практической плоскости.

Устойчивое развитие как новая приоритетная задача мировой политики требует от национальных государств введение в свою практику новых форм и методов разработки и реализации внутренней и внешней политики.

Глобальные проблемы (гонка вооружений, борьба с наркоугрозой, терроризмом, голодом, безработицей, болезнями, экологической безопасностью и др.) требуют объединения усилий по их решению. В то же время вызывает беспокойство неравномерность глобализации и ее плохая управляемость.

Особо следует остановиться на проблеме того, каково место России в процессах глобализации и решении глобальных проблем.

Считается, что составной частью процесса глобализации являются государства, подпадающие под категорию “великие державы”.

Именно они обладают национальными ресурсами мирового уровня. Являются или постоянными членами Совета Безопасности ООН, или “большой восьмерки”. С некоторыми из них отождествляют глобализацию, особенно с ее отрицательными сторонами, или предъявляют к ним обвинения в том, что именно они преднамеренно стимулируют в своих интересах процесс глобализации. На национальном и международном уровнях великие державы вместе и по отдельности принимают и стремятся реализовать такие решения, многие из которых носят гло-

бальный характер по целям и последствиям.

Таким образом, совокупный экономический и политический потенциал группы великих держав объективно и субъективно оказывает влияние на развитие всей человеческой цивилизации.

По совокупности ряда объективных и субъективных параметров принадлежность России к клубу великих держав не может быть подвергнута сомнению.

Это – геополитические координаты ее территории, наличие природных ресурсов мирового уровня, обладание ядерным оружием, активная и значимая политическая роль в решениях мирового уровня и формальный статус постоянного члена Совета Безопасности ООН и принадлежность к “восьмерке”, а также накопленный за длительный исторический период опыт участия в решении международных проблем и проблем мирового уровня.

Соответственно, все отмеченное свидетельствует о значимой роли России в процессах глобализации.

Вопрос о статусе Российской Федерации в мировой политике и его соответствие национальным интересам был поставлен и в самом российском обществе сразу после распада СССР и не потерял своей актуальности сейчас.

Россия продолжает идентифицировать себя как великую державу, то есть не только готова отстаивать доставшийся ей исторически великоледжавный статус, но и взяла на себя определенную долю ответственности за проблемы глобального уровня.

В настоящее время Россия стремится на политическом и дипломатическом уровнях, в том числе используя свое членство в различных международных организациях, прежде всего, ООН, инициировать и продвигать свои подходы к решению глобальных проблем, а также к укреплению своего

международного влияния и имиджа как одного из ключевых мировых игроков на этом направлении.

Россия принимает активное участие в развитии международного сотрудничества в этой области в различных форматах: через работу в Совете Безопасности ООН и профильных комиссиях ООН, Советах управляющих Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и т.д., а также в формате региональных организаций и двусторонних отношений.

В списке глобальных приоритетов международного сообщества проблематика **защиты окружающей среды и устойчивого развития** выдвигается на одно из первых мест. Именно в этой области прочно утвердился многосторонний подход к решению стоящих перед человечеством проблем.

Россия активно использует деятельность Комиссии ООН по устойчивому развитию (КУР) – основного органа системы ООН по реализации комплексных решений Повестки дня XXI в. для продвижения своих интересов и укрепления глобального сотрудничества в сфере энергетики, транспорта, сельского хозяйства с целью снижения их воздействия на окружающую среду. При этом российская сторона считает, что содействие международному развитию должно реально способствовать устранению региональных и страновых дисбалансов, искоренению бедности и решению проблем наименее развитых стран и регионов.

Российская сторона является участницей большинства основных многосторонних природоохранных конвенций.

Следует отметить, что Россия сыграла решающую роль в вопросе вступления в силу Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата – важного международного инструмента по противодействию глобальным изменениям климата.

При условии принятия на национальном уровне четких мер по законодательному и нормативному регулированию, контролю и отчетности реализация Киотского протокола будет экономически выгодной для России, способствуя притоку иностранных инвестиций в модернизацию российской экономики и внедрению экологически чистых технологий.

С этим прицелом по инициативе России дан старт широкому диалогу по вопросу разработки соответствующих процедур одобрения добровольных обязательств государств по сокращению выбросов парниковых газов (ПГ). Со своей стороны Россия открыта к широкому сотрудничеству и конструктивному диалогу со всеми заинтересованными сторонами Конвенции и Киотского протокола по вопросам выработки будущих подходов к ограничению глобальных выбросов ПГ для снижения антропогенного воздействия на окружающую среду и улучшения экологической ситуации на планете.

В то же время нерешенность и дальнейшее обострение глобальных проблем требуют дальнейшей активизации международной деятельности нашей страны по их решению в контексте философии именно устойчивого развития. Приоритетными целями здесь должны быть, прежде всего, содействие укреплению стабильных структур международных отношений и повышения эффективности институтов, а также совершенствования форм и механизмов сотрудничества в области решения глобальных проблем.

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность России, направленная на повышения эффективности международного сотрудничества в области **прекращения гонки вооружений** в обобщенном ставит перед собой следующие задачи:

- контроль за соблюдением существующих договоров в области разоружения и контроля над вооружениями;
- инициирование дальнейшего хода разоруженческого процесса; установления более жесткой и эффективной системы контроля за нераспространением наиболее опасных видов вооружений;
- предотвращению возникновения “правового вакуума” и новых сфер гонки вооружений;
- привлечение иностранных капиталов, технологий и фирм, а в необходимых случаях и различных общественных сил и движений по конверсии к ликвидации экологически разрушительных или угрожающих последствий военной деятельности бывшего СССР и современной РФ (захоронение и ликвидация ядерных материалов, выработавших установленные сроки вооружений и техники, восстановление пострадавшей среды и т.д.);
- экспорт созданных и отработанных в России технологий восстановления природной среды, пострадавшей в результате разного рода военной деятельности; сотрудничество в осуществлении таких проектов с государственными, частными, общественными органами и организациями других государств.

Мерой успеха, показателем эффективности политики России как великой державы стало бы не просто укрепление национальной безопасности РФ – для этого не обязательно быть великой державой. Россия претендует на указанный статус.

В этом случае не корректно говорить, что речь идет лишь о формальном статусе в Совете Безопасности ООН, исторической преемственности по отношению к геополитической роли СССР и Российской империи в мировой политике. Как представляется, российские властные элиты могли

бы, коль они претендуют на **Нечто (!!?)**, предложить не просто многополярный мир, а подобное тому, что предложил в свое время СССР, а именно – идею альтернативного развития цивилизации.

Очевидно, что претендовать какой-то одной стране на открытие некой глобальной альтернативы развития человечества было бы очередной утопией.

Другое дело, попытаться предложить приступить к практическому решению глобальных проблем с другой стороны.

На фоне постоянного роста расходов на гонку вооружений и роста прибылей ВПК говорить о положительном решении глобальных проблем бессмысленно.

В 70-е годы прошлого столетия была разработана Концепция “нового экономического порядка”, для того, чтобы способствовать развитию стран Азии и Африки и решению глобальных проблем. В частности, предлагалось использовать средства, высвобождающиеся в процессе постепенного сворачивания гонки вооружений и конверсии, на решение глобальных проблем и проблем развития слаборазвитых стран.

В то же время гонка вооружений продолжается.

В обзоре МИД РФ за 2006 г. отмечается, что “проявившаяся в последние годы тенденция возрастания фактора силы в мировых делах оказала неблагоприятное воздействие на динамику разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения. ... Создаются предпосылки для того, чтобы оправдать понижение “порога” применения ядерного оружия.

Эти негативные тенденции, а также отрицательное отношение США к многосторонним юридически обязывающим инструментам в сфере разоружения привели к тому, что в последние годы разоруженческий процесс отодвинут на периферию мировой политики. Почти десятилетие без-

действует Конференция по разоружению, очевидна стагнация в работе Комиссии ООН по разоружению".

В то же время США, выйдя из Договора по противоракетной обороне (ПРО), приступили к развертыванию глобальной системы ПРО. Причем Вашингтон втягивает некоторых европейских партнеров по НАТО в развертывание эшелонированной ПРО в Европе в качестве интегрированной части своей глобальной системы ПРО.

Новая американская космическая стратегия закрепляет за США возможность размещать оружие в космосе, что может спровоцировать гонку космических вооружений. Китай уже провел испытание противоспутникового оружия, продемонстрировав возможность борьбы с космическими аппаратами.

Таким образом, пока не удается запустить выработку международной договоренности о не размещении оружия в космосе.

Изошренность новейших изобретений в области вооружений в плане уничтожения человека и масштабы его производства отвлекают от решения других проблем и создают новые. Это является следствием того, что производство вооружений превратилось в самодостаточный глобальный процесс,

Как представляется, активное участие России в международном сотрудничестве, направленном на решение глобальных проблем в сочетании с деятельностью по сворачиванию гонки вооружений будет способствовать усилению ее международных позиций как державы – полюса инноваций не в области вооружений, а предлагающей альтернативный путь развития человечества.

который трудно объяснить только ссылкой на национальные интересы, получение сверхприбыли, или какие-то иные сверхцели.

Гонка вооружений является формой существования и самомобилизации части национальных элит для удержания обретенных в период "холодной" войны социально-политических и международных позиций. Военно-промышленный комплекс врос не только в экономику, но и является задающим идеологию развития влиятельным фактором политического процесса государств, препятствует демилитаризации национальных сознаний и международных отношений.

Но главное – гонка вооружений представляет особую опасность для человечества, так как подрывает нравственные начала его существования.

С момента своего возникновения во второй половине XIX в. масштабное промышленное производства вооружений, постоянно расширяясь, потребляет все больше природных и интеллектуальных ресурсов, находящихся за ее пределами, одновременно перемещая промышленные производства в регионы, природа которых имеет важное значение для поддержания экологического баланса на планете.

Почему Иран и КНДР никогда не будут располагать МБР

Владимир Васильев,
кандидат технических наук

В среду 6 января 1999 г. Конгресс США принял закон о противоракетной обороне национальной территории страны (НПРО). Через полгода после этого, 23 июня президент Дж.Буш-младший подписал его, и закон незамедлительно вступил в силу.

В нем было всего три пункта:

Первый пункт давал определение НПРО – защита от ударов баллистических ракет всей территории США.

Второй говорил о необходимости развертывания элементов НПРО по мере создания технических условий для этого.

Наконец, по третьему пункту требовалось продолжить переговоры с Россией о дальнейшем сокращении ее стратегических ядерных сил.

Главным аргументом для принятия закона было мнение политического руководства США о том, что возможно весьма скоро (если не сегодня, то завтра, в крайнем случае – послезавтра) страны-изгои (Иран и КНДР) создадут межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), снабженные ядерными боеголовками, способные достигать Восточного (от Ирана) и Западного (от КНДР) побережья США со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

С тех памятных дней прошел год, а “воз и ныне там”. Ни МБР, ни ядерных боеголовок к ним нет. Но зато США начинают практические мероприятия по развертыванию европейского сегмента ПРО в дополнение к двум другим на территории США – Форт Грили (шт. Аляска), и ракетная база Гранд Форкс (шт. Северная Дакота).

Директор Управления ПРО МО США генерал-лейтенант Генри Оберинг полагает, что все 3 сегмента будут приведены в постоянную боевую готовность к 1 сентября 2012 г., то есть через 5 лет. И как прежде главной угрозой считаются МБР Ирака и КНДР, хотя никаких оснований для этого нет.

Строгий технический анализ свидетельствует – никогда эти страны не будут обладать МБР*.

* Анализ проведен автором на основе своей службы в РВСН на протяжении 30 лет.

Прошлое и настоящее баллистических ракет

Баллистическими называются ракеты, полет которых от точки старта до точки прицеливания осуществляется по закону движения свободного тела, брошенного с некоторой скоростью под углом к горизонту (закон Кеплера). Траектория имеет два характерных участка – начальный активный, когда работает ракетный двигатель, создающий тягу, и пассивный, после выключения двигателя.

Полет на активном участке описывается уравнениями движения внутренней баллистики (как в стволе оружия), на пассивном – уравнениями внешней баллистики (как полет снаряда после вылета из ствола).

Перечисленные законы и уравнения известны давно. Они были трансформированы применительно к боевым баллистическим ракетам большой дальности в Германии, СССР и США еще в конце 30-х годов прошлого века и опубликованы в открытой печати.

Согласно принятой международной классификации баллистических ракет, к межконтинентальным относятся те из них, у которых максимальная прицельная дальность стрельбы составляет более 5500 км. Подавляющее число МБР России, США и Китая имеют прицельную дальность 10000–14000 км.

Но одно дело – теория, а другое – практика массового производства и применения баллистических ракет.

Например, для того, чтобы разработать, изготовить и применить на Западном фронте более 8000 баллистических ракет V-2 (Фау-2) дальностью всего 300 км с головной частью в обычном снаряжении массой 1000 кг Третьему рейху потребовалось 9 лет (1936–1945 гг.) напряженной работы, задействовать 23000 научно-исследовательских институтов и полигонов, конструкторских бюро и заводов, заготовительных и сборочных, где трудилось 500 тыс. чел., включая военнопленных.

Кстати, центр управления производством комплектующих элементов V-2, Архив научно-технической документации, а также научно-производственные лаборатории, создававшие бортовую и наземную радиотелеметрическую и аппаратуру для полигонных испытаний, находились на территории Чехии вблизи Праги.

Оба ракетных испытательных полигона функционировали на территории современной Польши – на о-ве Узедом и в междуречье Висла-Вислица. Теперь в тех же самых местах США намерены создать третий, Европейский сегмент НПРО.

К окончанию Второй мировой войны СССР и США не имели на вооружении боевых баллистических ракет, подобных германским. Поэтому, начиная с 1946 г., оба государства включились в гонку ракетных вооружений, взяв за основу трофейную технику третьего Рейха.

Но если Германии, начавшей с "нуля", потребовалось 9 лет для достижения дальности 300 км, то для СССР и США потребовалось 10 лет, чтобы достичь дальности 2000 и 4000 км.

Это были советские ракеты Р-12 (8К63) и Р-14 (8К65) и американские "Тор" и "Юпитер".

Создание МБР с дальностью 8000 км впервые удалось СССР в 1957 г. Это ракета Р-7 (8К71), затем США – 1958 г. (ракета "Атлас").

Необходимо отметить, что американцы имели определенное преимущество перед СССР в самом начале гонки ракетных вооружений.

Это не удивительно, потому что самые совершенные и современные баллистические и крылатые ракеты США всех видов базирования создавались под непосредственным руководством

бывшего генерал-лейтенанта авиации Третьего рейха, доктора наук и доктора философии Вальтера Доренбергера – создателя Faу-1, который вместе с конструктором Faу-2, штандартенфюрером войск СС, доктором наук

Вернером фон Брауном сдался американцам 4 мая 1945 г.

Развертывание мощных группировок стратегических ядерных сил обеих держав на основе МБР было закончено только в 80-х годах прошлого века.

Чем располагают Иран и КНДР?

Оба государства в настоящее время располагают баллистическими ракетами дальностью 2000 км, способными нести боеголовку массой около одной тонны. Ракеты одноступенчатые, с неотделяемой головной частью и простейшей системой прицеливания и наведения, мало чем отличающейся от системы управления ракеты V-2 образца 1943 г.

Топливо жидкое: горючее – тракторный или авиационный керосин, окислитель – концентрированная азотная кислота.

Примитивность устройства этих ракет не позволит уменьшить величину промаха

лучше 1% для прицельной дальности до 1000 км и 0,5 % – до 2000 км. То есть, если для ракеты SCUD дальностью 300 км промах составляет ± 3 км, то ракеты "Шихаб-3" при дальности 1800 км должны иметь промах около ± 10 км. При этом стартовая масса SCUD составляет 7 т, а "Шихаб-3" – не менее 20 т.

Если Иран попытается создать ракету с дальностью 4000 км, то ее масса должна составить 80–90 т, а величина промаха достигнет ± 20 км.

Увеличив стартовую массу ракеты до 100–120 т Иран способен создать МБР с дальностью до 8000 км и промахом более ± 180 км.

Что мешает Ирану и КНДР создать собственные МБР?

Здесь действуют несколько объективных причин.

Первая – по мере увеличения массы жидкого топлива при его выгорании возникают мощные вибрационные колебания корпуса ракеты, приводящие к его разрушению. Этот недостаток ракет на жидком топливе можно устранить при замене на твердое топливо на основе гомогенной смеси перхлората аммония, полиуретана и алюминия, но технология производства такого топлива известна лишь России, США, Китаю, Франции и Индии.

Вряд ли эти страны согласятся делиться с кем-то своими секретами, добытыми ими в результате десятилетий кропотливого труда.

Вторая причина – повышение требований к точности работы системы управления.

Так, для достижения прицельной дальности 300 км требуется стабилизировать угол бросания (тангенза) 45° к горизонту, выдерживать плоскость (азимут) стрельбы до достижения расчетного значения кажущейся скорости. При этом допускается, что Земля имеет плоскую форму, вращается вокруг своей оси с неизменной скоростью, а ускорение земного тяготения постоянно вдоль всей траектории полета.

При стрельбе на дальности 1000–2000 км необходимо учитывать, что Земля все же имеет форму шара, а также более точно стабилизировать углы и оценивать скорость.

И наконец, для прицельной стрельбы на дальность более 3000–4000 км необходимо считаться с тем, что Земля имеет форму не шара, а эллипсоида Красовского, ускорение земного тяготения зависит от трассы полета.

Кроме того, в полетное задание необходимо вводить коррекцию, связанную с

непостоянством скорости вращения Земли вокруг своей оси. И чем больше дальность полета, тем больше знаков нужно знать после десятичной запятой для исходных данных в цифровой форме.

Здесь еще больше трудностей, так как данной информацией обладают только Россия и США.

Но это еще не все. По мере увеличения дальности резко усложняется математический аппарат алгоритма управления полетом на активном участке.

Так, на дистанции 4000–8000 км выключение двигателя должно осуществляться в два этапа: по выдаче предварительной и окончательной команд, время которых определяется по результатам расчета функционала, учитывающего погрешности оценок углов и скорости*.

Поскольку на дальности свыше 4000 км применяются двухступенчатые ракеты на жидком топливе с отделяемой головной частью, то возникают дополнительные трудности, связанные с проблемой разъединения ступеней и отделения головной части. Для их разрешения США и СССР потратили добрый десяток лет, пережив ряд аварий и катастроф.

Немало проблем содержит возвращение боеголовки с высоты 1000–1500 км при прохождении плотных слоев атмосферы на скорости 5–7 км/сек.

Из-за сильного нагрева (2000–3000°С), мощных вибраций сохранение боеголовки и ее боезаряда обеспечивается принятием большого числа технических мер, тайны которых обладают только великие державы.

А если все же...

Если предположить невероятное, что Ирану и КНДР удастся преодолеть все перечисленные выше проблемы и трудности, то достичь прицельной дальности 8000–12000 км им все же не удастся. Причина в том, что на такой дальности ракета должна быть трехступенчатой с комбинированной системой управления на активном участии полета:

- первая ступень – стабилизация углов азимута и тангажа, выключения двигателя по достижения расчетного значения кажущейся скорости;
- вторая ступень – коррекция углов азимута и тангажа, управление вектором тяги до достижения расчетного значения функционала;
- третья ступень – оценка с помощью бортовой инерциальной системы управления местоположения ракеты с частотой

несколько десятков раз в секунду и внесение коррекции в программу полета для минимизации промаха на последнем (терминальном) участке полета.

В настоящее время и в обозримом будущем реализовать этот алгоритм могут только Россия, США.

Для того, чтобы как-то оправдать утверждение США о неминуемости угрозы ракетной атаки со стороны Ирака и КНДР, можно предположить, что им удалось купить или украсть некоторые секреты, например, технологию применения более эффективных компонентов жидкого топлива – диметилгидрозина и азотного тетраксила. Но при этом они получат исключительно сильные отравляющие и коррозийные жидкости, от которых требуется защищать людей и технику**.

* Методика вычисления функционала была разработана кандидатом физико-математических наук Изей Нудельманом более 30 лет тому назад применительно к МБР второго поколения. В настоящее время И.Нудельман проживает в Израиле и не намерен делиться остатками своих знаний с персами и корейцами.

** Диметилгидрозин был изобретен в Германии в 1915 г. как боевое отравляющее вещество, которое сразу же было запрещено, так как от него погибло больше германских солдат, чем англичан и французов.

И последнее. Предположим, что МБР в Иране и КНДР стали реальностью. Теперь их необходимо испытать на специальном полигоне, которых нет в этих странах. КНДР направляет свои ракеты в сторону морей и океана, никогда не объявляя заранее точку прицеливания и время пуска. У Ирана прямого выхода в открытый океан нет, стрелять придется через территорию других стран, что не всем будет нравиться.

Как правило, первые 3–5 пусков МБР бывают аварийными, по результатам которых выявляются ошибки и недостатки. А всего для принятия решения о готовности МБР к боевому применению необходимо провести 31

испытательный пуск, что требует Центральная предельная теорема теории вероятностей. В случае обеспечения высокого уровня научно-технического сопровождения летных испытаний число пусков может быть сокращено до 15–16, на что должно уйти 3–4 года.

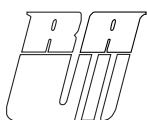
Хотелось бы опровергнуть утверждение некоторых журналистов, что со временем Иран и КНДР усовершенствуют свои МБР, установив на них разделяющиеся кассетные боеголовки класса *MRV*, разделяющиеся боеголовки с индивидуальным наведением на цель типа *MIRV* или даже маневрирующие у цели боеголовки класса *MARV*. Но такое не может быть никогда!

Приведенный выше обзор проблем и трудностей, возникающих при любой попытке создать МБР, является лишь верхушкой надводной части айсберга. Изучить и освоить этот айсберг смогли только СССР (Россия), Китай и США. Другим этого не дано.

Требуются огромные материальные и финансовые затраты, мощнейшая промышленная база, высокоразвитая научная и инженерная поддержка на всех этапах разработки, конструирования, изготовления, испытания и боевого применения.

Но еще существует масса проблем и трудностей с наземным транспортным и пусковым оборудованием, топогеодезическим обеспечением, создания сети контрольно-измерительных пунктов и т.д.

Таким образом, МБР в руках Ирана и КНДР – больше миф, чем реальность.

**OBOZREVATELЬ
OB SERVER**

<http://www.rau.su>
E-mail:observer@nasled.ru

Образ России в СМИ

Ольга Малеева

Средства массовой информации – один из наиболее действенных факторов формирования позитивного представления о нашей стране за ее пределами.

Эта задача чрезвычайно актуальна как с точки зрения экономических аспектов, так и по политическим соображениям. При этом, образ России, как и любого другого государства, всегда конкретен и постоянно подвергается корректировке в соответствии с изменениями быстротекущей жизни, адаптируется к новым условиям в стране и за рубежом.

Другими словами, формирование позитивного имиджа это диалектический процесс, требующий к себе постоянного внимания и наполнения соответствующим содержанием. Но для этого надо иметь хорошую материальную базу, прежде всего, успешное развитие страны на ее ключевых направлениях. Поэтому целенаправленное наполнение СМИ позитивной информацией, повышающей авторитет и образ России как внутри страны, так и за рубежом, представляется задачей почти государственной важности. Если правильно направлять этот процесс – через правительственные структуры, министерство печати, МИД и другие ведомства, то можно достичь впечатляющих результатов, тем более что расширяется информационный потенциал всех СМИ, особенно электронных, в частности, такой могучей силы, как Интернет.

В январе 2002 г. была принята правительственная программа до 2010 г., названная “Электронная Россия”. Ее роль чрезвычайно велика. Не случайно эксперты в этой области сравнили ее с индустриализацией в СССР в 30-е годы прошлого века. О многом говорит и такой факт, что ответственными за ее реализацию сделали двух министров: министра экономики и министра связи и информации.

Сдвиги не замедлили ждать себя.

Стало быстро расти число пользователей Интернета и к 2005 г.у достигло более 10 млн. чел.¹. В 2006 г. их число превысило 15 млн., а во всем мире число пользователей Интернета ныне значительно превышает миллиард человек.

Телевидение и Интернет фактически превратили планету, по определению канадского ученого М.Маклюена, в “глобальную деревню”, где все жители практически одновременно получают одну и ту же информацию. Но это не предел.

Пик информационной революции еще впереди и ее последствия для человечества будет трудно сравнить с до сих пор известными феноменами.

Для создания на международной арене позитивного образа России важно усилить массированную активность российских электронных СМИ и особенно Ин-

тернета. Нельзя согласиться с существующим ныне порядком, когда Россия в современном глобализирующемся информационном пространстве числится в аутсайдерах, а потому ее образ (имидж) иногда бывает едва заметным, а американский – просто колossalный, несмотря на то, что США, ратуя за права человека, сами являются душителями свобод.

Только один пример: по инициативе Буша принят закон о прослушивании телефонных разговоров граждан без санкции суда. Но умело, вовремя и на уровне современных технологий поданная информация делает Америку привлекательным мировым лидером, защитником демократии.

Удивляться тут нечему: более 80% информации в Интернете производится в США, свыше 40% компьютерного парка мира сосредоточено тоже в Америке¹.

Формирование позитивного имиджа России – задача трудная, что объясняется и недостаточным информационным потенциалом, и предвзятым отношением Запада к нашей стране, да и неблагоприятным положением дел в самой России.

Отношение народа – главный фактор

Имидж России складывается из целого ряда факторов; но, прежде всего, из имиджа народа и власти, состояния экологии и природных ресурсов, экономики, культуры, уровня надежности, безопасности, развитости демократии, информационной политики.

Согласно регулярно проводимым в России различными социологическими центрами исследованиям, у большей части населения сложилось негативное отношение к имиджу своей страны, ко всем вышеперечисленным его составляющим.

За последнее время еще ниже опустился авторитет информационной политики. Многие считают, что в современной России практически нет свободы слова, СМИ подконтрольны государству и отражают только одну официальную точку зрения на происходящие события, продолжая советскую традицию, а если и отражают иные точки зрения, то чахи всего как предмет для критики.

Современная международная обстановка и положение России требует, чтобы страна находилась на уровне мировых информационных держав. Кризисная обстановка в России, к тому

же подающаяся подчас в искаженно-утурированном виде западными СМИ (да и некоторыми нашими газетами), значительно снижает представление о нас у недостаточно осведомленных читателей. В том числе и по этой причине в западных университетах почти в 10 раз уменьшилось число студентов, изучающих русский язык².

Но особенно заметно низкая репутация России отражается на ее экономики, проявляющаяся в низком уровне торгово-экономических контактов, объемах поступающих в страну иностранных инвестиций.

Не только страны “большой семерки”, но даже Китай не имеет желания вкладывать свои средства в нашу экономику. Виной тому, прежде всего, несовершенство российского законодательства, его несоблюдение даже в таком урезанном виде и особенно коррумпированность российского общества, высшего чиновничества, по вине которого блокируется принятие антикоррупционного закона. Российская пресса этому державному пороку отводит достаточно места, чтобы отбить охоту у иностранных инвесторов вкладывать деньги в нашу экономику.

Российские средства массовой информации, если они объективно отражают реальную жизнь, подчас при всем желании не имеют возможности поднять планку имиджа страны в глазах зарубежного читателя. Как бы журналисты, комментаторы не старались, описывать в радужных тонах проводимые реформы образования, здравоохранения, все равно, когда речь заходит о конкретике, выступают наружу очень неприглядные факты.

Многие наши газеты (а они расходятя по всему свету) снабжают соответствующие зарубежные органы, не прекращающие информационное противоборство с нашей страной, такими фактами, которые дают возможность поставить под сомнение цивилизованность России и опустить ее в один ряд с развивающимися странами Азии, Африки, Латинской Америки.

В таких изданиях, как "Независимая газета", "Коммерсантъ", "Литературная газета", "Московский комсомолец", "Аргументы и факты", а также в других изданиях периодически приводятся фактически одни и те же цифры и факты (с небольшим отличием), не делающие чести ни государству, ни ее правящим кругам.

За годы "демократических" наследия страны сократилось на 12–15 млн. чел.

Количество школьников уменьшилось за этот период на 5 млн. человек, примерно 4,5 млн. насчитывается беспризорных, бездомных детей.

Лишь только 17% взрослого населения России имеет высшее образование (в советские годы было 80%); 4% призывающих, приходящих в армию не умеют ни читать, ни писать, зато более одного миллиона человек ежедневно находятся в тюрьмах (это исторический рекорд России)³.

Особенность современной России – нехватка школ, больниц и тюрем.

Авторитет и харизму России создают, прежде всего, ее народ и власть, определяющие внутреннюю и внешнюю стратегию страны.

Народ России, совершивший на протяжении истории героические подвиги в период освобождения страны от польского нашествия (XVII в.), монголо-татарского ига (Куликовская битва – 8 сентября 1380 г.), германского фашизма (1941–1945 гг.), построивший первое в мире государство социальной справедливости – СССР, поставил свою страну – историческую Россию – в первый ряд среди наиболее авторитетных держав мира.

Информационные статьи на эти темы в нашей периодической печати, радио и телепередачах оказывали огромное влияние на мировое общественное мнение, перепечатываются и комментируются в зарубежных изданиях, создавая большой авторитет России в глазах народов мира.

Так, У.Черчилль, давая высокую оценку роли Советского Союза и его героической армии в разгроме германского фашизма и освобождении народов Европы, в частности, поляков, 7 января 1944 г., произнес исторические слова о том, что "без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу и никакие другие силы не смогли бы это сделать"⁴.

Общеизвестно, что имидж любого государства зависит от политической воли лидеров, их деятельности по укреплению своего Отечества.

Так, Сталин, несмотря на жестокие методы правления, остался в исторической памяти как великий государственный деятель, крупный дипломат, создавший могучую социалистическую державу, ставшей притягательным примером для народов. И ныне в российской и западной прессе нередко тиражируется оценка, данная Сталину Черчиллем, что он "принял Россию с собой, а оставил с атомной бомбой".

Слабоволие и некомпетентность руководителей после Сталина привели страну к гибели. Особенно негативна роль Горбачева, точную характеристику которому дал американский президент Д.Буш (старший): “Если бы Горбачев обладал авторитарной, сталинского склада политической волей и решительностью его предшественников, возможно, нам бы до сих пор противостоял Советский Союз. Он был бы обновленным и помолодевшим”⁵. Горбачев же сдал страну и по выражению того же Буша, в условиях, когда “не прозвучало ни одного выстрела”⁵.

Российские СМИ широко освещали антисоциальную разрушительную деятельность последующих руководителей России – Горбачева, Гайдара, Чубайса и других деятелей, еще более понижающих образ России в глазах народов мира. Они не могли понять происходившего разграбления российских богатств под видом приватизации с ведома президента страны.

В качестве советников у Чубайса (главного распорядителя приватизационным процессом) и других руководителей в 90-е годы работали 200 американских советников, которыми руководили кадровые разведчики ЦРУ – Хей и Шлейфер; 32 советника имели доступ к нашей секретной информации.

И все это происходило с ведома президента Ельцина, который страшно “серчал”, когда ему докладывали об этом беспределе⁶.

К сожалению, имидж современной власти, согласно опросам, находится на минимальном уровне. Ее оторванность от народа, коррумпированность, несоблюдение демократических норм, забота о своих эгоистических интересах, непатриотизм, раздвоенность между Россией и Западом (Америкой), где размещены личные счета, недвижимость и семьи некоторых чиновников, а сами они находятся в России словно

на заработках – все это создает негативный образ власти.

Получается, что народ и государство разделены водоразделом. Многое делается без учета воли народа – основного источника власти в стране (согласно ст. 3 Конституции РФ), в том числе принятие антисоциальных законов о ЖКХ, земле, отмене в паспорте указания на национальную принадлежность граждан и др.

Бывший премьер М.Касьянов находится под уголовным подозрением. Министр Минатома Кириенко в ущерб России отдает предпочтение Франции в производстве турбин (по российским чертежам), а наша соответствующая отрасль, где имеются высококлассные специалисты, вынуждены сокращать производство⁷.

Правда, при президенте Путине имидж России значительно повысили как в ближнем, так и дальнем зарубежье.

Этому способствовали и средства массовой информации, дававшие адекватную оценку его деятельности по укреплению территориального единства страны, которой угрожала инициированная Ельциным феодальная раздробленность. Создание 7 территориальных округов с полномочными президентскими представителями и с унитарными элементами правления положили конец этому беспределу. Выступление В.Путина 10 февраля 2007 г. в Мюнхене, в котором была дана жесткая оценка антироссийской деятельности США и НАТО, значительно повысило международный авторитет России, особенно в странах “третьего” мира, хотя вызвало явное недовольство определенных кругов в Западной Европе и США.

Возобновление круглосуточного дежурства самолетов дальней авиации России с ядерным оружием на борту подняло выше авторитет России как державы, способной надежно охранять свою безопасность.

Положительное влияние на имидж страны

И отечественные, и зарубежные средства информации немало места отводят описанию природных ресурсов России, делающих ее полностью самодостаточной, независимой страной.

По своим природным богатствам на душу населения Россия в 5 раз превышает Норвегию и Канаду, в 6 раз США, в 20 раз Великобританию, Францию, Германию, в 38 раз Японию, в 80 раз Китай⁸.

Кроме того, на территории России находится третья запасов всей пресной воды планеты – этого жизненно важного богатства, еще не оцененного нами в полной мере.

Дефицит пресной воды нарастает с каждым годом, и уже две трети населения планеты испытывают в ней серьезный недостаток. Стерильно чистая вода Байкала составляет 10% мировых запасов пресной воды, и если мы наладим ее экспорт, то можем получать десятки миллиардов долларов чистой прибыли – больше, чем от экспорта нефти, запасов которой осталось на несколько десятков лет.

Россия – супердержава по природным богатствам, имеющая все возможности создать самый высокий уровень жизни для своего населения, и западные СМИ с недоумением пишут, как это власти России умудряются задвинуть по этому показателю страну аж на 70 место среди других стран мира.

Эффективно влияют на повышение имиджа России отечественные СМИ, освещдающие достижения в сфере науки. Несмотря на ее длительное недофинансирование, имеются значительные результаты, подчас поражающие воображение западного жителя.

На 17 важнейших направлениях научных исследований ученые РАН имеют достижения выше мирового уровня. Речь идет в первую очередь о так называемых прорывных технологиях.

Это электронно-ионные плазменные технологии, технологии мониторинга природно-техногенной среды, биотехнологии,

атомная энергетика, авиационная и космическая техника с использованием новых технических решений и др.⁹.

Так, например, в течение ряда лет на Байкале действует нейтринный телескоп для изучения потоков нейтрино, проходящих сквозь Землю.

Американцы на Гавайях тоже пытались построить подобный телескоп, но положительного результата так и не достигли⁴.

На мировой авторитет России работает присуждение Нобелевской премии за 2000 г. российскому физику Ж.И.Алферову за открытие по получению полупроводниковых структур, которые могут быть использованы для сверхбыстрых компьютеров. Произошло это вопреки ставшей в последние годы традицией Нобелевского комитета “не замечать” достижений российских ученых.

Вообще в настоящее время в мировом общественном мнении нет однозначного восприятия образа России. Во многом это связано с характером проводимых реформ, поведением и деятельностью соотечественников как носителей национальной принадлежности, потоком хлынувшим за рубеж с разными целями. Если раньше, в годы “холодной войны” Запад стремился представить СССР как “агрессора”, “империю зла” (об этом до сих пор пишут в своих мемуарах и Буш-старший, и Мэтлок, и другие), то сейчас формируется образ страны коррумпированно-мафиозной сверху до низу, где население погрязло в нищете, пьянстве и воровстве.

Такой подход нередко поддерживают и наши СМИ: газеты “Московский комсомолец”, “Независимая газета”, “Известия”, “Коммерсантъ”, “Комсомольская правда” и некоторые другие. Делается это традиционным методом – путем смешения правды с вымыслом. Одним из них является политический миф, в основе которого лежит пред-

ставление о России как стране политического деспотизма, где население чуть ли не с любовью относится к несвободе и рабству – и все это расцвечивается множеством деталей российской истории, вырванных из контекста.

Формированию негативного образа России способствует и заградительная политика Запада по отношению к объективной информации российских СМИ, а в странах СНГ – разные ограничения распространения русскоязычных газет и журналов, теле- и радиопередач на русском языке.

Запад есть Запад, и его стереотипы по отношению к России трудно преодолимы. Тем не менее, наши СМИ обладают немалыми возможностями по нейтрализации негативного образа России за рубежом.

В их силах более активно развивать деятельность по разъяснению зарубежной аудитории целей и основных направлений государственной политики России. Наша конструктивная внешняя политика, направленная на обеспечение собственной и международной безопасности, повышение уровня внутрироссийских социальных мероприятий дают новые аргументы для повышения имиджа России.

Лидерами такой политики выступают Грузия, Азербайджан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан, Украина.

На Украине – доля государственного радио и телевещания на русском языке составляет менее 5% эфирного времени.

В этой ситуации России необходимо усилить свой информационный потенциал, чтобы нейтрализовать западную антироссийскую пропаганду. По большому счету Запад в своих СМИ выставляет чаще всего или наши негативные явления, или то, что не способно усилить Россию.

Примечания

¹ Кашлев Ю. Многоликая дипломатия. М.: “Известия”. 2007. С. 76, 82.

² Медведев Р. Расколотая Украина. М., 2007. С. 8.

³ Завтра. 2007. Сентябрь. № 38 (722).

⁴ Цит. по: Шутов А.Д. Россия в жерновах истории. М.: “Вече”, 2007. С. 351, 253.

⁵ Буш Д., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. С. 499.

⁶ Телепередача “Момент истины”. 2004. 14 ноября.

⁷ Телепередача “Момент истины”. 2007. 28 сентября.

⁸ Львов Д.С. Контуры будущей России // Завтра. 2006. Ноябрь. № 47 (679).

⁹ Платтэ Н.А. Инновационная деятельность Российской Академии наук // Промышленность России. 1999. № 11. С.13.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на диске в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 17.12.2007. Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО “Джей Ти Принт”. Заказ № 98.